чание

Д02
Ю703

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Примечание

1266.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1873

КНИЖКА ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

МАРТЪ И АПРѢЛЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ и ЧЕТВЕРТАЯ—МАРТЪ и АПРѢЛЬ

I. — О НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА И РАЗВОДѢ ПО ЗАКОНАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.—II.—**М. П. Соловьева**. 7

II. — СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ ЮРИСТОВЪ ВЪ БЕРЛИНѢ, 27—30 августа 1860 года. По запискамъ профессора Московскаго Университета В. Н. Никольскаго. — **В. А. Умова**. 51

III. — ПРОЦЕССЪ ГЕНЕРАЛА ТРОШЮ ПРОТИВЪ ДЕ-ВИЛЬМЕСАНА И ОГЮСТА ВИТЮ. (Обвиненіе въ диффамаціи и оскорбленіи представителя общественной власти). 87

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

IV. — КУЯЛЬНИЦКО-ХАДЖИБЕЙСКІЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ. — **К. Д. Кавелина**. 1

V. — НУЖНО-ЛИ СОХРАНИТЬ ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ? **К. Н. Ж—а**. 21

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1873

ГОДЪ ПЯТЫЙ

МАРТЪ и АПРѢЛЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

О НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА

И РАЗВОДѢ

ПО ЗАКОНАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

III.

Въ древней Польшѣ каноническое законодательство о бракѣ господствовало до раздѣла Польши безусловно; но введеніе его совершилось невдругъ: церковь долго боролась съ народнымъ языческимъ представленіемъ о бракѣ. Историческіе памятники не представляютъ намъ прямыхъ указаній на формы заключенія, на формы и поводы прекращенія брака у языческихъ славянъ, поселившихся въ бассейнѣ Варты и Вислы. Эта скудность историческихъ извѣстій въ значительной степени можетъ быть восполнена косвеннымъ образомъ: извѣстіями, относящимися къ славянамъ приднѣпровскимъ, полабскимъ и прибалтійскимъ.

Какъ у всѣхъ древнихъ арійскихъ племенъ, у древнихъ индусовъ, персовъ, римлянъ, мы находимъ и у славянъ нѣсколько разнообразныхъ формъ заключенія брака. Иногда эти формы существуютъ рядомъ, иногда онѣ постепенно смѣняютъ одна другую. Первоначальная форма брака—покупка невѣсты у родителей ея женихомъ—исчезаетъ прежде всѣхъ и удерживается лишь какъ символъ въ соединеніи съ какою-

либо иною формою. Причина этого ранняго исчезновенія покупки невѣсты стоитъ въ связи съ рано укоренившимся возвышеннымъ воззрѣніемъ арійскихъ племенъ на женщину какъ на человѣка, въ противоположность воззрѣнію семитовъ на женщину, какъ на предметъ купли—продажи. Купля—продажа невѣсты смѣняется, съ развитіемъ самостоятельности женщины, уходомъ ея замужъ по добровольному соглашенію съ женихомъ, или похищеніемъ ея, противъ ея воли. Но такая насильственная основа семейнаго союза, свято чтимаго у всѣхъ арійскихъ племенъ, не могла быть терпима развивающимся нравственнымъ сознаніемъ народа. Похищеніе и умычка уступаютъ мѣсто добровольному соглашенію о бракѣ между родичами жениха и родичами невѣсты, при соблюденіи религіозныхъ обрядовъ, но слѣды похищенія сохранились въ нѣкоторыхъ символическихъ обрядахъ религіознаго брака. При воззрѣніяхъ историческихъ народовъ на бракъ, какъ на союзъ, цѣль котораго продолженіе рода, въ связи съ которымъ стоитъ религіозное міросозерцаніе арійскихъ племенъ, поэтому какъ на союзъ вѣчный, бракъ получаетъ религіозное значеніе, нуждается въ божественномъ освященіи мущины и женщины, вступающихъ въ союзъ, сливающихся въ одну личность. Это высокое значеніе брака должно было привести къ единоженству, которому уже въ законахъ Мену отдается предпочтеніе предъ многоженствомъ, и которое является уже исключительной формой брака у грековъ, римлянъ и германцевъ. Впрочемъ и у моногамическихъ народовъ вліяніе исчезнувшаго многоженства отразилось въ томъ, что отвѣтственность мужа за нарушеніе супружеской вѣрности легче, нежели отвѣтственность жены.

Несторъ (Лавр. сп. стр. 6) говоритъ о трехъ формахъ установленія брака: одни славяне похищали дѣвицъ у воды (вѣроятно, во время религіозныхъ торжествъ, совершавшихся у рѣкъ, ручьевъ и т. п.), при этомъ лѣтописецъ умалчиваетъ о взаимномъ согласіи похитителя и похищаемой; другіе устанавливали бракъ по взаимному согласію жениха и невѣсты, но совершали его также посредствомъ похищенія невѣсты во время религіозныхъ торжествъ или

сходокъ на игрища и пляски. Обычай дозволялъ имѣть двухъ и трехъ женъ. Едва ли у этихъ славянъ было необходимо согласіе родичей, потому что Несторъ изображаетъ ихъ родовой бытъ въ состояніи разложенія: уваженія родичей къ главѣ рода уже не существуетъ, потеряли свой чистый характеръ и прочія родственныя связи. Сочувственными, свѣтлыми чертами рисуетъ Несторъ обычаи полянъ, сохранившихъ въ большей чистотѣ обычаи предковъ: женихъ не идетъ за невѣстой (какъ при умычкѣ), но невѣсту приводятъ вечеромъ къ нему, вѣроятно вслѣдствіе предварительнаго соглашенія о бракѣ между родичами жениха и невѣсты. Вѣроятно при этомъ соблюдались религіозные обряды, какъ въ римскомъ confarreatio. Связи родства и свойства у полянъ уважались, и поэтому браки между близкими родственниками, вѣроятно, не дозволялись. Брачный союзъ, заключенный такимъ образомъ, былъ для женщины, какъ это рекомендуется ей законами Ману и у индусовъ, единственнымъ союзомъ. Св. Бонифацій, жившій въ восьмомъ вѣкѣ, говоритъ о поморскихъ славянахъ, что жена по смерти своего мужа, отказывается отъ жизни; и та женщина считается почтенною, которая сама себя убиваетъ и сожигается на погребальномъ кострѣ своего мужа. Такое единобрачіе, едва ли требовалось у славянъ отъ мужа. По крайней мѣрѣ, законы Ману не воспрещаютъ вдовцу вступать во вторичный бракъ. Въ историческія времена обычай сожиганія женъ и воспрещеніе имъ вступать во вторичный бракъ прекращаются. Въ общихъ чертахъ своихъ тѣ же обычаи существовали и у польскихъ славянъ. Мацѣевскій (т. 3, ст. 5) утверждаетъ, что дѣвица не могла выдти замужъ, пока не убила въ бою непріятеля; что славянинъ не могъ жениться на нѣмкѣ, что не допускался бракъ свободнаго лица съ рабомъ. Послѣднее, впрочемъ, могло быть заимствовано уже изъ каноническаго права*).—Установленіе брака у польскихъ славянъ было раз-

*) Примѣръ Рогнѣды, варяжской княгини, едвали также можетъ доказать невозможность браковъ между свободными и рабами у язычекихъ славянъ. Лелевель противнаго мнѣнія. Żadno impedimentum cultus, nationis, conditionis nie czyniło zawady. Polsk. w. sr. III, 422.

лично. Женихъ похищалъ дѣвицу (pojąć, pojmać); могъ догнать, схватить ее и жениться на ней съ ея согласія, но можетъ быть, безъ согласія ея родныхъ (zenić); могъ вступить въ бракъ посредствомъ договора съ ея родичами, за извѣстное имъ съ его стороны вознагражденіе (brać cupić) *). По мнѣнію Лелевеля, купля-продажа имѣла мѣсто тогда, когда зажиточный женихъ обезпечивалъ свою невѣсту вѣномъ, одарялъ ея родителей и приносилъ имъ помощь. При всѣхъ этихъ формахъ установленія брака обычай требовалъ многочисленныхъ свидѣтелей: сватовъ, поѣзжанъ, дружекъ, кумовьевъ и пр., чтобы о бракѣ было извѣстно всему селу, волости или общинѣ. При отсутствіи письменныхъ доказательствъ существованія брака, особенно важныхъ при разрѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ, эти многочисленные свидѣтели были совершенно необходимы. Обрядами сопровождался и разводъ, при чемъ также были свидѣтели. Брачная жизнь отличалась чистотой. Прелюбодѣй подлежалъ тяжкому наказанію; прелюбодѣйца отдавалась на общественное посрамленіе: къ ея груди припускали щенка; за такую вину, мужъ могъ прогнать отъ себя жену. Кромѣ этого повода разводъ могъ совершиться и по многимъ другимъ причинамъ, какъ это можно заключить изъ многочисленныхъ случаевъ развода уже во времена христіанства.

Христіанство принесло съ собою въ Польшу свое строгое ученіе о бракѣ. Многія условія христіанскаго брака, какъ трудность развода, многочисленныя препятствія по поводу родства и свойства, по поводу неравенства состояній, по поводу разновѣрія, необходимость церковнаго благословенія, были чужды славянскому духу и быту. Старый обычай упорно отстаивалъ свое существованіе и болѣе трехъ вѣковъ потребовалось чтобъ древній народный обычай уступилъ мѣсто каноническому праву. Такъ еще въ десятомъ вѣкѣ Мѣчиславъ имѣлъ семь женъ, но, не имѣя отъ нихъ дѣтей, развелся съ ними по причинѣ неплодія ихъ и вступилъ въ бракъ съ чешской княжной Домбровской, христіанкой римско-католическа-

*) Lelewel. Polska wiek. sr. t. III, str. 421.

го исповѣданія. По смерти ея, онъ, будучи самъ уже христіаниномъ, женился на Одѣ, монахинѣ монастыря Калау. Духовенство, въ послѣдствіи, признало этотъ бракъ законнымъ. Монашескій обѣтъ, вообще, въ то время не считался особеннымъ препятствіемъ къ браку: при наслѣдникѣ Мѣчислава Болеславѣ Великомъ сынъ оботридскаго короля, христіанинъ, выдалъ замужъ свою сестру настоятельницу монастыря и подчиненныхъ ей монахинь. Разводы были также произвольны, какъ и до христіанства. Болеславъ Великій въ теченіи четырехъ лѣтъ развелся съ двумя женами и женился на третьей. Когда духовенство успѣвало воспрепятствовать расторженію брака, славяне брали наложницъ. При существованіи многоженства въ языческія времена едва ли существовало различіе между дѣтьми законными и незаконнорожденными; тоже самое было и по введеніи христіанства: не имѣя дѣтей отъ жены, мужъ признавалъ дѣтей наложницы своими законными дѣтьми и общественное мнѣніе не противилось этому. *) Сынъ Болеслава Мѣшекъ хотя имѣлъ отъ жены Риксы сына, но имѣлъ также и наложницу, по наущенію которой развелся съ женой (instigatione cujusdam suae pellicis). Болеславъ Смѣлый женился на двоюродной сестрѣ своей и нѣтъ слѣдовъ, чтобы поэтому поводу онъ требовалъ диспенсаціи духовенства. Но уже новое ученіе было настолько сильно, что преемникъ Болеслава, Владиславъ Германъ, принужденъ былъ развестись съ своей женой, крестьянскаго происхожденія, которую высшее сословіе и духовенство признавали только наложницей, по поводу неравенства состояній; поэтому и сынъ ея Збигнѣвъ, какъ filius ancillae, не былъ признанъ въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ на княжій престолъ, хотя былъ старшимъ. Руководствуясь тѣмъ же каноническимъ правиломъ ancillam a thoro abjicere et uxorem certae ingenuitatis accipere, non duplicatio conjugii, sed profectus est honestatis, шляхта не признавала законности браковъ съ гминными людьми, считала таковые браки наравнѣ съ кровосмѣсительными, incestus. Даже въ послѣдствіи, когда канониче-

*) Lelewel, ibid. 419.

ское право признало неравенство состояній препятствіемъ къ браку лишь въ томъ случаѣ, если неравенство равнозначило ошибкѣ, error personae, гражданскимъ послѣдствіемъ такого брака было ограниченіе правъ состоянія *) дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ. Шляхта, при помощи латино-германскаго духовенства выдѣлившаяся изъ славянскаго общиннаго міра и создавшая себѣ привиллегированное положеніе, подобное положенію нѣмецкой феодальной аристократіи, прежде прочихъ слоевъ общества подчинилась каноническимъ постановленіямъ о бракѣ. Съ паденіемъ королевской власти, съ увеличеніемъ, въ ущербъ первой и на счетъ общинъ значенія шляхты, усиливалось значеніе церковнаго права и духовенства, ослабѣвали и теряли свою юридическую силу народные обычаи. Съ XII вѣка становятся рѣже браки, заключенные безъ благословенія церкви на основаніи народныхъ обычаевъ. Въ XIII они совсѣмъ исчезаютъ. Окончательное утвержденіе канонической порядка браковъ Лелевель считаетъ съ 1200 года. Соборъ Тридентскій не былъ введенъ въ Польшѣ во всей полнотѣ своихъ опредѣленій. Постановленія его, относящіяся къ брачному союзу были приняты съ ограниченіями, сохранявшими силу предшествовавшихъ церковныхъ постановленій. Всѣ тѣ опредѣленія собора, которыя ограничивали существовавшіе въ то время обычаи подъ угрозой проклятія, были отвергнуты польскою церковію. **)

Каноническое право безусловно господствовало въ Польшѣ. Прочія вѣроисповѣданія, протестантское и нехристіанскія также установляли и прекращали брачный союзъ согласно постановленіямъ своихъ религій. Разновѣріе составляло безусловное препятствіе къ браку въ теченіе всего времени, пока Польша была достаточно сильна, чтобы не дозволять иновѣрнымъ сосѣднимъ державамъ вмѣшиваться въ дѣла ея

*) Bandtkie, Pr. Pr. стр. 60,84. Ostrowski Pr. Cyv. т. I, стр. 22. Lelewel, P. w. sr. т. III, стр. 426.

**) Bandtkie, Hist. pr., 510. W zbiory te zamieszcono decretum de reformatione matrimonii ex sess. XXIV Cons. Trid. z opuszczéniem atoli dwunastu kanonów anatemizujacych.

внутренней политики. Повидимому, разновѣріе было особенно затруднительно въ томъ отношеніи, что дѣти, рождавшіяся отъ смѣшанныхъ браковъ, должны были воспитываться въ римско-католической религіи, что, впрочемъ, было весьма логическимъ послѣдствіемъ признанія ея государственною религіею. Некатолическіе подданные Польши, постоянно возстававшіе противъ окатоличенія ихъ дѣтей, успѣли вызвать трактатъ 1768 года, между Россіей, Пруссіей и Польшей, въ силу котораго дѣти, рождавшіяся изъ смѣшанныхъ браковъ, если не было постановлено особыхъ условій въ предбрачномъ договорѣ, должны были воспитываться: сыновья въ отцовской, дочери въ материнской религіи. Этотъ трактатъ сохранялъ свою силу до 1836 года и въ западныхъ окраинахъ Россіи относительно браковъ, заключаемыхъ между лицами «шляхетскаго» происхожденія. Въ XVIII в., вслѣдствіе разложенія старопольскихъ нравовъ и подъ вліяніемъ новыхъ идей, святость церковнаго брака потеряла свое значеніе. Это выразилось въ небываломъ прежде множествѣ разводовъ по поводу причинъ уничтожающихъ бракъ. Слабый образъ дѣйствія духовенства побудилъ папу Бенедикта XIV издать буллу Dei miseratione, **) опредѣлившую точнымъ образомъ порядокъ разсмотрѣнія бракоразводныхъ дѣлъ. Для разторженія брака булла требуетъ согласнаго опредѣленія двухъ инстанцій, официально назначается защитникъ брачнаго союза противъ спора о недѣйствительности брака и пр.

Одновременно съ подчиненіемъ дѣлъ брачныхъ каноническому праву, въ Польшѣ утвердилась и духовная юрисдикція, audientiae episcoporum. **) Духовные суды вѣдали дѣла о бракахъ ***) а, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество и другихъ дѣлъ гражданскаго содержанія, имѣющихъ какое нибудь отношеніе

*) См. Гражд. Пр. Ц. П. вып. первый, 1847, стр. 21.

**) Lelewel. I. c. 407.

***) Const. conv. Cracov. 1543, Vol. Leg. I. 580. Item pro..... septem Sacramentis ecclesiae Etiam ad judicium spirituale pertineant causae... divortiorum et dotium inter personas per divortium separatas. Cognitio tamen seu judicium de dote personae per divortium separatae remitti debet ad Tribunal S. R. M. secundum veterem consuetudinem.

въ религіи. Разумѣется, что духовныя лица были подсудны духовнымъ судамъ по всѣмъ дѣламъ, какъ это было и въ западной Европѣ *). Духовные суды были трехъ родовъ: 1) епископскіе или консисторскіе, 2) митрополичьи (metropolitańskie) и нунціатурскіе. Первые составляли первую инстанцію, два другіе—высшую (supremam) инстанцію. Нунціатурскіе суды иногда входили въ разбирательство дѣлъ, подлежавшихъ собственно (ex cruda citatione) консисторіямъ, и въ такомъ случаѣ апелляція на рѣшенія нунціатуры подавалась въ Римъ. Истецъ, нарушающій порядокъ инстанцій, долженъ былъ предварительно получить salvum conductum, или изъятіе отъ подлежащаго суда. Въ каждомъ изъ этихъ судовъ засѣдалъ, по делегаціи отъ епископа или нунція, офиціалъ, суффраганъ, или аудиторъ; судебная власть этихъ лицъ была такъ значительна, что хотя назначеніе ихъ и вполнѣ зависѣло отъ епископа или нунція, однако, рѣшеніе, ими постановленное, не могло быть не измѣнено, ни отмѣнено епископомъ или нунціемъ. Постановленія этихъ судовъ объявлялись отъ имени офиціала, а не епископа. Эти суды дѣйствовали непрерывно. Рѣшенія духовныхъ судовъ подлежали исполненію подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви, если же стороны не подчинялись рѣшенію, тогда свѣтскія власти приводили рѣшеніе въ исполненіе **). Иногда же бракоразводное дѣло рѣшалось духовнымъ сановникомъ, особо для этого назначеннымъ отъ папы. Въ 1775 году было постановлено, что католической консисторіи подсудны дѣла смѣшанныхъ браковъ, если одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ римско-католическую вѣру ***).

По дѣламъ бракоразводнымъ духовные суды постановляли

---

*) Съ XIV вѣка законодательство стремится ограничить духовную юрисдикцію сферой духовныхъ дѣлъ и положить предѣлъ обычаю духовенства судиться съ мірянами по всѣмъ дѣламъ въ духовныхъ судахъ. См. Immunitates eccl. 1433, Vol. L. I. 102; Stat. Alexandri 1505, ib. 304; St. Sigism. primi, 1510, ib. 307, Const. Conv. Petricov. 1519, ib. 387; Const. Conv. Cracov. 1543, ib. 580.

**) Ostrowski, т. II, стр. 129—134.

***) Bandkie, Pr. Pr., 361. Ostrovski t. I, 227.

о расторженіи брака по причинѣ его недѣйствительности, или о разлученіи супруговъ отъ стола и ложа. Въ первомъ случаѣ, если причина, дѣлавшая бракъ не дѣйствительнымъ, была неизвѣстна, до вступленія въ бракъ, обоимъ супругамъ, по расторженіи брака, предоставлялось вступить въ новый бракъ; въ случаѣ же, когда о недѣйствительности брака было извѣстно одному изъ супруговъ до заключенія брака и въ случаѣ расторженія брака по винѣ одного изъ супруговъ виновная сторона лишалась права вступать въ бракъ. При разлученіи отъ стола и ложа, какъ уже сказано выше, разлученные супруги, по иниціативѣ невиновнаго супруга, могли возстановить супружеское сожитіе. Вслѣдствіе расторженія брака, прекращалась и общность имущества супруговъ. При разлученіи, бракъ не прекращался, а потому и имущественныя отношенія могли оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ они были до разлученія. Во время разлученія жена продолжала получать условленную предбрачнымъ договоромъ часть доходовъ, а по смерти мужа получала всѣ тѣ права, которыя предоставилъ ей мужъ записями до разлученія, если онъ не отмѣнилъ установленнымъ порядкомъ своихъ распоряженій послѣ состоявшагося разлученія. Однако если супруги, послѣ состоявшагося въ духовномъ судѣ опредѣленія о разлученіи, не обращаются въ судъ съ прошеніемъ о прекращеніи взаимныхъ правъ своихъ на общее имущество на основаніи взаимныхъ договоровъ, состоявшихся до разлученія, то разлученная супруга, сепаратка, подлежитъ тѣмъ же ограниченіямъ въ способности совершать гражданскія дѣйствія, какъ и во время супружескаго сожитія. Она не могла являться и дѣйствовать въ судѣ безъ ассистенціи мужа; не имѣла права передавать, закладывать и отдавать въ аренду свои имѣнія, полученныя ею въ приданое или по наслѣдству; вообще, безъ уполномочія мужа, она не могла вступать ни въ какія гражданскія сдѣлки. Если же, вслѣдствіе постановленія свѣтскаго суда, вмѣстѣ съ разлученіемъ наступало и прекращеніе общности имуществъ, тогда жена получала право дѣйствовать въ судѣ и вступать въ гражданскія сдѣлки, не нуждаясь въ уполномочіи и ассистенціи мужа, безъ ущерба

интересамъ третьихъ лицъ. Таково было положеніе разлученной жены. Если же по рѣшенію духовнаго суда бракъ признавался недѣйствительнымъ, всѣ имущественныя и личныя отношенія супруговъ, установленныя бракомъ, прекращались сами собою, не имѣя для этого нужды въ особомъ постановленіи свѣтскихъ судовъ. Жена тотчасъ же лишалась всѣхъ правъ, принадлежащихъ ей какъ женѣ, какъ относительно общаго пользованія имуществомъ, такъ и относительно завѣщательныхъ распоряженій мужа въ ея пользу на случай его смерти; въ замѣнъ того жена пріобрѣтала, наравнѣ съ вдовой, право свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ, какъ приданнымъ, такъ и наслѣдованнымъ; для дѣйствительности ея гражданскихъ дѣйствій требовалась, впрочемъ, ассистенція ея друзей (przyjaciół). Если у разведенныхъ супруговъ были дѣти, то въ этотъ случаѣ сыновья оставались при отцѣ, а дочери при матери, и тогда мѣстныя дворянскія или мѣщанскія управленія должны были, на основаніи общихъ постановленій объ опекѣ, къ матери, какъ естественной опекуншѣ своихъ дѣтей, придать попечителей; а такъ какъ она считается вдовой лишь вслѣдствіе юридическаго вымысла, praesumptio, и не имѣетъ права пожизненнаго владѣнія всѣмъ, по предполагаемой смерти мужа оставшимся имуществомъ, то на нее возлагалась обязанность представлять ежегодный отчетъ по управленію имуществомъ. Существованіе или отсутствіе потомства производило разницу въ имущественныхъ правахъ разведенныхъ супруговъ. Если дѣтей не было, то мужъ обезпечивалъ женѣ извѣстную сумму за вѣнецъ (crinile) и на прожитокъ; иногда же обѣ эти суммы сливались въ одну, которая была болѣе значительна, если мужъ былъ причиной развода. По смерти же разведенныхъ, ихъ имущества переходили въ наслѣдство къ ихъ родственникамъ. Если же во время развода у супруговъ были дѣти, то взаимныя записи также теряли свою силу, жена получала пожизненно деньги на прожитокъ, но, по смерти супруговъ, имущество ихъ переходило въ наслѣдство къ дѣтямъ. Воспитаніе дѣтей опредѣлялось по взаимному соглашенію разведенныхъ супруговъ, управленіе же имуществомъ малолѣтныхъ принадле-

жало ближайшимъ опекунамъ. Въ какомъ отношеніи опредѣлялась сумма, платимая мужемъ женѣ за вѣнецъ и на прожитокъ, къ приданому жены—указаній въ тогдашнемъ правѣ мы не встрѣчаемъ: это разрѣшалось по усмотрѣнію суда *).

Таково было законодательство Польши о прекращеніи брака при жизни супруговъ отъ введенія христіанства до конца ея политической самобытности. Свобода разводовъ, существовавшая у польскихъ славянъ въ языческое время, мало по малу, вытѣснена строгимъ церковнымъ законодательствомъ. Въ своей строгой религіозной формѣ бракъ удержался до 1794 года, когда Польша была подѣлена между Австріей, Пруссіей и Россіей и національное право древней Польши должно было уступить мѣсто и обязательную силу законодательствамъ, выработаннымъ подъ преобразовательнымъ, антиклерикальнымъ вліяніемъ идей реформаціи и XVIII вѣка.

Эпоха возрожденія и реформація внесли въ мышленіе и жизнь западной Европы начала существенно различныя отъ основаній церковно-феодальнаго строя, пережившаго уже свое историческое назначеніе. Изученіе древности открыло взаимныя отношенія религіи и государства въ древнемъ мірѣ, непохожія на притязанія латинской церкви на политическое главенство, на тотъ антагонизмъ и борьбу церкви и государства, которыя составляли характеристическую черту среднихъ вѣковъ. Памятники древней литературы указали Европѣ, что государство могло установлять свой внутренній порядокъ, руководясь чисто свѣтскими, политическими соображеніями, благомъ государства; что всѣ прочія сферы человѣческой дѣятельности призваны не для исключительнаго, самостоятельнаго, тѣмъ менѣе, господствующаго положенія въ государствѣ, но для служенія ему. Античное государство съ его политической свободой совокупности гражданъ и съ его поглощеніемъ въ себѣ отдѣльной человѣческой жизни

*) Ostrowski, T. I, 224—226. W praktyce to ostatnich lat uważano, że zawsze maź tricil na rozwodzie.—Ср. Bandtkie, Pr. Pr. 359—392.

было идеаломъ смѣлыхъ мыслей возрожденія. *) Съ другой точки зрѣнія подрывалось полновластіе римской церкви въ германскомъ мірѣ религіозными реформаторами. Міръ латинскій видѣлъ свое спасеніе въ возстановленіи античнаго всепоглощающаго государства республиканской или монархической формы. Міръ германскій искалъ исхода изъ безурядицы церковнаго и феодальнаго міра, изъ вавилонскаго плѣненія, въ освобожденіи индивидуальной совѣсти. Не еврейскимъ исполненіемъ буквы закона, не соблюденіемъ установленныхъ церковію обрядовъ, но живымъ непосредственнымъ отношеніемъ человѣка къ Богу, горячей вѣрой въ искупленіе грѣховъ Христомъ, человѣкъ могъ обрѣсти спасеніе. Поэтому лишъ тогда церковныя установленія низводятъ благодать Божію на человѣческую душу, когда соблюденію ихъ присуща вѣра. Si quis dixerit, per ipsae novae legis sacramenta ex opere operato non conferre gratiam, sed solam fidem divinae promissionis ad gratiam consequendam sufficere, anathema sit, постановляетъ латинская церковь. Nisi hoc modo sacramenta efficacia dixeris, quod si adsit fides, возражаетъ Лютеръ; и всѣ протестантскія исповѣданія согласно осуждаютъ ученія qui docent, quod sacra menta ex opere operato justificent, nec docent fidem requiri in usu sacramentorum, quae credat remitti peccata. Таинства по ученію церкви латинской дѣйствуютъ ex opere operato и gratiam continent; по ученію протестантовъ дѣйствительность ихъ зависитъ отъ вѣры приступающаго къ таинству, и таинства имѣютъ силу лишь gratiam conferre, Самое число таинствъ было ограничено только двумя: крещеніемъ и причащеніемъ. Agnoscimus duo tantum sacramenta toti ecclesiae communia. Въ особенности возставали противъ таинственнаго значенія брака.

Бракъ, по ученію Лютера, есть союзъ естественный, имѣющій основаніе въ самой природѣ человѣка и, поэтому, установленный и освященный самимъ Богомъ, составляющій

*) Съ собственной ясностію это воззрѣніе высказалось въ знаменитыхъ Discorsi Макіавелли и въ Contrat Social Руссо.

согласно религіи, совершеннѣйшій земной союзъ *). Какъ установленіе Божіе, онъ внѣ нашего произвола, не можетъ подлежать воспрещенію или измѣненію съ нашей стороны, кому бы то ни было. Воспрещеніе вступать въ бракъ есть тиранскій поступокъ, пишетъ Меланхтонъ,—слѣдствіемъ котораго бываетъ всегда исчезновеніе необходимой дисциплины (castitas pellitur et negliguntur nervi disciplinae necessariae). Такимъ образомъ было отмѣнено безбрачіе духовенства, существенное каноническое и соціальное отличіе духовенства отъ остальной христіанской общины. Самъ Лютеръ вступилъ въ бракъ съ бывшей монахиней и отвѣчалъ на нападенія на этотъ поступокъ: „если бракъ мой дѣло богоугодное, то чему же удивляться, что свѣтъ осуждаетъ его?» Взглядъ Лютера на бракъ установился невдругъ. Первоначально онъ признавалъ бракъ таинствомъ, затѣмъ въ бракѣ онъ видѣлъ чисто гражданское отношеніе, ein äusserlich weltliches Geschäft, но потомъ опять возвратился къ воззрѣнію, что брачный союзъ есть учрежденіе, нуждающееся въ Божіей благодати и въ церковномъ благословеніи, такъ какъ онъ составляетъ воспитательную среду нетолько для государства, но и для церкви и для осуществленія царства Христова на землѣ. Но признавъ за бракомъ значеніе въ глазахъ церкви, Лютеръ предоставилъ подробное опредѣленіе условій существованія брачнаго союза отдѣльнымъ свѣтскимъ законодательствамъ (einer jeglichen Stadt und Land ihren Brauch und Gewohnheit, wie sie eben gethan). Протестантскіе символы также не содержатъ общихъ опредѣленій брака. Они не воспрещаютъ называть его таинствомъ, но указываютъ на его отличіе отъ таинствъ новозавѣтныхъ, свидѣтельствующихъ о благодати и отпущеніи грѣховъ. Съ отрицаніемъ сакраментальнаго значенія брака, отмѣнялась и нерасторжимость брачнаго союза.

*) Tischreden, cap. 36. Heiliger Ehestand, der nach der Religion der fürnähmster Stand auf Erden ist.—Der Ehestand ist der schönste Ordnung, denn er ist von Gott eingesetzt worden von dem er auch erhalten wird. Aber der Stand des Pabstes ist nur eine gewaltsame Unterdrückung der Natur.

Уже шмалькальденская унія заявила: injusta etiam traditio est, quae prohibet conjugium personae innocenti postfactum divortium. Но первые реформаторы не выработали согласнаго и единообразнаго ученія о разводѣ. Лютеръ допускалъ прекращеніе брака разводомъ по причинѣ нарушенія супружеской вѣрности и злонамѣреннаго оставленія (bösliche Verlassung), къ чему онъ причислялъ также отказъ исполнять супружескія обязанности. Въ послѣдствіи онъ допускалъ разводъ и по другимъ основаніямъ. Онъ не оставилъ систематическаго изложенія ученія о бракѣ, признавая бракъ гражданскимъ учрежденіемъ *). Кальвинъ сомнѣвался, можетъ ли злонамѣренное оставленіе быть причиной развода? Меланхтонъ же допускалъ причины развода, опредѣленныя римскимъ правомъ (insidiae, saevitiae, veneficium), отрицая, впрочемъ, болѣзнь одного изъ супруговъ, какъ поводъ развода для другаго супруга. Тоже разнообразіе въ опредѣленіи поводовъ къ разводу господствуетъ и въ протестантскомъ церковномъ законодательствѣ. Мало по малу, практика консисторій выработала общее положеніе, что достаточной причиной развода признается всякая вина, равняющаяся нарушенію супружеской вѣрности по своему разлагающему вліянію на бракъ. Каноническія препятствія, возникающія изъ родства и свойства, признаны были излишними. При опредѣленіи этихъ препятствій протестантская церковь руководствовалась отчасти моисеевыми постановленіями, отчасти и римскимъ правомъ. Въ древнѣйшемъ протестантскомъ законодательствѣ, въ церковномъ регламентѣ саксонскомъ 1543 г., воспрещались браки между родственниками во второй равной и третьей неравной степени боковой линіи по каноническому счисленію, въ четвертой и пятой степеняхъ римскаго счисленія. Это

*) „Es haben mich die Bauren und rohen Leute, so nichts denn fleischliche Freiheit suchen, darnach die Juristen, so allewege unsern Sententien das Gegenurtheil sprechen, so müde gemacht, dass ich die Ehesachen von mir geworfen und etlichen geschrieben, dass sie es machen—wie sie wollen"— пишетъ Лютеръ гр. А. Мансфельду (1538). Walch, X, 790. Strippelmann, das Ehescheidungsrecht, стр. 62. Cassel, 1854.

правило вошло въ большую часть протестантскихъ церковныхъ законодательствъ *). Такому же сильному ограниченію подвергнулись препятствія свойства. Относительно нарушенія супружеской вѣрности и похищенія протестанты приняли воззрѣнія каноническаго права съ тою разницею, что бракъ между прелюбодѣями не былъ воспрещенъ безусловно, похититель могъ вступить въ бракъ съ похищенною съ согласія ея родителей, которому протестантское ученіе придаетъ, вообще, большее значеніе, нежели католицизмъ. Что касается формы заключенія брака, признано было необходимымъ для дѣйствительности брака оглашеніе въ церкви и церковное вѣнчаніе. Но такъ какъ по лютеранскому ученію церковное вѣнчаніе составляетъ лишь достохвальный обычай и человѣческое учрежденіе, не основанное на точномъ смыслѣ Евангелія, то о немъ въ нѣкоторыхъ гражданскихъ законодательствахъ не упоминается, а вообще, оно можетъ быть устранено съ разрѣшенія главы государства, который пользуется, по протестантскому ученію, правомъ диспенсаціи.

Вслѣдствіе реформаціи, на мѣсто одинаковаго для всѣхъ странъ западной Европы церковнаго законодательства о бракѣ выступили разнообразныя гражданскія и государственныя постановленія о бракѣ, составленныя примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ каждой страны. Особеннымъ разнообразіемъ отличаются опредѣленія о поводахъ къ разводу въ протестантскихъ государствахъ. Minimum поводовъ развода составляетъ прекращеніе брака вслѣдствіе прелюбодѣянія и злонамѣреннаго оставленія (Данія), maximum—непреодолимое отвращеніе супруговъ. Также разнообразны постановленія о препятствіяхъ родства и свойства. Ни одно гражданское законодательство, даже въ католическихъ государствахъ, не придерживается каноническихъ препятствій. Духовное родство составляетъ препятствіе лишь въ государствахъ православныхъ.

Таково было вліяніе реформаціи на законодательство о

*) Unger, Die Ehe etc. 144—156.

бракѣ, особенно сильно отразившееся на прусскомъ законодательствѣ, Allgemeines Landrecht *), введенномъ въ часть Польши, доставшуюся по раздѣлу Пруссіи.

Въ 1795 году къ Пруссіи присоединены были нынѣшнія губерніи Сувалкская, Ломжинская, Варшавская, Калишская, Петроковская и Плоцкая. Вступая во владѣніе новыми областями, правительство обнародовало, что древніе польскіе законы сохраняютъ обязательную силу, за исключеніемъ тѣхъ, которые противны основнымъ государственнымъ прускимъ законамъ, за исключеніемъ законовъ уголовныхъ, судопроизводства и судоустройства; что судебныя мѣста въ примѣненіи польскихъ законовъ должны руководствоваться въ западной Пруссіи сборникомъ Гербурта **), а въ южной Пруссіи сборникомъ Трембицкаго ***), въ случаѣ же недостаточности польскихъ законовъ, прускіе законы имѣютъ вспомогательную силу; кромѣ того, обѣщано было пересмотрѣть старые польскіе законы и привести ихъ въ систематическій порядокъ. Этому обѣщанію не суждено было исполниться. Въ 1797 году правительство объявило, что такъ какъ неполнота, противорѣчія и множество постановленій, противныхъ чувству, справедливости и основнымъ законамъ пруской монархіи составляютъ непреодолимыя препятствія приведенію древнихъ польскихъ законовъ въ систематическій порядокъ, то обязательная сила ихъ прекращается, за исключеніемъ законовъ о наслѣдствѣ, въ замѣнъ же польскаго права вводится пруское гражданское уложеніе (Allgem. Landrecht). Постановленія его о прекращеніи брака при жизни супруговъ заключаются въ слѣдующемъ. Бракъ воспрещается между

---

*) Краткую, но, по времени, вѣрную характеристику Landrecht'а см. у Заборовскаго, Гр. пр. Ц. П., стр. 37—48. Bandtkie, Hist. pr. стр. 724.

**) Составленъ въ азбучномъ порядкѣ, на латинскомъ языкѣ, въ 1563, переведенъ авторомъ на польскій языкъ, имѣлъ нѣсколько изданій, послѣднее въ 1766 г.

***) Составленъ въ азбучномъ порядкѣ, но неоконченъ, изданъ только первый томъ въ 1790 г. Бандтке отзывается о немъ неодобрительно. См. Hist. pr. стр. 699 и 725.

родственниками восходящими и нисходящими, между родными братьями и сестрами, какъ единокровными, такъ и единоутробными, законными или незаконнорожденными. Вотчиму и мачихѣ воспрещается вступать въ бракъ съ пасынками и падчерицами ихъ, а также съ супругами своихъ дѣтей (A. L. R. II, § 3, 4, 5, 6). Запрещеніе простирается и на тѣ случаи, когда бракъ, посредствомъ котораго возникло родство между родителями, пасынками, падчерицами и супругами, прекращается естественной смертью одного изъ супруговъ или расторгается вслѣдствіе судебнаго рѣшенія. Во всѣхъ прочихъ степеняхъ родства бракъ считается законнымъ. Разрѣшеніе правительства (dispensatio) необходимо лишь тогда, когда кто либо желаетъ вступить въ бракъ съ сестрой своего отца, или матери, или дальнѣйшаго восходящаго своего родственника, которая старше его возрастомъ; это разрѣшеніе выдается лишь по особо уважительнымъ причинамъ, когда бракъ представляетъ выгоды для обѣихъ сторонъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ король имѣетъ право разрѣшить вступленіе въ бракъ одному изъ супруговъ съ незаконными дѣтьми, прижитыми до вступленія въ бракъ другимъ супругомъ. Заключеніе брака въ этихъ степеняхъ родства безусловно воспрещается. Между усыновителемъ и усыновленнымъ бракъ не дозволяется, пока усыновленіе не будетъ прекращено законнымъ порядкомъ. Опекунъ не можетъ вступить въ бракъ и съ питомицею, не можетъ устроить брачнаго союза между своими дѣтьми и лицами, находящимися въ опекѣ, во все время отправленія опекунской обязанности, или пока не будетъ произведено дознанія о его управленіи, и пока опекунскій судъ не дастъ ему своего разрѣшенія. Лица римско-католическаго вѣроисповѣданія, при вступленіи въ бракъ въ степеняхъ родства, возбраненныхъ постановленіями ихъ религіи, могутъ, если желаютъ, ходатайствовать о разрѣшеніи у своихъ духовныхъ властей, сообразуясь съ требованіями своей совѣсти, но бракъ, заключенный ими и безъ диспенсаціи, при соблюденіи условій гражданскаго уложенія, имѣетъ полную юридическую силу. (A. L. R. II, §§ 7—37).

Свободное согласіе брачующихся составляетъ необходимое

условіе дѣйствительности брака. Насколько изъявленіе согласія, вообще, считается ничтожнымъ, если оно дано лицемъ, неимѣющимъ необходимыхъ для этого гражданскихъ качествъ, если оно исторгнуто насиліемъ, угрозами или обманомъ, на столько и бракъ, заключенный на основаніи этого согласія, признается недѣйствительнымъ. На сколько согласіе, изъявленное по ошибкѣ, признается, вообще, ничтожнымъ, на столько и ошибка дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ, если она относится къ личности будущаго супруга или къ такимъ его качествамъ, которыя обыкновенно имѣются въ виду при заключеніи брака. Бракъ, совершенный подъ вліяніемъ насилія, обмана или ошибки, почитается дѣйствительнымъ, если по прекращеніи насилія будетъ скрѣпленъ свободнымъ согласіемъ супруговъ, или если они въ теченіи шести недѣль будутъ находиться въ супружескомъ сожительствѣ, не возражая противъ законности брака. При жизни супруговъ споръ о недѣйствительности можетъ быть заявленъ лишь супругомъ, подвергшимся насилію, обману и ошибкѣ; по смерти же его, если не было дѣтей, прижитыхъ въ этомъ бракѣ, наслѣдникамъ его предоставляется двѣнадцатинедѣльный срокъ, для предъявленія такаго спора. Согласіе родителей или воспитателей, въ случаѣ смерти первыхъ, независимо отъ того, происходятъ ли дѣти отъ брака полнаго (zur rechten Hand) или морганатическаго, также въ случаѣ установленія отеческой власти чрезъ усыновленіе,—считается необходимымъ условіемъ для вступленія въ бракъ, но, съ другой стороны, въ согласіи можетъ быть отказано только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда существуютъ основательныя причины полагать, что будущіе супруги будутъ несчастливы и недовольны другъ другомъ, въ особенности, когда можно предвидѣть, что они будутъ чувствовать недостатокъ въ необходимыхъ средствахъ содержанія; 2) когда одна изъ сторонъ, вступающихъ въ бракъ была осуждена приговоромъ уголовнаго суда, вошедшимъ въ законную силу, къ постыдному или позорному въ общественномъ мнѣніи наказанію; 3) когда одна изъ сторонъ предается расточительности, пьянству, разврату или иной грубой этрасти; 4) когда сторона разведенная признана была ви-

новною по судебному приговору, расторгнувшему прежній ея бракъ; 5) когда одна изъ сторонъ одержима падучею грудной, сифилитическою или другою прилипчивой болѣзнью; 6) когда несовершеннолѣтній дворянскаго или высшаго мѣщанскаго сословія захочетъ сочетаться бракомъ съ лицемъ, принадлежащимъ къ низшему сословію.—На отказъ родителей дѣти могутъ принести жалобу въ судъ, который разсматриваетъ вопросъ о законности отказа въ согласіи. Согласіе обыкновенно требуется отъ отца, по смерти его—у матери и опекуна, по смерти ея—у опекуна и дѣдовъ, причемъ дѣдамъ отдается преимущество предъ бабками, отцовской линіи предъ материнской. Согласіе опекуна имѣетъ силу лишь по утвержденіи согласія опекунскимъ судомъ, оно необходимо только въ случаѣ несовершеннолѣтія лица, вступающаго въ бракъ. Опекунское согласіе можетъ быть замѣнено разрѣшеніемъ опекунскаго суда. Недѣйствительны браки безъ разрѣшенія короля для офицеровъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ, для дворянъ, вступающихъ въ бракъ съ женщиной, принадлежащей къ низшему городскому или къ сословію поселянъ; помимо королевскаго разрѣшенія послѣдній бракъ можетъ состояться лишь въ томъ случаѣ, когда дворянинъ представитъ въ государственный судъ письменное согласіе на свой бракъ отъ трехъ ближайшихъ родственниковъ его имени и сословія. Христіанину воспрещается вступать въ бракъ съ лицами, которыя, по правиламъ своего вѣроисповѣданія, не могутъ подчиниться условіямъ христіанскаго брака. Лицамъ, по достиженіи мущиной 18-ти лѣтняго, а женщиной 14-ти лѣтняго возраста, разрѣшается вступать въ бракъ лишь въ томъ случаѣ, когда опекунскій судъ признаетъ бракъ выгоднымъ, а невѣста и отецъ ея также соглашаются на такой союзъ, но, по достиженіи мужемъ 18-ти лѣтъ, такой бракъ можетъ быть уничтоженъ въ теченіи шести мѣсяцевъ. (A. L. R. §§ 38—72).

Для законности брака необходимо церковное благословеніе, по правиламъ религіи жениха и невѣсты (A. L. R. II, § 136, 137).

Бракъ, заключенный при соблюденіи всѣхъ требуемыхъ за-

комомъ условій, не могъ быть расторгнутъ ни по произволу одного изъ супруговъ, ни по взаимному согласію. Прекращеніе брака при жизни обоихъ супруговъ можетъ послѣдовать лишь вслѣдствіе судебнаго постановленія о расторженіи брака. Разводъ можетъ состояться только по весьма уважительнымъ причинамъ, которыми Allgem. Landrecht признаетъ слѣдующія: 1) доказанное прелюбодѣяніе; одного подозрѣнія, хотя бы и самаго сильнаго—недостаточно. Если обвиняющая сторона также виновна въ нарушеніи супружеской вѣрности, ея просьба отвергается. 2) Злонамѣренное оставленіе супруга или супруги. Одна перемѣна мѣстожительства не считается оставленіемъ, такъ какъ жена имѣетъ право и обязанность слѣдовать за мужемъ повсюду, гдѣ онъ поселяется, за исключеніемъ того случая, когда онъ покидаетъ свою родину вслѣдствіе совершенныхъ имъ преступленій или подъ какимъ-нибудь другимъ незаконнымъ предлогомъ. Общимъ правиломъ постановлено, что супругъ получаетъ право начать искъ о разводѣ, если другой супругъ, оставивъ его, не даетъ о себѣ никакого извѣстія въ теченіи одного года. 3) Отказъ въ супружескомъ сожитіи. 4) Физическая неспособность къ сожитію, хотя бы наступившая и послѣ вступленія въ бракъ. Неизлѣчимые тѣлесные недуги также могутъ служить поводомъ къ разводу. 5) Сумасшествіе. 6) Жестокое обхожденіе, угрожающее опасностью жизни. 7) Преступленіе, за которое одинъ изъ супруговъ былъ подвергнутъ постыдному наказанію по приговору уголовнаго суда. 8) Развратная жизнь. 9) Отказъ въ средствахъ содержанія. 10) Отступленіе отъ вѣры и 11) непреодолимое отвращеніе.

Бракоразводныя дѣла разсматривались въ общихъ судахъ. Во время производства дѣла о расторженіи брака супругамъ воспрещается самовольно отлучаться другъ отъ друга. Судья въ правѣ дозволить супругамъ разлучиться на время процесса лишь въ томъ случаѣ, когда искъ о разводѣ основывается на одной изъ причинъ, угрожающихъ жизни опасностью. Въ такомъ случаѣ женѣ предоставляется право требовать, чтобы мужъ доставлялъ ей средства къ жизни въ избранное ею мѣстожительство. Если поводы къ расторженію брака ме-

нѣе важны, то касательно содержанія жены, воспитанія дѣтей и временнаго обезпеченія имущества обязанъ постановлять подлежащій судъ, смотря по обстоятельствамъ, руководясь строгой справедливостью и не допуская вчинать особаго иска по этому предмету.—Со дня постановленія судебнаго рѣшенія о расторженіи брака, бракъ считается расторгнутымъ и всѣ послѣдствія его уничтоженными. Расторженіе брака вслѣдствіе судебнаго приговора влекло за собой послѣдствія въ личныхъ и особенно въ имущественныхъ правахъ супруговъ. Общимъ правиломъ полагается, что опредѣленіе срока для вступленія въ новый бракъ предоставляется совѣсти разведенныхъ супруговъ (§ 735), но изъ этого правила дѣлаются нѣкоторыя исключенія. Женщины, бракъ которыхъ прекращенъ разводомъ, беременныя отъ прежняго брака, по собственному сознанію или по общественной молвѣ, обязаны ожидать разрѣшенія отъ бремени прежде, чѣмъ вступятъ въ новый бракъ; поэтому имъ разрѣшается вступленіе въ бракъ не раньше, какъ по истеченіи девяти мѣсяцевъ со дня прекращенія прежняго брака. Очевидно, что нѣтъ необходимости въ этомъ ограниченіи при расторженіи брака по причинѣ злонамѣреннаго оставленія: въ этомъ случаѣ оставленному супругу предоставлялось вступать въ новый бракъ тотчасъ по воспослѣдованіи судебнаго рѣшенія о прекращеніи прежняго брачнаго союза. Въ другихъ случаяхъ, если, по обстоятельствамъ дѣла или по заключенію свѣдущихъ людей, нельзя подозрѣвать беременности, усмотрѣнію суда предоставлялось разрѣшить разведенной супругѣ вступленіе въ бракъ и до истеченія девяти мѣсяцевъ. Если бракъ расторгнутъ былъ по причинѣ прелюбодѣянія, виновному супругу воспрещалось вступать въ бракъ съ соучастникомъ своего преступленія. Это запрещеніе распространялось и на браки разведенныхъ супруговъ съ тѣми лицами, которыя подали поводъ къ разводу вслѣдствіе подозрѣнія въ прелюбодѣйныхъ связяхъ или вслѣдствіе несогласій, возникшихъ изъ такого подозрѣнія между супругами. Раздѣлъ имущества между супругами послѣ того, какъ судебное рѣшеніе о разводѣ вошло въ законную силу, совершается сообразно съ тѣмъ, признанъ

ли приговоромъ суда одинъ изъ супруговъ виновнымъ въ расторженіи брака, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ общее имущество раздѣляется между супругами равномѣрно.—Если же бракъ расторгнутъ по винѣ одного изъ супруговъ, то раздѣлъ имущества долженъ быть совершенъ по правиламъ для наслѣдованія въ случаѣ смерти. Невинная сторона пользуется всѣми преимуществами, предоставленными по закону супругу, оставшемуся въ живыхъ; сохраняетъ всѣ брачные подарки и, если не существуетъ на этотъ случай особаго договора, имѣетъ право получить четвертую или шестую часть имущества другаго супруга, смотря по тому, было ли преступленіе, подавшее поводъ къ разводу, болѣе или менѣе важно. Признанная по судебному рѣшенію невиною, жена имѣетъ право, отказавшись отъ слѣдующаго ей по закону, требовать вмѣсто того для себя приличнаго пожизненнаго содержанія на счетъ виновнаго супруга, разведеннаго съ нею.

Таково въ общихъ чертахъ законодательство пруское о прекращеніи брака при жизни супруговъ. Представляя собою крайнее уклоненіе отъ строгихъ и стѣснительныхъ опредѣленій западнаго каноническаго права, пруское законодательство, согласно духу времени, признаетъ однако обязательнымъ для дѣйствительности брака, совершеніе религіозныхъ обрядовъ и возлагаетъ на духовенство обязанность вести метрическія книги. Эта особенность прускаго уложенія имѣла вліяніе при составленіи закона о союзѣ брачномъ 1836 г. *). Не дозволяя разводовъ произвольныхъ, пруское право даетъ полную возможность оградить чистоту и высокое нравственное значеніе брака отъ такихъ поступковъ одного изъ супруговъ, которые несовмѣстны съ существомъ брачнаго союза. Многочисленные поводы къ разводу,

*) Въ засѣданіи 22 октября (2 ноября) 1869 года пруская палата депутатовъ постановила заявить правительству о введеніи обязательнаго гражданскаго брака для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Такія заявленія дѣлались уже въ 1860 и 1861 годахъ и постоянно встрѣчали отпоръ въ палатѣ господъ.

ограждая свободу супруговъ, отрицая католическую принудительную нерасторжимость брака, хотя бы онъ и утратилъ свое разумно-нравственное существо, дѣлаютъ тѣмъ болѣе необходимымъ взаимное уваженіе и привязанность супруговъ, которыя составляютъ единственную прочную основу брачнаго союза, единственное нравственное основаніе для созданія чистаго и крѣпкаго семейнаго быта, разсадника и питомника будущихъ гражданъ. Важный недостатокъ прускаго уложенія состоитъ въ томъ, что оно даетъ возможность столкновенію церкви и государства. Бракъ можетъ быть заключенъ только посредствомъ церковнаго вѣнчанія, слѣдовательно въ этомъ отношеніи зависитъ отъ духовенства. Бракоразводныя дѣла вѣдаются въ общихъ судахъ. Нерѣдки случаи, когда супруги, разведеные по приговору суда, при вступленіи въ новый бракъ встрѣчаютъ препятствія со стороны духовенства. Въ послѣднее время подобные случаи повторялись особенно часто.

Подъ вліяніемъ иныхъ идей, непрямо вытекающихъ изъ ученія религіозныхъ реформаторовъ XVI вѣка, было составлено австрійское законодательство о бракѣ, получившее обязательную силу въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Люблинской, Сѣдлецкой, Радомской, и Кѣлецкой, *) съ 1-го января 1798 г. **). Реформація, хотя и не придала государству того абсолютнаго значенія, какое оно имѣла въ древнемъ мірѣ, но внѣшняя, видимая церковь была поставлена въ подчиненіе, подъ опеку и покровительство государства. Исторія законодательныхъ опредѣленій брачнаго союза въ новоєвропейскихъ государствахъ сводится къ освобожденію брака отъ каноническаго права средневѣковой церкви. Въ Австріи, наиболѣе

*) Unger, System des Ostr. Privatrechts, I, 7—18, 1863 г. Заборовскій, 43. Bandtkie, Hist. pr. 725. Bluntschli, Staatsrecht, II, стр. 296—300.

**) Ustawy Cywilne dla Galicyi Zachodniej, 1797. Изданы были на польскомъ и латинскимъ языкахъ; въ случаѣ сомнѣній офиціальнымъ текстомъ признавался нѣмецкій. Эти уставы были собственно проектомъ и въ окончательной своей формѣ, какъ allgemeines bürgerliches Gesetzbuch, получили примѣненіе въ остальныхъ частяхъ имперіи лишь съ 1 января 1812 года. См. Unger, l. c., 11.

ревностной сторонницѣ католицизма, эти идеи, въ своей религіозной формѣ, не могли найти себѣ доступа, онѣ проникли туда и обнаружили свое вліяніе на законодательную дѣятельность Маріи Терезіи и Іосифа II въ формѣ философскаго ученія XVIII вѣка. Борьба государственнаго права съ церковнымъ окончилась въ Австріи лишь въ наше время признаніемъ единственно обязательной формой брака—брака гражданскаго, потому въ галиційскихъ уставахъ мы находимъ еще оба эти права въ смутныхъ, неопредѣленныхъ отношеніяхъ.

Бракъ установляется договоромъ о взаимномъ согласіи сторонъ касательно общности жизни, рожденія и воспитанія дѣтей и обоюдной помощи, который долженъ быть заявленъ предъ священникомъ, обязаннымъ вести метрическія книги и двумя свидѣтелями. Для лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія брачный союзъ признается нерасторжимымъ; бракъ иновѣрцевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть расторгнутъ по рѣшенію шляхетскихъ судовъ, которые постановляютъ свое опредѣленіе также и о разлученіи отъ стола и ложа для супруговъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Недѣйствительнымъ признавался бракъ, заключенный при существова ніи слѣдующихъ препятствій: при существованіи прежде заключеннаго,но не прекращеннаго законнымъ порядкомъ, брака; когда одинъ изъ брачующихся не принадлежитъ къ христіанству; воспрещался бракъ лицамъ духовнаго званія и монашествующимъ; лицамъ, виновнымъ въ прелюбодѣяніи, которое, впрочемъ, должно быть доказано приговоромъ суда или на основаніи другихъ законныхъ доказательствъ; равно и тѣмъ, которыя обѣщались вступить въ бракъ при жизни супруга и покушались, хотя бы безуспѣшно, на жизнь супруга, составлявшаго препятствіе къ ихъ браку (§§ 72—75). Родство и свойство составляютъ препятствіе къ браку до четвертой степени гражданскаго счисленія включительно, но, согласно каноническому праву западной церкви, между родственниками мужа и жены, вслѣдствіе брака сихъ послѣднихъ, свойства не возникаетъ. Въ той же степени составляетъ препятствіе къ браку родство и свойство, возникающее изъ незаконныхъ

связей. Духовное родство не признается препятствіемъ къ браку. Равнымъ образомъ, нѣтъ указаній на то, составляетъ ли родство, установленное усыновленіемъ, препятствіе къ браку. Устраненіе нѣкоторыхъ препятствій можетъ послѣдовать только по уважительнымъ причинамъ, посредствомъ особаго акта верховной законодательной власти. Нѣтъ опредѣленія, которыя изъ этихъ препятствій могутъ быть устранены, но, между тѣмъ, постановлено, что если бы, по заключеніи брака, открылось препятствіе прежде неизвѣстное, принадлежащее однако къ числу тѣхъ которыя могутъ быть устранены, въ такомъ случаѣ дозволяется заинтересованнымъ лицамъ непосредственно, или, утаивъ свои имена, чрезъ приходскихъ настоятелей обращаться къ мѣстному политическому (do rządu krajowego politycznego) правительству съ прошеніемъ о диспенсѣ, который имъ долженъ быть данъ. Нѣтъ также опредѣленій, въ какой степени несовершеннолѣтіе составляетъ препятствіе къ браку. Физическая неспособность, возникшая по заключеніи брака, не признается причиной недѣйствительности брака, если онъ совершенъ съ соблюденіемъ прочихъ условій, требуемыхъ закономъ. Существенная ошибка въ личности будущаго супруга въ которую другой супругъ введенъ измѣнническимъ образомъ, дѣлаетъ бракъ недѣйствительнымъ (§ 65). Къ такимъ ошибкамъ принадлежатъ: несовершеннолѣтіе или военное званіе, скрытыя однимъ изъ супруговъ и неизвѣстныя другому при вступленіи въ бракъ (98). Ошибкою въ лицѣ, дѣлающей бракъ недѣйствительнымъ, признается также: когда мужъ, вступивъ въ бракъ, усмотритъ, что жена уже беременна отъ третьяго лица до брака. Мужъ можетъ тогда требовать, что бы бракъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Онъ теряетъ это право, если, замѣтивъ беременность жены, продолжаетъ общеніе съ нею, или если женился на вдовѣ до истеченія десяти мѣсяцевъ по вдовствѣ (§ 66). Общимъ правиломъ признается, что брачный договоръ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ только тогда, когда причина недѣйствительности уже существовала при заключеніи договора, причемъ, если препятствіе это могло быть устранено ди-

спенсомъ, судъ обязанъ увѣщавать супруговъ домогаться диспенса и продолжать брачный союзъ, и только въ случаѣ отказа ихъ—приступать къ постановленію рѣшенія (§ 93, 98). Потому и неспособность къ супружескому сожитію служитъ причиною недѣйствительности брака только тогда, когда она началась до заключенія брачнаго договора (99). Это обстоятельство должно быть удостовѣрено свѣдущими людьми, т. е. медиками и хирургами или повивальными бабками. Если же внѣшніе признаки недостаточны для опредѣленія временнаго или постояннаго характера неспособности, то супруги обязуются состоять въ брачномъ сожитіи еще три года и только по истеченіи этого срока, если неспособность не прекращается, договоръ о бракѣ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ (§ 100).

Законъ не воспрещаетъ третьимъ лицамъ обращаться въ судъ съ прошеніемъ о прекращеніи брака по причинѣ недѣйствительности договора. При разсмотрѣніи бракоразводнаго дѣла бракъ всегда предполагается правильнымъ и причина недѣйствительности должна быть доказана, при чемъ недостаточно одного согласнаго заявленія обоихъ супруговъ или даже ихъ присяги. Разслѣдованіе о причинѣ, уничтожающей бракъ, поручается обыкновенно со стороны шляхетскаго суда уважаемому свѣдущему лицу, которому поручается также и защита законности брачнаго союза, иногда же послѣдняя возлагается на коронnаго чиновника (fiskalnemu urzędowi). Лице, которому было извѣстно о существовавшей ошибкѣ, равномѣрно та сторона, которая достигла согласія другой стороны на бракъ угрозами, или скрыла при заключеніи брака свое несовершеннолѣтіе или военное званіе, теряетъ право домогаться признанія судомъ брака недѣйствительнымъ. Въ этихъ случаяхъ право иска предоставляется одной невинной сторонѣ, но и сія послѣдняя лишается его, если не прекращала супружескаго сожитія послѣ обнаруженія ошибки, по достиженіи другимъ супругомъ совершеннолѣтія, или же по выступленіи мужа изъ военнаго званія (§ 94, 95, 96, 97). Въ томъ случаѣ, если при разсмотрѣніи иска о недѣйствительности брака оказывается, что причина недѣйствительно-

сти была извѣстна до заключенія брака одной сторонѣ, или же обѣимъ, и была утаена умышленно, въ такомъ случаѣ виновные подлежатъ наказанію соразмѣрно содѣянному имъ нарушенію закона (w miarę zaszłego występku mają być karani); если одна изъ сторонъ въ этомъ невиновна, то ей предоставляется право иска о возвращеніи издержекъ и убытковъ.

Бракъ, заключенный, при соблюденіи всѣхъ законныхъ условій дѣйствительности, между лицами католическаго вѣроисповѣданія, можетъ быть прекращенъ только смертью. Лицамъ другихъ вѣроисповѣданій предоставляется право просить судъ о прекращеніи брака въ слѣдующихъ случаяхъ: когда одинъ изъ супруговъ совершитъ прелюбодѣяніе, когда оставитъ другаго супруга и когда не явится въ теченіи года въ судъ послѣ того, какъ получитъ повѣстку о явкѣ въ мѣстѣ своего жительства, если оно извѣстно, или по опубликованіи вызова въ судъ, когда мѣсто жительства его неизвѣстно; наконецъ, въ третьихъ, когда супругъ грубо обращается съ другимъ супругомъ и когда подвергается опасности жизнь сего послѣдняго, его здоровье, значительная часть имущества, или же когда его нравственность можетъ пострадать отъ дурнаго примѣра. Прежде чѣмъ начнется искъ о разводѣ, супруги обязаны заявить объ этомъ подлежащему духовному лицу, которое увѣщаваетъ ихъ возвратиться къ соглашенію, но если увѣщанія оказываются безплодными, или же одинъ изъ супруговъ не является на вызовъ къ духовному лицу, въ такомъ случаѣ духовное лице составляетъ актъ и съ этимъ актомъ стороны представляютъ свое дѣло на разрѣшеніе въ шляхетскій судъ въ общемъ порядкѣ судебнаго разбирательства (§ 107, 108, 109). Кромѣ этихъ случаевъ, когда разводъ можетъ имѣть мѣсто по иниціативѣ одного изъ супруговъ, независимо отъ согласія на разводъ со стороны другаго супруга, галицкіе гражданскіе законы дозволяютъ разводъ по взаимному соглашенію. Условившись въ разводѣ и въ имущественныхъ послѣдствіяхъ его, супруги заявляютъ о своемъ желаніи разойтись и о причинахъ такого рѣшенія у подлежащаго духовнаго лица сво-

его вѣроисповѣданія. Духовное лице напоминаетъ имъ о взаимномъ обѣщаніи общности цѣлой жизни и вредныя послѣдствія расторженія брака и увѣщаваетъ ихъ такимъ образомъ троекратно въ разное время; если же увѣщанія не достигаютъ своей цѣли, то супругамъ выдается письменное удостовѣреніе въ томъ, что они остаются при своемъ намѣреніи, не смотря на всѣ усилія духовнаго лица отклонить ихъ отъ развода. Затѣмъ супруги, явясь лично въ судъ, представляютъ это удостовѣреніе при прошеніи о разводѣ. Судъ, не входя въ разбирательство дѣла по существу, разрѣшаетъ разводъ и постановляетъ о внесеніи этого разрѣшенія въ судебные акты (akta sądowe). § 104, 105, 106, 109.

Тѣ же причины, которыя могутъ повлечь за собой расторженіе брака между иновѣрцами, могутъ служить для супруговъ римско-католическаго вѣроисповѣданія поводомъ къ разлученію отъ стола и ложа даже и въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ не исповѣдуетъ римско-католической вѣры. Обязательныя при семъ формальности тѣ же самыя какъ и при прекращеніи разводомъ брака иновѣрцевъ.

Разводъ и разлученіе отъ стола и ложа имѣютъ для супруговъ послѣдствія личныя, имущественныя и относительно дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ. Послѣдствія личныя выражаются, при разводѣ, въ томъ, что разведенной супругѣ запрещалось вступать въ новый бракъ до времени совершеннаго устраненія всякаго сомнѣнія относительно беременности ея отъ перваго брака. Нарушеніе этого постановленія, однако, не влекло за собою недѣйствительности новаго брака, но нарушившая это правило жена теряла всѣ преимущества которыми она пользовалась вслѣдствіе перваго брака. Право вступленія въ бракъ другаго супруга не ограничивалось никакимъ срокомъ. Воспрещалось вступать въ бракъ съ тѣми лицами, которыя дали поводъ къ разводу перваго брака. Признавая мужа главою семейнаго союза, законы признавали за нимъ право управлять имуществомъ жены, потому, съ прекращеніемъ брака, прекращалось это право и имущества жены отдѣлялись отъ мужниныхъ. Впрочемъ, законъ предполагалъ, что имущественныя отношенія супруговъ, по разводѣ

брака, будутъ опредѣляться путемъ взаимнаго соглашенія и только при отсутствіи сего послѣдняго предписываетъ суду постановлять опредѣленія касательно подобныхъ споровъ. Опредѣленію суда также должно было предшествовать увѣщаніе судомъ супруговъ порѣшить дѣло по взаимному соглашенію. Подробныхъ правилъ, которыми долженъ руководиться судъ при опредѣленіи имущественныхъ отношеній разведенныхъ супруговъ, галицкіе законы не сообщаютъ. Вѣроятно, эти случаи разрѣшались по правиламъ, выработаннымъ судебной практикой, и старопольскими законами. Тѣ же послѣдствія влекло за собою разлученіе супруговъ отъ стола и ложа.

Дѣти, прижитыя въ бракѣ, который признанъ недѣйствительнымъ, признаются законными, когда, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ супруговъ незналъ о препятствіи къ браку; но и въ такомъ случаѣ дѣти не имѣютъ правъ на имущество, опредѣленное для потомства, происходящаго изъ законнаго брачнаго сожитія (§ 136). Законъ не опредѣляетъ особыхъ отношеній, возникающихъ для дѣтей въ слѣдствіе развода или разлученія ихъ родителей. Дальнѣйшая судьба дѣтей можетъ быть опредѣлена по взаимному соглашенію ихъ родителей; если же такого соглашенія не воспослѣдуетъ, тогда судъ постановляетъ объ этомъ, на основаніи общихъ законоположеній объ отношеніи родителей къ дѣтямъ.

Галицкое гражданское право, какъ мы уже упомянули, было ничѣмъ другимъ, какъ проектомъ кодекса, получившимъ свою окончательную форму и обработку пятнадцать лѣтъ спустя послѣ его введенія въ Западную Галицію, т. е. тогда, когда уже эта страна вышла изъ зависимости отъ Австріи. Уставы отличаются обиліемъ опредѣленій и отсутствіемъ полноты выводовъ изъ этихъ опредѣленій. Этотъ недостатокъ, вѣроятно, восполнялся старымъ польскимъ правомъ. Мы уже замѣтили, что брачное законодательство его означаетъ періодъ перехода отъ каноническаго права къ гражданскому. Этотъ моментъ законодательства выразился въ весьма любопытной для насъ формѣ. Австрія была страною, гдѣ католическая религія была господствующей, но гдѣ преслѣдованія и про-

паганда католическаго духовенства не могли искоренить ни стойкаго древлевосточнаго православія, ни протестантскихъ ученій. Пруссія, населенная сплошнымъ лютеранскимъ населеніемъ, воспользовалась, признаннымъ реформаціею, правомъ государственной власти нормировать брачный союзъ и примирила такимъ образомъ воззрѣнія своей религіи съ правомъ. Въ Австріи, при кодификаціи законовъ, предстояло признать бракъ или религіознымъ учрежденіемъ, или гражданскимъ. Въ первомъ случаѣ слѣдовало или ученіе каноническаго права западной церкви признать обязательнымъ для всѣхъ вѣроисповѣданій, что составляло бы насиліе надъ свободой совѣсти, противное просвѣщенному уму Іосифа II, положившаго главное основаніе австрійскому кодексу; или же признать, наравнѣ съ католическимъ, государственное значеніе за прочими вѣроисповѣданіями, что одинаково противорѣчило и учрежденію государственной религіи и здравому понятію о законодательствѣ, какъ о выраженіи верховнаго политическаго разума государства, который, не внося нестройности въ государственный и общественный бытъ, не можетъ, не противорѣча самому себѣ, обусловливать различно, по основаніямъ, чуждымъ гражданской жизни, одинъ и тотъ же институтъ. Галицкое право признаетъ бракъ гражданскимъ союзомъ, цѣль котораго опредѣляется условіями человѣческаго общежитія. О религіозномъ значеніи этого союза нѣтъ и помину. Затѣмъ для римско-католическихъ подданныхъ брачный союзъ объявляется нерасторжимымъ; для лицъ другихъ вѣроисповѣданій онъ можетъ прекратиться въ слѣдствіе судебнаго приговора. Тѣмъ, впрочемъ, ограничивается вліяніе каноническаго права на законодательство. Воззрѣнія церкви на препятствія къ браку не приняты въ соображеніе. Бракоразводныя дѣла совершенно переданы въ вѣдѣніе свѣтскихъ судовъ; даже право диспенсацій изъято изъ власти духовенства и присвоено гражданской, государственной власти. Духовенство, какъ увидимъ ниже, было крайне недовольно такой реформой и протестовало. Это двоякое свойство брачнаго договора нельзя не признать непослѣдовательнымъ. Какъ переходная форма, это постановленіе заслуживаетъ одобре-

нія. Въ массѣ католическаго народонаселенія, отличающагося, сравнительно, своей неразвитостью, рѣзкій переходъ отъ церковныхъ нормъ брака къ свѣтскимъ, гражданскимъ отношеніямъ могъ дѣйствительно, вызвать ропотъ и смуту. Потому правительство оставило нетронутыми установленія господствующей религіи, установивъ брачныя отношенія иновѣрцевъ по собственному усмотрѣнію, независимо отъ каноническихъ вліяній. Большинству народонаселенія предстояла полная возможность сравнить два разряда однихъ и тѣхъ же отношеній, одинаково признанныхъ законными со стороны государства, и сдѣлать свое заключеніе о превосходствѣ одного изъ нихъ надъ другимъ. Иныя политическія условія Австріи, конечно, скорѣе привели бы австрійское законодательство къ тому состоянію, къ которому оно пришло послѣ уничтоженія конкордата.

Хотя пруское право и гражданскіе уставы для Галиціи и имѣли вліяніе на законодательство позднѣйшаго царства польскаго, однако они не укрѣпились въ гражданскомъ быту областей, зависѣвшихъ отъ Пруссіи и Австріи. Въ 1807 году изъ пруской Польши образовалось варшавское герцогство. По удаленіи прускихъ войскъ изъ Варшавы, временное правительство обнародовало, что дѣйствіе прускихъ законовъ прекращается, а древніе польскіе законы получаютъ вновь обязательную силу. Это распоряженіе существовало не долго. 22 іюня 1807 года, конституціонная хартія, данная Наполеономъ герцогству варшавскому, объявляетъ, что, съ 1 мая 1808 года, французскій кодексъ имѣетъ быть введенъ въ герцогствѣ. Усилія патріотовъ сохранить свое національное право разбились о твердую волю завоевателя: съ 1 мая 1808 г. кодексъ былъ введенъ въ герцогствѣ, а съ 15 августа 1810 г. онъ былъ распространенъ и на провинціи, присоединенныя отъ Австріи.

До 1789 года законодательство о бракѣ во Франціи было подчинено началамъ каноническаго права, хотя свѣтская власть и юрисдикція имѣли тамъ большее вліяніе на дѣла брачныя, нежели въ другихъ католическихъ странахъ. Въ 1789 г. этотъ порядокъ измѣнился. Была признана раздѣльность

церкви и государства особность законовъ религіозныхъ отъ государственныхъ. Конституція 1791 г. объявила, что законъ признаетъ бракъ только гражданскимъ договоромъ. Законъ 20—25 сентября 1792 г. развилъ это начало, приравнялъ бракъ къ обыкновенному договору о товариществѣ, допустилъ право развода по взаимному согласію а также предоставилъ каждому изъ супруговъ требовать развода по, причинѣ несходства характеровъ (pour cause d'incompatibilité d'humeur). Практика вскорѣ указала на неудобства, возникшія изъ смѣшенія понятія о союзѣ, лежащемъ въ основѣ человѣческаго общежитія и имѣющемъ цѣль въ самомъ себѣ—съ товариществомъ, заключаемымъ для совершенія точно опредѣленнаго гражданскаго дѣйствія и, по достиженіи цѣли, неимѣющимъ разумной причины продолжать свое существованіе. Составители наполеоновскаго кодекса признали бракъ договоромъ гражданскимъ, дѣйствительность котораго зависитъ отъ соблюденія обусловливающихъ его постановленій закона, при чемъ, конечно, не воспрещается сторонамъ испрашивать благословеніе брака духовнымъ лицемъ. Вмѣстѣ же съ этимъ признали необходимымъ возстановить отчасти тотъ незыблемый, священный характеръ брака, которымъ онъ отличался въ древнемъ правѣ; ввести вновь многія отмѣненныя постановленія старыхъ законовъ о формальностяхъ при заключеніи брака, о препятствіяхъ къ браку, о власти мужа. Право развода также подверглось ограниченію: воспрещено было требовать прекращенія брака по поводу несходства характеровъ *). Для дѣйствительности брака требуется, 1) чтобы жениху было не менѣе восемнадцати, невѣстѣ не менѣе пятнадцати лѣтъ отъ роду, 2) свободное согласіе жениха и невѣсты, 3) чтобы родители жениха невѣсти, въ отсутствіи ихъ—другіе восходящіе родственники по прямой линіи, или семейный совѣтъ, выразили свое согласіе на бракъ, а для дѣтей, прижитыхъ внѣ брака,—опекуны; отсутствіе этого согласія влечетъ за собою, кромѣ недѣйствительности брака, взысканіе съ чиновника гражданскаго состоянія; 4) отсут-

*) Zachariae, Cours de droit civil français, vol. IV, стр. 2, 3, 4. 1860.

ствіе прежняго, непрекращеннаго брачнаго союза; 5) далѣе воспрещается бракъ между восходящими и нисходящими, между братьями и сестрами, между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ. Послѣднее препятствіе, равно какъ и бракъ между лицами, недостигшими установленнаго возраста, можетъ быть устранено диспенсаціей императора (Code Nap. titre V, Ch. I). Заключенію брака должно предшествовать двукратное оповѣщеніе, въ два воскресные дня, объ имѣющемъ совершится бракѣ въ общинномъ управленіи мѣстностей, гдѣ женихъ и невѣста имѣютъ свое мѣсто жительства (domecile) (art. 63, 166). Заключеніе брака совершается предъ чиновникомъ гражданскаго состоянія той мѣстности, гдѣ одна изъ сторонъ имѣетъ мѣсто жительства. Чиновнику гражданскаго состоянія должны быть представлены метрическія свидѣтельства о рожденіи жениха и невѣсты, или же удостовѣреніе (acte de notoriété) семи свидѣтелей, скрѣпленное мировымъ судьей и утвержденное гражданскимъ судомъ первой степени, содержащее въ себѣ свѣдѣнія объ имени, фамиліи, мѣстѣ и времени рожденія, родителяхъ, занятіяхъ жениха или невѣсты. Кромѣ этого необходимо представить письменное согласіе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ законъ этого требуетъ. Затѣмъ, послѣ оповѣщеній, въ назначенный сторонами день, чиновникъ гражданскаго состоянія прочитываетъ жениху и невѣстѣ въ присутствіи четырехъ свидѣтелей упомянутые документы и постановленія кодекса о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ супруговъ, принимаетъ заявленіе сторонъ, каждой отдѣльно, о желаніи ихъ заключить другъ съ другомъ бракъ, объявляетъ ихъ во имя закона мужемъ и женой и объ всемъ этомъ составляетъ актъ въ книгахъ гражданскаго состоянія (art. 70—76). Этотъ актъ служитъ главнымъ доказательствомъ законности брака. Законъ не признаетъ того брака, о которомъ не было составлено такаго акта и актъ не былъ внесенъ въ книгу гражданскаго состоянія. Фактическое сожитіе мужчины съ женщиной, хотя бы почитаемыхъ за мужа и жену, не можетъ замѣнить этого акта и не даетъ никакихъ правъ, возникающихъ изъ брачнаго союза, ни имъ, ни ихъ дѣтямъ противъ

лицъ, оспоривающихъ законность ихъ брака или рожденія. Доказательства свидѣтелями или иными документами допускаются только тогда, когда книги гражданскаго состоянія утрачены или совсѣмъ не существовали. Если два лица, жившія въ такомъ союзѣ и признававшіяся въ своихъ семействахъ и обществѣ за законныхъ супруговъ, умерли, оставя дѣтей, то дѣти могутъ, и при отсутствіи акта въ книгахъ гражданскаго состоянія, доказывать законность своего рожденія метрическимъ свидѣтельствомъ, если родители ихъ означены въ немъ какъ супруги, и тѣмъ, что они фактически пользовались правами законныхъ дѣтей.

Бракъ признается недѣйствительнымъ, если онъ заключенъ безъ свободнаго согласія обѣихъ сторонъ, или одной стороны, которымъ и предоставляется въ этихъ случаяхъ вчинать искъ о недѣйствительности. Если при заключеніи брака имѣла мѣсто ошибка въ личности, то право иска предоставляется той сторонѣ, которая была введена въ ошибку. Но искъ не допускается, если прошло шесть мѣсяцевъ супружескаго постояннаго сожительства съ тѣхъ поръ, какъ принужденіе кончилось или ошибка уяснилась. Предоставляется право оспоривать бракъ родителямъ, восходящимъ родственникамъ или семейному совѣту въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ согласіе необходимо для дѣйствительности брака, а также и тому изъ супруговъ, для котораго необходимо было ихъ согласіе. Это прекращается, если эти лица, явно или молчаливо, выразили свое согласіе на бракъ, или если истекъ годъ со дня заключенія брака безъ предъявленія противъ него спора со стороны родственниковъ или супруга, когда сей послѣдній достигъ законнаго возраста для изъявленія своего согласія (двадцать пять лѣтъ для мужчины, двадцать одинъ годъ для женщины). Если бракъ заключенъ между лицами, недостигшими возраста, предписаннаго закономъ, или при существованіи прежде заключеннаго брака, или же въ запрещенныхъ степеняхъ родства, то право вчинать искъ о недѣйствительности его предоставляется какъ самимъ супругамъ, такъ и заинтересованнымъ сторонамъ и прокурорскому надзору. Но недостиженіе супругами законнаго возраста не даетъ

права оспоривать бракъ, если прошло шесть мѣсяцевъ по достиженіи супругами законнаго возраста, или когда недостигшая сего жена забеременѣла до истеченія шести мѣсяцевъ. Бракъ, незаключенный публично, предъ чиновникомъ гражданскаго состоянія, можетъ быть оспариваемъ со стороны самихъ супруговъ, ихъ родителей, всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ и прокурорскаго надзора; такой споръ не допускается, если при заключеніи брака не были соблюдены постановленія закона касательно оповѣщенія или когда не были испрошены диспенсаціи, допускаемыя закономъ,— такія правонарушенія, впрочемъ, влекутъ за собой денежныя взысканія съ чиновника гражданскаго состоянія и съ супруговъ или же съ тѣхъ лицъ, коихъ согласіе необходимо было для дѣйствительности брака. Признаніе брака недѣйствительнымъ, тѣмъ не менѣе, влечетъ за собою гражданскія послѣдствія какъ относительно супруговъ, такъ и относительно дѣтей, если бракъ былъ заключенъ въ доброй вѣрѣ; гражданскія послѣдствія брака не распространяются на супруга, дѣйствовавшаго не въ доброй вѣрѣ.

Правила, относящіяся къ прекращенію брака разводомъ, изложены въ раздѣлѣ шестомъ кодекса Наполеона.

Прекращеніе права разводомъ, въ силу состоявшагося о томъ судебнаго рѣшенія, можетъ произойти или по требованію одного изъ супруговъ, въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, или же по взаимному соглашенію обоихъ супруговъ. Поводами требовать прекращенія брака, дозволенными закономъ, могутъ служить слѣдующія обстоятельства: 1) нарушеніе супружеской вѣрности со стороны мужа или жены, съ тою разницею, что мужъ признается виновнымъ въ прелюбодѣяніи только въ томъ случаѣ, когда онъ помѣщаетъ свою наложницу въ томъ домѣ, гдѣ онъ имѣетъ мѣсто жительства *)

*) Lorsqu'il aura tenu sa concubine dans la maison commune. Нѣкоторые юристы не считаютъ поводомъ къ разводу, если прелюбодѣяніе совершено мужемъ съ женщиной, которую держитъ въ домѣ жена. Ср. Zachariae's Handbuch des fr. Rechts, II, 42, примѣч. (1808 г.) съ Zachariae Droit civil etc т. IV, 152, 153. 1860.

(Art. 229, 230). Практика признала возможнымъ разводъ также въ случаяхъ сильнаго подозрѣнія въ нарушеніи супружеской вѣрности (adulterium praesumptum). При отсутствіи иныхъ доказательствъ, судьямъ предоставлено было руководствоваться собственнымъ сознаніемъ сторонъ *). 2) Жестокое обращеніе, насиліе или тяжкія оскорбленія — **) (art 231). Подъ жестокимъ обращеніемъ разумѣются такіе поступки, которые могутъ подвергнуть опасности жизнь лица, противъ котораго они направлены (insidiae vitaestructae); такіе же поступки, но не угрожающіе опасностью жизни, и, вообще, дурное обращеніе (saevitia)—называются насиліемъ, sévices; тяжкія оскорбленія бываютъ словесныя, къ которымъ причисляются и выраженныя на письмѣ, и фактическія, оскорбленія дѣйствіемъ, выражающимъ презрѣніе, обиду, или отсутствіе уваженія. Нанесеніе подобнаго оскорбленія въ общественномъ мѣстѣ увеличиваетъ его значеніе, какъ повода къ разводу. Когда поводомъ къ разводу представляются: жестокое обращеніе, насилія, или тяжкія оскорбленія, хотя бы и доказанныя, судъ можетъ не допустить немедленнаго развода, а разрѣшить лишь женѣ оставить мужа, обязавъ его, если необходимо, доставлять женѣ необходимое содержаніе, окончательное же рѣшеніе о разводѣ постановить по истеченіи года, если супруги не соединятся, и если супругъ-истецъ пригласитъ другаго супруга явиться въ установленные сроки въ судъ для выслушанія окончательнаго рѣшенія (259, 260). 3) Присужденіе одного супруга къ позорному уголовному наказанію (232). Въ этомъ случаѣ супругъ, желающій развода, обязуется представить въ гражданскій судъ первой степени копію съ приговора и удостовѣреніе уголовнаго суда о томъ, что постановленный приговоръ не можетъ быть измѣненъ законнымъ путемъ. (Art. 261).

Разводъ по взаимному соглашенію можетъ наступить при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Мужъ долженъ имѣть не менѣе

*) Zachariae, Handbuch, II, 42, 3.—
**) Le divorce pour excés, sévices ou injures graves.

25 лѣтъ, жена не менѣе 21 года и не болѣе 45 лѣтъ отъ роду и состоять въ этомъ бракѣ не менѣе двухъ и не болѣе 20 лѣтъ; при этомъ необходимо представить суду согласіе родителей мужа и жены, или же, при отсутствіи родителей,—согласіе другихъ восходящихъ родственниковъ, если же они умерли, то доказательство ихъ смерти. Согласіе семейнаго совѣта въ послѣднемъ случаѣ не требуется. Равномѣрно не имѣетъ вліянія на разводъ то обстоятельство, что супруги прижили дѣтей, или нѣтъ. 2) Рѣшившись при такихъ условіяхъ на разводъ, супруги обязаны составить инвентарь и оцѣнку всего своего движимаго и недвижимаго имущества и войти въ соглашеніе о томъ, сколько каждому изъ нихъ поступитъ изъ этого имущества въ распоряженіе. Затѣмъ они должны рѣшить: а) кому ввѣрить воспитаніе ихъ дѣтей, какъ во время испытанія, такъ и послѣ развода; б) въ чьемъ домѣ будетъ находиться жена въ теченіи времени испытанія и в) долженъ ли мужъ доставлять женѣ средства къ содержанію и въ какомъ количествѣ, если жена не имѣетъ своихъ собственныхъ доходовъ, и составить объ этомъ актъ (Art. 279, 280). 3) Послѣ этого супруги являются лично къ предсѣдателю гражданскаго суда первой степени, въ округѣ котораго они живутъ, или къ исправляющему должность предсѣдателя, и заявляютъ ему свое намѣреніе о разводѣ въ присутствіи двухъ нотаріусовъ. Предсѣдатель обязанъ сдѣлать имъ представленія и увѣщанія, которыя найдетъ умѣстными; затѣмъ прочитать постановленія закона о послѣдствіяхъ развода и объяснить имъ послѣдствія ихъ поступка. Если супруги упорствуютъ въ своемъ намѣреніи, предсѣдатель суда составляетъ актъ о томъ, что супруги требуютъ развода, и обоюдно на него соглашаются, а супруги обязаны немедленно представить, кромѣ вышеупомянутыхъ документовъ, свидѣтельства о ихъ рожденіи и вступленіи въ бракъ, свидѣтельства о рожденіи и смерти ихъ дѣтей, прижитыхъ въ этомъ бракѣ, и нотаріальный актъ о согласіи ихъ родителей или восходящихъ родственниковъ на разводъ, или же удостовѣреніе о смерти этихъ лицъ. Затѣмъ нотаріусы составляютъ подробный протоколъ о всѣхъ этихъ

дѣйствіяхъ, присоединяютъ къ нему всѣ документы и въ протоколѣ означаютъ о приглашеніи женѣ удалиться въ теченіе двадцати четырехъ часовъ въ домъ, указанный въ актѣ, и тамъ ожидать исхода дѣла. Стороны обязаны повторять предсѣдателю суда свое заявленіе о желаніи развода въ теченіи первыхъ двухъ недѣль четвертаго, седьмаго и десятаго мѣсяца со дня перваго заявленія при соблюденіи тѣхъ же формальностей. Кромѣ же того, они обязаны каждый разъ представлять удостовѣреніе, совершенное въ установленномъ порядкѣ, въ томъ, что ихъ родители или восходящіе не измѣнили своего намѣренія. Въ теченіе первыхъ четырнадцати дней по истеченіи года со дня перваго заявленія, обѣ стороны, каждая въ сопровожденіи двухъ друзей, лицъ извѣстныхъ (notables) въ судебномъ округѣ и имѣющихъ не менѣе 50 лѣтъ отъ роду, являются лично къ предсѣдателю суда, вручаютъ ему засвидѣтельствованные установленнымъ порядкомъ копіи съ четырехъ протоколовъ о своемъ обоюдномъ согласіи на разводъ и документы, приложенные къ нимъ, и требуютъ, каждая сторона особо, но въ присутствіи другой стороны и четырехъ друзей, чтобы предсѣдатель суда допустилъ разводъ. Предсѣдатель вновь увѣщаваетъ супруговъ отступить отъ своего намѣренія и въ случаѣ ихъ упорства, предписываетъ секретарю суда составить о всемъ этомъ протоколъ, присоединить къ нему всѣ документы, предлагая подписать протоколъ всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и кладетъ резолюцію, что объ этомъ дѣлѣ онъ въ теченіе трехъ дней доложитъ суду, на основаніи заключенія прокурора, къ которому и препровождается дѣло на разсмотрѣніе. Прокуроръ, если всѣ вышеизложенныя формальности соблюдены, даетъ свое заключеніе въ словахъ: *законъ дозволяетъ*; въ противномъ случаѣ—*законъ воспрещаетъ*. Сообразно съ этимъ судъ даетъ дѣлу рѣшеніе и, въ первомъ случаѣ, препровождаетъ супруговъ къ чиновнику гражданскаго состоянія для произнесенія (pour le faire prononcer) развода; во второмъ—отказываетъ сторонамъ и въ постановленіи излагаетъ основанія отказа. Рѣшеніе суда можетъ быть обжаловано только въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны имъ недовольны. Апел-

ляціонная жалоба должна быть заявлена не позже двадцатаго и не раньше десятаго дня со времени рѣшенія суда первой степени. Жалоба должна быть вручена другому супругу и прокурору суда первой степени. Сей послѣдній въ десять дней со дня полученія этого акта обязанъ представить прокурору апелляціоннаго суда всѣ документы, послужившіе основаніемъ его заключенію и рѣшенію суда. Затѣмъ, въ теченіе десяти дней по заключенію прокурора апелляціоннаго суда, судъ сей постановляетъ свое окончательное рѣшеніе о разводѣ (280—293). Такими строгими условіями, такими постоянными заботами поддержать существованіе брачнаго союза, окружили составители кодекса Наполеона разводъ по обоюдному согласію супруговъ. Кодифицируя обязательное въ ту эпоху право, имѣли въ виду придать браку значеніе, соотвѣтствующее его существу и тому важному вліянію, которое онъ имѣетъ на государственную и общественную жизнь. Предполагали даже совсѣмъ отмѣнить право развода браковъ по обоюдному соглашенію супруговъ, но противъ этого справедливо возражали, что эта форма прекращенія брака необходима потому, что можетъ встрѣтиться множество случаевъ, когда честь или гуманность не дозволятъ раскрыть истинные поводы развода, или когда невозможно будетъ представить юридическихъ доказательствъ существованія поводовъ къ разводу; потому обоюдное соглашеніе супруговъ должно служить не основаніемъ развода, но средствомъ придать дѣйствительность законной причинѣ развода, не давая ей огласки, какова напр. отказъ въ исполненіи супружескихъ обязанностей и т. п.

Юридическія послѣдствія развода состоятъ въ слѣдующемъ: 1) разведенные супруги не могутъ заключить вторичный бракъ между собою. Если разводъ состоялся по одностороннему требованію, на основаніи законной причины, жена можетъ вступить въ новый бракъ лишь по истеченіи десяти мѣсяцевъ со дня развода. Если же разводъ состоялся по обоюдному согласію, то мужъ и жена могутъ вступать въ новые браки не раньше, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со времени развода. Послѣдствія развода вслѣдствіе прелюбо-

дѣянія неравномѣрны для мужа и жены: первый теряетъ право вступить въ бракъ съ соучастницей преступленія; вторая же, кромѣ этого ограниченія, можетъ быть, по требованію прокурорскаго надзора, присуждена къ тюремному заключенію на время отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Таково вліяніе развода на личныя права разведенныхъ супруговъ. 2) Въ имущественномъ отношеніи дѣйствія развода состоятъ въ томъ, что, когда разводъ состоялся вслѣдствіе вины одного изъ супруговъ, виновный теряетъ всѣ права, предоставленныя ему другимъ супругомъ какъ по брачному договору, такъ и во время существованія брака, напр. по завѣщанію. На оборотъ: невинная сторона сохраняетъ всѣ права, предоставленныя ей супругомъ, независимо отъ того, были ли эти права предоставлены ими взаимно, или нѣтъ. Если же супруги взаимно не предоставили себѣ никакихъ имущественныхъ правъ, или же когда условленныя права не достаточно обезпечиваютъ содержаніе супруга, въ пользу котораго состоялся разводъ, въ такомъ случаѣ судъ можетъ назначить невинной сторонѣ содержаніе изъ имущества другаго супруга, непревышающее, впрочемъ, одной трети доходовъ этого послѣдняго. Такое содержаніе можетъ быть отмѣнено, если перестаетъ быть необходимымъ. 3) Относительно дѣтей, прижитыхъ въ разведеномъ бракѣ, дѣйствія развода обнаруживаются въ слѣдующемъ: дѣти ввѣряются тому супругу, въ пользу котораго состоялся разводъ, но судъ можетъ, по требованію семейства, или прокурора, распорядиться судьбой дѣтей иначе. Кому бы ни были поручены дѣти, родители сохраняютъ право наблюдать за ихъ воспитаніемъ и обязанность доставлять средства необходимыя для воспитанія. Прекращеніе брака разводомъ, на основаніи законной причины, сохраняетъ за дѣтьми, рожденными въ этомъ бракѣ, всѣ права и преимущества законныхъ дѣтей, предоставленныя имъ закономъ и по брачному договору. Разводъ не имѣетъ вліянія на время, когда дѣти могутъ воспользоваться этими правами. Нѣсколько иныя послѣдствія въ отношеніи имущества родителей возникаютъ для дѣтей въ случаѣ прекращенія брака разводомъ по обоюдному соглашенію. Со дня перваго за-

явленія супруговъ, дѣти, рожденные въ этомъ бракѣ, пріобрѣтаютъ право собственности на половину имущества каждаго изъ супруговъ, которые сохраняютъ на отошедшихъ имуществахъ только право пользованія до совершеннолѣтія дѣтей и обязуются доставлять, смотря по достатку, необходимыя средства для содержанія и воспитанія дѣтей. Это законное право оставляетъ, кромѣ того, во всей силѣ тѣ права и выгоды, которыя были обезпечены дѣтямъ въ брачномъ договорѣ ихъ родителей.

Вмѣстѣ съ разводомъ кодексъ допускаетъ и разлученіе супруговъ отъ стола и ложа. Введеніе этого института въ право возбудило много споровъ. Самъ Наполеонъ былъ противъ разлученія отъ стола и ложа и справедливо замѣчалъ, что оно подрываетъ бракъ. *) Тѣмъ не менѣе, эта мѣра была допущена изъ уваженія къ тѣмъ религіознымъ мнѣніямъ, которыя не допускаютъ развода. При обсужденіи о допущеніи разлученія возникъ вопросъ, допустить ли его наряду съ разводомъ, или дозволять разлученіе по инымъ поводамъ, нежели разводъ, или же разлученіе принять, какъ временную и переходную мѣру къ окончательному разводу. Разлученіе отъ стола и ложа было принято какъ самостоятельная мѣра, прекращающая супружеское сожитіе, не разрушая брака, вслѣдствіе судебнаго приговора. Право требовать разлученія принадлежитъ одному изъ супруговъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ему принадлежитъ право требовать прекращенія брака разводомъ. Разлученіе по обоюдному согласію не допускается. Юридическія послѣдствія разлученія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) супруги не обязаны болѣе къ общности жизни; 2) прекращается общность имущества и мужъ обязанъ выдать имущество жены по принадлежности. Разлученіе можетъ быть прекращено возстановленіемъ брака въ прежнемъ видѣ по требованію супруга-истца; но если истецъ не заявляетъ такого требованія въ теченіе трехъ лѣтъ, то супругу отвѣт-

*) L'indissolubilité du mariage n'est qu'une fiction. La separation a beaucoup d'abus. Elle attaque aussi le mariage. Thibaudau, Memoires sur le Consulat, стр. 443—444.

чику предоставляется просить судъ о прекращеніи брака разводомъ; судъ обязанъ допустить это требованіе и постановить о разводѣ, если супругъ, по требованію котораго состоялось разлученіе, не пожелаетъ прекратить разлученіе возстановленіемъ брака. Такое требованіе развода не дозволяется разлученной женѣ, виновной въ нарушеніи супружеской вѣрности. Разлученіе по этому поводу сопровождается для виновной жены, по опредѣленію суда, на основаніи заключенія прокурора, тюремнымъ заключеніемъ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. *).

Кодексъ Наполеона, какъ мы видимъ изъ вышеизложеннаго, признавая бракъ чисто гражданскимъ союзомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ относится къ нему строже, нежели пруское и австрійское законодательства. Прекращеніе брака по обоюдному согласію супруговъ обставлено такими условіями, которыя дѣлаютъ невозможнымъ требовать развода вслѣдствіе поводовъ легкомысленныхъ и неважныхъ. Право развода по обоюдному согласію было допущено, какъ мы упомянули, въ виду того, что могутъ встрѣтиться различныя неудобства заявлять подлинную причину невозможности оставаться въ брачномъ союзѣ. Допустивъ обоюдное согласіе, какъ основаніе развода, законодатели нашли возможнымъ ограничить тремя случаями разводъ по требованію одного изъ супруговъ. Такимъ образомъ законъ не признаетъ за однимъ изъ супруговъ права требовать прекращенія брака при существованіи обстоятельствъ, дѣлающихъ продолженіе брачнаго союза невозможнымъ, каковы: 1) когда одинъ изъ супруговъ одержимъ безуміемъ или сумасшествіемъ, 2) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія одного изъ супруговъ, 3) по поводу злонамѣреннаго оставленія однимъ супругомъ другаго, 4) въ случаѣ физической неспособности къ брачному сожитію, явившейся у одного супруга по заключеніи брака (impotentia superveniens). Отсутствіе этихъ поводовъ прекращенія брака по одностороннему требованію, не можетъ быть замѣнено правомъ развода по обоюдному согласію, потому что послѣднее не

*) Code Nap. art. 306—311. Zachariae, Handbuch. т. II, 51, 52, 53.

всегда можетъ быть достигнуто и еще болѣе препятствій можетъ быть встрѣчено въ согласіи восходящихъ родственниковъ. Тѣ же цѣли, которыя законодатели имѣли въ виду при установленіи развода по обоюдному соглашенію, могли быть достигнуты при болѣе широкихъ законныхъ поводахъ къ разводу по одностороннему требованію. Точно также, когда нравственныя причины возбраняли бы супругамъ выяснить передъ судомъ истинныя причины развода, они могли бы скрыть ихъ подъ обоюднымъ соглашеніемъ, но въ такомъ случаѣ невинная сторона всегда имѣла бы возможность защититься правомъ противъ произвольнаго упорства прекратить брачный союзъ со стороны виновнаго супруга. Такое важное ограниченіе не оправдывается существомъ брачнаго союза и составляетъ чувствительный недостатокъ закона о разводѣ 1803 года и противорѣчитъ гражданскому, свѣтскому воззрѣнію французскаго права на бракъ. Недостатокъ этотъ объясняется, впрочемъ, начинавшимся уже тогда усиленіемъ клерикальнаго вліянія во Франціи, которое, чрезъ тринадцать лѣтъ, привело опять къ нерасторжимости брака и отмѣнѣ права развода. Но, если въ ограниченіи законныхъ поводовъ развода мы можемъ усмотрѣть поворотъ къ началамъ каноническаго права, всѣ прочія опредѣленія закона о бракѣ проникнуты чисто свѣтскими началами. Запрещенныя степени родства доведены до наименьшаго ограниченія; абсолютно воспрещенъ бракъ лишь между восходящими и нисходящими, между братьями и сестрами. Для законности брака, относительно личности брачующихся, требуется лишь гражданская правоспособность и никакія impedimenta conditionis не признаются. Кодексъ не воспрещаетъ вступать въ бракъ даже римско-католическимъ священникамъ. Не признавались лишь браки тѣхъ священниковъ, которые со времени конкордата (1801 г.) вступили въ общеніе съ своими епархіальными епископами, но это ограниченіе было постановлено императорскимъ декретомъ и потому, какъ административное распоряженіе, могло имѣть лишь временное, преходящее значеніе, которое не могло не подлежать отмѣнѣ при первой возможности прямаго и широкаго толкованія и при-

мѣненія дѣйствующихъ законовъ. Кромѣ того это ограниченіе касалось лишь Франціи и не распространялось на прочія государства, гдѣ былъ введенъ кодексъ Наполеона, слѣдовательно, не имѣло примѣненія и въ герцогствѣ варшавскомъ. Пруское право также не содержитъ въ себѣ положительнаго воспрещенія брака католическому духовенству, но, дѣлая обязательной формой вступленія въ бракъ церковное вѣнчаніе, оно тѣмъ самымъ уничтожаетъ возможность такихъ браковъ, когда обѣ стороны принадлежатъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Это неудобство устранено въ кодексѣ Наполеона признаніемъ обязательною формою лишь гражданскаго заключенія брака.

М. П. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ ЮРИСТОВЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

27 — 30 августа 1860 года.

По запискамъ профессора Московскаго Университета В. И. НИКОЛЬСКАГО,

составилъ В. А. УМОВЪ.

Предлагаемый краткій отчетъ о съѣздѣ германскихъ юристовъ въ Берлинѣ въ 1860 году составленъ по запискамъ покойнаго профессора Московскаго Университета Владиміра Николаевича Никольскаго. Покойный профессоръ былъ въ 1860 году въ заграничной командировкѣ, но по болѣзни не могъ быть въ Берлинѣ во время засѣданій съѣзда, и составилъ предлагаемыя записки по отчетамъ о съѣздѣ, помѣщеннымъ въ газетахъ, въ особенности въ Allgemeine Oesterreichische Gerichtszeitung.

Значеніе съѣзда 1860 года для Германіи безъ сомнѣнія велико, какъ сознательное проявленіе стремленій германскаго народа къ единенію. Теперь, когда вопросъ о германскомъ единеніи уже рѣшенъ, предлагать публикѣ отчетъ объ этомъ съѣздѣ было бы безполезно, еслибы не былъ поднятъ въ настоящее время вопросъ о съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ осенью нынѣшняго года. Въ виду предполагаемаго съѣзда долженъ имѣть значеніе и этотъ запоздалый отчетъ.

Съѣзды германскихъ юристовъ теперь далеко не новость:

ихъ было уже десять. Съѣздъ 1860 года ни подъ какимъ видомъ нельзя даже считать образцовымъ, но онъ будетъ все-таки имѣть для насъ особый интересъ, какъ первый съѣздъ юристовъ. Изъ предлагаемаго отчета читатель увидитъ съ какою надеждою отнеслись къ мысли съѣзда германскіе юристы. И эта надежда была не напрасной. Съѣздъ 1860 года рѣшилъ много самыхъ насущныхъ для Германіи вопросовъ, и прежде всего вопросъ о составленіи общаго для Германіи гражданскаго кодекса и законовъ о судопроизводствѣ. При этомъ нельзя не удивляться тому такту, съ какимъ съѣздъ отнесся къ различнымъ германскимъ правительствамъ, съ недовѣріемъ встрѣтившимъ самую мысль о съѣздѣ юристовъ (кромѣ Пруссіи). На съѣздѣ всѣ рѣчи и намеки, которые могли бы оправдать это недовѣріе, выслушивались съ безпокойствомъ и встрѣчали неодобреніе собранія. Но, не желая стать въ оппозицію къ правительствамъ, съѣздъ не желалъ искать у нихъ и помощи. Онъ вѣрно понялъ свое значеніе, какъ представителя современной науки и практики, и положился на внутреннюю силу своихъ заключеній, какъ общественнаго мнѣнія юристовъ Германіи, а потому отнесся несочувственно къ вопросу о представленіи петицій правительствамъ. Чтобы быть вполнѣ независимымъ и оставаться на твердой, нейтральной почвѣ, съѣздъ, по мнѣнію большинства германскихъ юристовъ, долженъ дѣйствовать своимъ нравственнымъ авторитетомъ, путемъ литературы, а не искать поддержки въ оффиціальныхъ сферахъ. И съѣздъ не напрасно разсчитывалъ на свое нравственное вліяніе. Германскія правительства сочувственно отнеслись къ его постановленіямъ и приняты мѣры къ ихъ исполненію. Въ 1870 году вышелъ „Entwurf einer Prozessordnung in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten für den Norddeutschen Bund,“ въ 1871 г. „Entwurf einer Deutschen Civilprocessordnung“, а въ настоящее время обработывается и общегерманское гражданское законодательство. Уже вопросъ о кодификаціи, въ первый разъ послѣ Тибо поднятый съ такимъ жаромъ въ Германіи, а затѣмъ то положеніе, которое опредѣлилъ себѣ съѣздъ въ отношеніи къ оффиціальнымъ

сферамъ,—это такія достоинства, за которыми невидно недостатковъ, хотя безъ сомнѣнія и они не были чужды съѣзду 1860 года.

В. Умовъ.

1 марта 1873 г.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ стремленія Германіи къ единенію въ послѣднее время, былъ между прочимъ съѣздъ германскихъ юристовъ въ Берлинѣ въ 1860 г. Мысль съѣзда юристовъ тѣмъ особенно замѣчательна, что она идетъ изъ Берлина, общаго центра тяготѣнія Германіи въ настоящее время. Въ бытность мою въ Берлинѣ *) я уже слышалъ объ этомъ желаніи, высказанныя нѣкоторыми юристами по поводу зимнихъ баловъ министерства юстиціи. Но тогда желанія эти высказывались неопредѣленно, въ видѣ предположеній. Тѣмъ не менѣе, какъ видно, мысль эта была обща и занимала многихъ, ибо такъ скоро осуществилась и притомъ осуществилась такъ, какъ этого никто не ожидалъ.

Мысль созванія общаго съѣзда германскихъ юристовъ принадлежитъ Юридическому Обществу, которое съ давняго времени существуетъ въ Берлинѣ. Но душою этого дѣла и исполнителемъ его былъ графъ фонъ Вартенслебенъ, почтенное и уважаемое лице въ Берлинѣ. Подъ его предсѣдательствомъ составилась изъ среды Юридическаго Общества „коммиссія для созванія съѣзда германскихъ юристовъ,“ которая составила предварительный планъ съѣзда, и приняла на себя обязанность сдѣлать всѣ нужныя для съѣзда приготовленія и распоряженія. Получивъ согласіе Прускаго Министра Юстиціи, г. Симонса, который также объявилъ себя членомъ съѣзда, коммиссія опубликовала свою программу, которая мало-по-малу была принята всѣми правительствами Германіи. Содержаніе этой программы слѣдующее:

*) Въ 1859 году.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

УСТАВЪ СЪѢЗДА НѢМЕЦКИХЪ ЮРИСТОВЪ.

(Vorläufige Ordnung für den Deutschen Juristentag).

§ 1.

Цѣль съѣзда германскихъ юристовъ состоитъ въ слѣдующемъ: образовать собраніе для живаго размѣна мнѣній и личнаго общенія германскихъ юристовъ; доставить въ области гражданскаго права, процесса и уголовнаго права все большее и большее признаніе требованіямъ объединенія, указать на препятствія, противустоящія этому объединенію и согласиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя могли бы споспѣшествовать единству права.

§ 2.

Съѣздъ германскихъ юристовъ собирается ежегодно.

§ 3.

Членами его имѣютъ право быть: германскіе судьи, штатсъ-анвальты (прокуроры), адвокаты и нотаріусы, аспиранты приготовляющіеся) судебныхъ мѣстъ, анвальта и нотаріата, преподаватели высшихъ нѣмецкихъ школъ, члены ученыхъ академій и ученые юристы административныхъ мѣстъ.

§ 4.

Сотоварищество въ съѣздѣ начинается вмѣстѣ съ принятіемъ членскаго билета на него. Оно уполномочиваетъ на участіе въ совѣщаніяхъ и опредѣленіяхъ сейма.

§ 5.

За право быть членомъ съѣзда полагается ежегодная плата въ три талера, которая должна быть внесена за 1860 годъ въ теченіи четырехъ недѣль со времени утвержденія этого статута, за каждый же слѣдующій годъ въ теченіи первыхъ

четырехъ недѣль послѣ новаго года, въ противномъ случаѣ она взыскивается черезъ почту (посредствомъ Postvorschusz). Если же членъ не уплатитъ и по требованію почты, то это принимается за прямой отказъ отъ участія въ съѣздѣ.

§ 6.

Общимъ совѣщаніямъ съѣзда германскихъ юристовъ предшествуютъ совѣщанія въ отдѣленіяхъ. Для этой цѣли по выбору членовъ съѣзда образуются слѣдующія четыре отдѣленія: 1) Отдѣленіе для гражданскаго права, въ особенности для обязательствъ и закладнаго права. 2) Отдѣленіе для торговаго, вексельнаго, морскаго и международнаго правъ 3) Отдѣленіе для уголовнаго права, уголовнаго процесса и вопроса о тюрьмахъ. 4) Отдѣленіе для судоустройства, гражданскаго процесса и юридическаго образованія (studium). Отдѣленія выбираютъ себѣ предсѣдательствующихъ, дѣлопроизводителей, докладчиковъ и увѣдомляютъ предсѣдателя общаго собранія, какъ скоро ихъ совѣщанія будутъ окончены. Ихъ предложенія излагаются письменно.

§ 7.

Совѣщаніями общаго собранія руководитъ предсѣдательствующій, который избирается на время съѣзда въ первомъ полномъ собраніи посредствомъ записокъ или провозглашенія. Предсѣдательствующій назначаетъ къ себѣ двухъ кандидатовъ и четырехъ письмоводителей. Онъ опредѣляетъ ежедневный порядокъ совѣщаній, и можетъ предлагать отдѣльные вопросы непосредственно на обсужденіе общаго собранія, безъ обсужденія ихъ въ отдѣленіяхъ. Онъ имѣетъ право допускать въ засѣданія съѣзда, какъ слушателей, и не членовъ.

§ 8.

При всѣхъ заключеніяхъ и постановленіяхъ общаго собранія и отдѣленій дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ; при всѣхъ выборахъ

относительнымъ большинствомъ, а въ случаѣ равенства голосовъ жребіемъ.

§ 9.

Если будетъ сдѣлано предложеніе о заключеніи преній, то голоса объ этомъ предложеніи собираются тотчасъ. Въ общемъ собраніи всѣ предложенія, за исключеніемъ предложенія о заключеніи преній, дѣлаются письменно.

§ 10.

Предъ закрытіемъ каждаго съѣзда юристовъ избирается въ полномъ собраніи посредствомъ записокъ постоянная изъ пяти членовъ депутація которой присвоиваются слѣдующія права и обязанности: 1) Она заботится о приведеніи въ исполненіе рѣшеній съѣзда, печатаетъ протоколы сейма и приложенія къ нимъ, разсылаетъ напечатанное членамъ сейма и хранитъ всѣ акты и производство съѣзда. 2) Она опредѣляетъ время и мѣсто ближайшаго съѣзда, производитъ нужныя къ тому приготовленія, разсылаетъ приглашенія и опредѣляетъ порядокъ открытія съѣзда. 3) Она принимаетъ заявленія о вступленіи новыхъ лицъ въ члены съѣзда, приготовляетъ членскіе билеты, принимаетъ взносы, уплачиваетъ издержки и даетъ отчетъ слѣдующей постоянной депутаціи. 4) Въ случаѣ убыли одного изъ членовъ коммиссіи, новаго члена она избираетъ себѣ сама.

§ 11.

Обязанности постоянной депутаціи до выбора ея самимъ съѣздомъ принимаетъ на себя нижеподписавшаяся коммиссія.

§ 12.

Измѣненія въ одобренномъ съѣздомъ статутѣ могутъ быть рѣшены общимъ собраніемъ по простому большинству голосовъ, однако только по письменному предложенію, переданному постоянной депутаціи за четыре недѣли до собранія съѣзда.

Берлинъ, май 1860 г.

Коммиссія юридическаго общества для созванія съѣзда германскихъ юристовъ.

Программа эта, принятая какъ слышно было, неблагосклонно нѣкоторыми германскими правительствами, была встрѣчена общимъ сочувствіемъ со стороны лучшихъ людей, особенно въ средней Германіи. Особенно сочувственно отозвались на нее ученые юристы, практики и теоретики, что можно видѣть частью по именамъ, которыя стояли во главѣ съѣзда, частью по тѣмъ проэктамъ, которые были представлены на обсужденіе съѣзда. Впрочемъ, нашлись конечно и запоздалые, которые сперва говорили противъ съѣзда, но когда онъ вызвалъ большое сочувствіе и состоялся, то и они съ своими ложками пришли на общій пиръ—но дверь была уже заперта.

Со дня опубликованія программы съѣзда до открытія его засѣданій представлены были для обсужденія на сеймѣ слѣдующія предложенія:

1. Предложеніе *Бэра* объ образованіи съѣздомъ постояннаго органа, при помощи котораго члены съѣзда-могли бы освѣдомляться о дѣйствующихъ въ различныхъ странахъ Германіи мѣстныхъ правахъ.

2. Предложеніе Аугсбургскаго адвоката *Левальда,* о томъ чтобы съѣздъ высказался противъ монополіи государственной прокуратуры въ обвиненіи преступниковъ. Согласно съ этимъ предлагается съѣзду постановить, что 1) каждому потерпѣвшему частному лицу должно быть предоставлено право начинать обвиненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него уклоняется прокуратура. 2) Во всѣхъ случаяхъ потерпѣвшимъ частнымъ лицамъ рядомъ съ прокуратурой должны быть предоставлены полныя права сторонъ процесса, въ силу которыхъ предоставляется имъ добиваться не только признанія убытковъ, но и осужденія отвѣтчика. 3) Признаніе частнаго обвинителя за сторону въ процессѣ ведетъ къ тому, что подсудимому должны быть предоставлены равныя съ нимъ права, а именно: а) подсудимому не только по окончаніи предварительнаго слѣдствія, но съ самаго его начала должно быть позволено имѣть защитника; б) этому

защитнику должны быть предоставлены одинаковыя права съ обвинителемъ. Въ основаніе своихъ положеній предлагатель ссылается на трактатъ Вѣнскаго профессора Глазера „о принципѣ уголовнаго преслѣдованія".

3. Предложеніе *Штрасса* изъ Берлина, относительно выбора съѣздомъ коммиссіи для составленія проэкта закона о судопроизводствѣ, общаго для всей Германіи.

4. Предложеніе судьи *Примкера* о законодательной реформѣ касательно нѣмецкихъ безгласныхъ товариществъ *). Разработку этого вопроса по мнѣнію предлагателя слѣдуетъ поручить Нюренбергской коммиссіи составленія торговаго законодательства.

5. Предложеніе *Кригера* изъ Гольдапа, касающееся введенія одинаковаго нотаріальнаго порядка въ Германіи.

6. Предложеніе *Ушатца* изъ Рейхенберга въ Богеміи, касающееся введенія одинаковаго устройства мировыхъ судовъ и мироваго разбирательства во всей Германіи.

7. Предложеніе *Фонъ-Сурто* изъ Мюнхена относительно введенія общей формы присяги.

8. Предложеніе *Клаугольда* изъ Гамбурга, относительно устройства одного высшаго торговаго суда для всей Германіи.

9. Предложеніе *Фонъ-Эгиди* изъ Гамбурга, относительно содержанія архива имперскихъ камеръ въ Вецларѣ.

10. Предложеніе *Штерненфельса* изъ Штутгарда, относительно объявленія пруской Gerichtszeitung органомъ юридическихъ сеймовъ, и

11. Предложеніе *Унгера* относительно составленія въ дополненіе къ Германскому вексельному и торговому праву общаго закона объ обязательствахъ, для того чтобы положить путь къ составленію общаго кодекса Германскаго гражданскаго права.

---

*) Безгласное товарищество (Stille Gesellschaft) бываетъ тогда, когда кто либо не вступая въ члены существующаго товарищества, довѣряетъ ему свой капиталъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто процентовъ участвовать въ прибыляхъ и потеряхъ товарищества сообразно сдѣланному вкладу. Безгласный товарищъ соотвѣтствуетъ нашему вкладчику въ товариществѣ на вѣрѣ.

Всѣхъ участвовавшихъ на съѣздѣ юристовъ было болѣе 700 *). Изъ этой массы юристовъ, между которыми лишь не многіе не заявили себя болѣе или менѣе значительными трудами въ литературѣ или практикѣ, мы назовемъ здѣсь только людей особенно извѣстныхъ, которые стояли во главѣ съѣзда и составляли его душу. Это были Вехтеръ, ректоръ Лейпцигскаго университета, Іерингъ изъ Гиссена, Миттермайеръ изъ Гейдельберга (87 лѣтній старецъ), Гнейстъ, Безелеръ изъ Берлина, Блюнчли изъ Мюнхена, Герберъ изъ Тюбингена, Краутъ, Цахаріэ изъ Геттингена, Вейске изъ Лейпцига, Штубенраухъ и Унгеръ изъ Вѣны, Синтенисъ изъ Дессау, Гроссъ изъ Эйзенаха, графъ Вартенслебенъ, Момзенъ, Гефтеръ, Безелеръ и другіе.

Предварительно открытію засѣданій былъ опубликованъ порядокъ занятій на съѣздѣ. Прежде всего члены съѣзда были извѣщены объ общей сходкѣ для взаимныхъ привѣтствій вечеромъ 27 августа въ Одеумѣ, гдѣ Берлинское юридическое общество должно было играть роль хозяевъ. На слѣдующій день (28 августа назначено утромъ общее совѣщаніе о порядкѣ занятій, выборъ президентовъ и обсужденіе предложенія г. Бэра, затѣмъ совѣщанія особыхъ отдѣленій и вечеромъ послѣ общаго обѣда пріемъ у министра юстиціи объявившаго себя членомъ съѣзда.

На 29 августа: до обѣда совѣщанія отдѣленій, потомъ поѣздка въ Потсдамъ съ экстрацугомъ и въ экипажахъ, доставленныхъ юридическимъ обществомъ, и представленіе его корол. выс. принцу Фридриху Вильгельму прускому; цугъ черезъ королевскій садъ и обѣдъ въ залѣ Казино въ Потсдамѣ; вечеромъ возвратъ въ Берлинъ. Наконецъ на 30 августа общее собраніе и большой обѣдъ.

---

*) Пропорція, въ которой были представлены на съѣздѣ германскія государства представляется въ слѣдующемъ видѣ: на Пруссію приходится 456 членовъ, Австрію—50, Саксонію—45, Ганноверъ—22, Мекленбургъ-Шверинъ и Стрелицъ—22, Баварію—19, Брауншвейгъ—16, вольные города—18, Вюртембергъ—12, Нассау—6, Баденъ—5; остальные 40 членовъ приходятся на 13 неупомянутыхъ выше государствъ Германіи.

Наканунѣ открытія засѣданій, вечеромъ 27 августа, всѣ юристы, пожелавшіе участвовать въ съѣздѣ, записавшись въ разныя отдѣленія по собственному желанію, собрались въ извѣстномъ въ Берлинѣ загородномъ увеселительномъ домѣ "Одеумѣ", который былъ заранѣе заботливо приготовленъ къ принятію гостей любезными хозяевами — юридическимъ обществомъ. Кто знакомъ съ заграничною и особенно берлинскою жизнью, тотъ легко пойметь, какъ свободно, безцеремонно и радушно было на этомъ вечернемъ собраніи безспорно лучшихъ людей Германіи. Газеты говорятъ объ этомъ вечернемъ собраніи съ особою любовью, а бывшіе на немъ унесли съ собою на всю жизнь самое пріятное, теплое воспоминаніе. „Не маловажное обстоятельство", такъ начинаетъ говорить объ этомъ собраніи National-Zeitung, „наполнило вчера вечеромъ садъ и внутреннее помѣщеніе Одеума до послѣдняго мѣста. Шестьсотъ человѣкъ судей, адвокатовъ, профессоровъ изъ всѣхъ частей Германіи сошлись здѣсь вмѣстѣ въ первый разъ наканунѣ общаго совѣщанія, чтобы предъ размѣномъ мнѣній, умственнаго запаса, размѣняться въ непринужденной бесѣдѣ словомъ и привѣтомъ, отыскать старыхъ друзей, увидѣть лицемъ къ лицу родныхъ по духу и подѣлиться надеждою на исполненіе смѣлаго предпріятія. Разнообразное настроеніе гостей сообщило собранію совершенно особенный давно невиданный оттѣнокъ. Здѣсь встрѣтились послѣ долгой разлуки старые друзья, бывшіе студенты и товарищи, которые провели жизнь далеко другъ отъ друга; здѣсь вновь скрѣпились союзы между людьми одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, и съ другой стороны политическіе противники нашли теперь средства къ разъясненію прежнихъ недоразумѣній. Повсюду живѣйшимъ образомъ выражалось чувство довольства на радости, что присутствуетъ столько собратій по призванію изо всѣхъ частей общаго отечества. Мы съ намѣреніемъ не сообщаемъ именъ знаменитыхъ юристовъ, украшавшихъ собою это собраніе, потому что они были здѣсь не какъ знаменитости, а только какъ братья, какъ товарищи по дѣлу, какъ германскіе земляки, и всякая натянутость и церемонность

были оставлены дома". Коммиссія берлинскаго юридическаго общества играла роль хозяевъ и никто изъ присутствующихъ не отказался бы засвидѣтельствовать, что трудную задачу—доставить такому огромному числу гостей всевозможное удобство во всѣхъ отношеніяхъ—она рѣшила великолѣпно. Въ большой залѣ на длинномъ буфетѣ былъ устроенъ богатый, но доступный по цѣнѣ ужинъ изъ холодныхъ блюдъ со всевозможными сортами винъ; кругомъ буфета группировались безчисленные столы, такъ что друзья и знакомые на малыхъ и большихъ столахъ легко могли помѣститься вмѣстѣ, въ небольшихъ кружкахъ, или примкнуть къ большимъ кругамъ, которые образовывались быстро. Было что то совершенно особенное въ этомъ собраніи, которое по цѣлымъ часамъ оставалось на мѣстѣ безъ водительства команды, безъ одуряющаго грома музыки, безъ принужденія сидѣть безъ тостовъ и рѣчей, и безъ насильственныхъ сосѣдствъ по столу. Нельзя было даже указать кто былъ гостемъ, и кто хозяиномъ, „такъ общее благосостояніе духа поглощало мысль объ отдѣльныхъ личностяхъ". Всѣ присутствующіе высказали откровенное убѣжденіе въ томъ, что уже этотъ вечеръ и испытанныя на немъ чувства вознаградили ихъ за дальній путь. Своевременно разошлись отдѣльныя группы, ибо каждый зналъ что завтра рано предстоитъ открытіе съѣзда и первое общее собраніе.

Во вторникъ 28 августа, около 9-ти часовъ засѣданія съѣзда были открыты въ Академіи пѣнія президентомъ юридическаго общества и коммиссіи для созванія съѣзда германскихъ юристовъ графомъ Вартенслебеномъ, въ присутствіи его корол. высоч. принца Фридриха Вильгельма (сына принца регента), министра юстиціи Симонса и многихъ совѣтниковъ министерства юстиціи. Графъ Вартенслебенъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

„Засѣданіе перваго съѣзда германскихъ юристовъ я объявляю открытымъ. Я прошу г. дѣлопроизводителя юридическаго общества, продолжить предварительно и здѣсь свое званіе".

„Милостивые государи! Вы собрались сюда по приглаше-

нію юридическаго общества, для того чтобы размѣняться мнѣніями съ своими товарищами по занятіямъ, прибывшими изо всѣхъ германскихъ государствъ,—размѣняться мнѣніями относительно различныхъ вопросовъ гражданскаго права, процесса и уголовнаго права. Какъ президентъ юридическаго общества я имѣю честь привѣтствовать высокое собраніе. Позвольте мм. гг. чтобы я сначала, противъ ожиданій, которыя возлагаются на это собраніе, высказалъ въ немногихъ словахъ то положеніе, которое долженъ былъ занять задуманный нами союзъ относительно германскихъ правительствъ и германской націи. Приглашеніе на это собраніе послѣдовало отъ такого общества, которое поставило себѣ ближайшею задачею доставить юристамъ Берлина пунктъ соединенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько это будетъ состоять въ его силахъ, способствовать развитію юриспруденціи.

Когда въ этомъ обществѣ возникла мысль о созваніи общаго съѣзда германскихъ юристовъ, то руководящимъ желаніемъ было слѣдующее: желательно было бы способствовать развитію юриспруденціи во всѣхъ частяхъ Германіи посредствомъ соединенія товарищей по занятіямъ. Здравая, разумная дѣятельность каждаго времени, какъ высказалъ уже десятки лѣтъ тому назадъ намъ Савиньи, должна быть обращена на то, чтобы пересмотрѣть, обновить и освѣжить содержаніе права, данное внутреннею необходимостью. Если съѣздъ юристовъ съ своей стороны хочетъ приступить къ разрѣшенію этой задачи, то онъ долженъ сосредоточиться на изслѣдованіи дѣйствующаго въ Германіи гражданскаго права, процесса и уголовнаго права и именно съ „германской“ точки зрѣнія на право.

Для достиженія этой цѣли, разумный голосъ съѣзда въ томъ видѣ, какъ онъ выразится въ нашихъ заключеніяхъ и какъ свидѣтель нуждъ Германіи,—этотъ голосъ не останется безъ вліянія. Да не возразятъ противъ дѣятельности съѣзда, что онъ не имѣетъ силы доставить своимъ предложеніямъ дѣйствіе въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ. Съѣзду во всякомъ случаѣ присуща сила—это сила общаго убѣжденія! Если постановленіямъ съѣзда удастся пріобрѣсть у

германской націи эту могучую силу, то они найдутъ доступъ и въ германскія законодательства. Наконецъ наше время, какъ кажется, желаетъ привести въ исполненіе давно уже питаемую надежду на единеніе права въ общемъ германскомъ отечествѣ. Хорошимъ предзнаменованіемъ считаю я то, что его корол. высоч. принцъ—Регентъ Прускій, равно какъ и другіе свѣтлые германскіе государи смотрятъ съ довѣріемъ на этотъ съѣздъ и его стремленія. Теперь осмѣливаюсь обратиться къ нашей ближайшей задачѣ. Я прошу собраніе дать свое заключеніе относительно „устава сейма“, выработаннаго коммиссіей юридическаго общества. Уставъ принятъ съѣздомъ единогласно. Затѣмъ временный президентъ предложилъ собранію организоваться, то есть избрать предсѣдателя, вицепрезидента и дѣлопроизводителей. Здѣсь единство собранія высказалось быстро: выборъ упалъ на того, кого заранѣе назначило общественное мнѣніе. Единодушно, при общемъ громѣ кликовъ и рукоплесканій, первымъ президентомъ собранія былъ избранъ посредствомъ аккламаціи профессоръ и ректоръ Лейпцигскаго университета, Карлъ Георгъ Вехтеръ.

Привѣтствуемый со всѣхъ сторонъ криками: браво! и рукоплесканіями, онъ достигъ каѳедры, и въ теплыхъ словахъ выразилъ благодарность за великую честь стоять во главѣ семисотъ товарищей, по призванію изъ всѣхъ уголковъ, сторонъ и частей Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ собранію о тѣхъ, кому съѣздъ юристовъ обязанъ своимъ созваніемъ.

„Конечно, мм. гг. началъ онъ, высочайшая честь для германскаго юриста—это быть поставленнымъ во главѣ 700 сотоварищей по призванію, которые стеклись сюда изъ всѣхъ уголковъ нашего отечества и быть призваннымъ къ управленію ихъ совѣщаній. Вы призвали меня къ этой задачѣ и притомъ призвали такъ, что я потрясенъ до глубины души.

Позвольте же мнѣ здѣсь высказать вамъ мою искреннѣйшую благодарность и вмѣстѣ съ ней соединить просьбу—не ожидать слишкомъ многаго отъ моихъ слабыхъ силъ, и не отказать мнѣ въ Вашемъ снисхожденіи и помощи. Мы

собрались здѣсь, чтобы рука объ руку содѣйствовать задачѣ, которая касается важнѣйшихъ интересовъ нашего дорогаго отечества. Разрѣшивъ ее, мы пріобрѣтемъ новый крѣпкій союзъ, который долженъ всецѣло обнять нашихъ германскихъ соплеменниковъ. Будемъ неотступно, ежеминутно имѣть эту цѣль передъ глазами; тогда мы преодолѣемъ всѣ трудности, и можно будетъ сказать, что не напрасно сошлись мы сюда! Но прежде нежели я перейду къ нашимъ занятіямъ, позвольте мнѣ еще дать волю моему чувству, которое Вы конечно, всѣ раздѣляете со мною и уполномочиваете меня выразить его. Юридическому обществу принадлежитъ заслуга созванія юридическаго съѣзда. Эту мысль можно бы назвать смѣлою. Но мм. гг., неужели мы не должны отваживаться и не должны жертвовать собою, когда это нужно той цѣли, достиженіе которой могло бы послужить на благо нашему отечеству. Такъ думало Берлинское юридическое общество. Коммиссія изъ его среды приняла дѣло въ свои руки и за то знаніе дѣла, за ту предусмотрительность и за то самопожертвованіе, съ которыми она, ея почтенный предсѣдатель и ея ловкіе, неутомимые дѣлопроизводители разрѣшили эту задачу, за это все собраніе выскажется единодушно. Доказательствомъ этому служитъ то, что мы представляемъ здѣсь науку и практику въ такомъ многочисленномъ собраніи и такимъ поразительнымъ образомъ. Этимъ почтеннымъ людямъ—я смѣю это высказать—безъ сомнѣнія собраніе обязано своею полною признательностью. *(Собраніе встаетъ при сильныхъ рукоплесканіяхъ).* Наша задача, мм. гг., продолжать дѣло этой коммиссіи. Если мы сможемъ продолжать его въ томъ духѣ, какъ оно начато, то жатва—въ чемъ я убѣжденъ — будетъ обильна. Да благословитъ Провидѣніе наши стремленія! *(Живѣйшее одобреніе).*

По окончаніи рѣчи новый президентъ съ согласія собранія назначилъ вице-президентовъ, а именно графа Фонъ-Вартенслебена, оберъ штатсъ-анвальта Келлера изъ Вѣны, тайнаго оберъ-юстицъ-рата Фридберга изъ Берлина, и адвоката Рувандля изъ Мюнхена, а затѣмъ дѣлопроизводителей—

Горвитца изъ Либенверда, Гёльдера, изъ Штутгардта, Мейена изъ Берлина и профессора Унгера изъ Вѣны.

Затѣмъ послѣдовала организація отдѣленій которыя устроились такъ:

I Отдѣленіе (для гражданскаго права, въ особенности права обязательственнаго и закладнаго). Президентъ—профессоръ докторъ *Блюнчли* изъ Мюнхена; вицепрезиденты тайный совѣтникъ *Гейдеманъ* изъ Берлина; профессоръ *Унгеръ* изъ Вѣны; докладчикъ профессоръ *Іерингъ* изъ Гиссена.

II Отдѣленіе (для торговаго, вексельнаго, морскаго и международнаго правъ): президентъ—тайный оберъ-юстицъ-ратъ *Геймзётъ* изъ Кельна; дѣлопроизводители: профессоръ Рейнеръ изъ Брюна и адвокатъ Гутце изъ Вѣны; докладчикъ *Маковеръ*.

III Отдѣленіе (для уголовнаго права и процесса): президентъ—оберъ-штатсъ-анвальтъ докторъ *Шварце* изъ Дрездена; вицепрезидентъ—юстицъ-ратъ *Фишеръ* изъ Бреславля дѣлопроизводители: крейсъ-герихтсъ-ратъ фонъ Куновскій изъ Бейтена и каммеръ-герихтсъ-ратъ Якоби изъ Берлина.

IV Отдѣленіе (для судопроизводства, гражданскаго процесса и юридическаго образованія): президентъ — адвокатъ докторъ *Бергеръ* изъ Вѣны; дѣлопроизводители: адвокатъ Пробстъ изъ Штутгарта, крейсъ-герихтсъ-ратъ Клотцъ изъ Берлина.

Вотъ личности, которымъ вмѣстѣ съ избраннымъ президентомъ предстояло играть наиболѣе видную роль на съѣздѣ.

Самымъ вліятельнымъ и болѣе другихъ чтимымъ лицемъ былъ безспорно президентъ съѣзда, профессоръ и ректоръ Лейпцигскаго университета — Вехтеръ. Его уважаютъ во первыхъ за необыкновенно здравый юридическій смыслъ далѣе за глубокую практичность его трудовъ и рѣдкую основательность общеюридическаго образованія. Онъ не имѣетъ, строго говоря, нѣмецкой спеціальности—дробной, узкой до безконечности и потому не извѣстенъ ни однимъ изъ тѣхъ громадныхъ сочиненій по одной какой-либо отрасли юридическихъ наукъ, которыми славятся большею частью германскіе юристы. Тѣмъ не менѣе все то, что Вехтеръ писалъ

по различнымъ частямъ права сильно уважается не только между теоретиками, но еще болѣе между практиками. Предметы, которымъ онъ однако, болѣе другихъ посвящалъ свои занятія—это гражданское и уголовное право. Богатый основательнымъ знаніемъ римскаго права и практическими свѣденіями, онъ работаетъ въ этой сферѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ и пользою. Его chef d'oevre, это „Württembergisches Privatrecht, которое у теоретиковъ считается образцомъ ученаго изслѣдованія, а у практиковъ настольною книгою не только въ Вюртембергѣ, гдѣ безъ его книги не рѣшается ни одного дѣла, но и въ другихъ странахъ, такъ какъ она содержитъ въ себѣ образцовое изложеніе всѣхъ общихъ понятій гражданскаго права. По уголовному праву онъ написалъ множество трактатовъ по различнымъ спорнымъ и труднымъ вопросамъ, которые помѣщены въ различныхъ нѣмецкихъ юридическихъ журналахъ. Его анализъ и установленіе состава преступленій считается образцовымъ не только по ясности и основательности изложенія, но въ особенности по глубокому здравому смыслу и практичности. Нѣмцы, утонувшіе въ безконечныхъ абстрактныхъ теоріяхъ уголовнаго права, въ которыхъ, надо сказать правду, иногда просто и смысла нѣтъ, бываютъ часто поражены свѣтлостью и простотою взгляда Вехтера на предметъ, который онъ излагаетъ иногда въ коротенькихъ трактатахъ. Такова репутація Вехтера, какъ ученаго. Но не менѣе онъ извѣстенъ, какъ профессоръ и какъ политическій дѣятель.

Президентъ перваго отдѣленія Мюнхенскій профессоръ *Блюнчли* есть одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и уважаемыхъ въ настоящее время германистовъ. Какъ ученый онъ извѣстенъ теперь своимъ „Allgemeines deutsches Privatrecht.“ Это его сочиненіе ставится на ряду съ лучшими трудами по этой части Гербера, Безелера и Вальтера. Отличительное достоинство этого труда Блюнчли видятъ въ особенной точкѣ зрѣнія автора на анализъ и изложеніе гражданскихъ институтовъ, а именно въ томъ, что онъ разсматриваетъ каждый гражданскій институтъ съ точки зрѣнія его цѣлесообразности (Zweckmässigkeit). Слѣдовательно особенность сочиненія

Блюнчли состоитъ въ практическомъ, или лучше сказать, въ законодательномъ воззрѣніи автора на предметъ, что обусловливалось можетъ быть и случайностью, именно тѣмъ, что Блюнчли участвовалъ въ составленіи Цюрихскаго гражданскаго уложенія. Блюнчли, швейцарецъ по рожденію, началъ свою ученую дѣятельность приватъ-доцентомъ въ Цюрихскомъ университетѣ. Послѣ того, какъ онъ сдѣлался извѣстенъ въ этой мѣстности своими знаніями и чтеніями, онъ былъ призванъ правительствомъ Цюрихскаго кантона къ составленію проэкта гражданскаго уложенія, чѣмъ нетолько снискалъ благодарность своихъ соотечественниковъ, но и сдѣлался извѣстнымъ во всей Германіи. По открытіи каѳедры въ Мюнхенѣ онъ былъ приглашенъ занять ее въ качествѣ ординарнаго профессора; онъ занимаетъ ее и въ настоящее время. Въ немъ слѣдовательно, какъ и въ Вехтерѣ, соединяются два великія качества: ученость съ практическими свѣденіями. Что онъ въ пользу германскаго единенія, объ этомъ едвали слѣдуетъ и говорить послѣ того, какъ онъ одинъ изъ первыхъ выразилъ свое согласіе на созваніе сейма.

Предсѣдатели прочихъ отдѣленій всѣ три практика, т.-е. люди, посвятившіе себя отправленію юстиціи. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаютъ на себя предсѣдатели III и IV отдѣленій. Предсѣдатель III отдѣленія оберъ-штатсъ-анвальтъ, т.-е. по нашему, хотя и не совсѣмъ точно, оберъ прокуроръ *Шварце*—одна изъ первыхъ современныхъ знаменитостей на полѣ уголовной юстиціи. Окончивши, само собою разумѣется, курсъ въ университетѣ, онъ посвятилъ себя служенію уголовной юстиціи, прошелъ всѣ служебные экзамены и экзаменъ на доктора юридическихъ наукъ. Блестящія способности скоро отличили Шварце на поприщѣ службы. Но посвятивъ себя службѣ, Шварце не оставался чуждъ и литературѣ. Первоначально отъ времени до времени онъ сообщалъ результаты своихъ практическихъ наблюденій въ различныхъ журналахъ въ формѣ отдѣльныхъ трактатовъ, а потомъ самъ сталъ издавать журналъ уголовнаго права „Gerichtssaal“ вмѣстѣ съ Гей-Глюнекомъ и Миттермайеромъ.

Кромѣ того Шварце извѣстенъ многими другими своими трудами, изъ нихъ особенно замѣчателенъ „Strafprocessordnung für das Kgr. Sachsen“ съ объясненіями, которыя высоко цѣнятся саксонскими практиками. IV-е отдѣленіе также имѣетъ въ своемъ предсѣдателѣ не менѣе извѣстнаго практика, знаменитаго въ настоящее время адвоката *Бергера*, безъ котораго не производится ни одного замѣчательнаго процесса въ Вѣнѣ. Практика его такъ огромна, что онъ имѣетъ, при себѣ цѣлую канцелярію юристовъ и шрейберовъ.

Этимъ выборомъ предсѣдателей ярко опредѣляется характеръ съѣзда. Времена отвлеченныхъ философій и историческихъ изысканій прошли и для Германіи. Нѣмцы увидѣли въ наукѣ и убѣдились въ жизни, что съ одной философіей и исторіей далеко не уйдешь, что настоящее сильнѣе всякихъ отвлеченій и историческихъ изслѣдованій, а потому, переступивъ даже заповѣдь своего живаго бога Савиньи, вѣрятъ въ возможность общаго законодательства для всей Германіи, желаютъ его и вручили это дѣло людямъ практическимъ, т.-е. хорошо знакомымъ прежде всего съ дѣйствительнымъ правомъ и бытомъ.

Послѣ выбора предсѣдателей и дѣлопроизводителей въ отдѣленія сейма, собраніе обратилось къ опредѣленію порядка совѣщаній и преній. Было принято: 1) говорить съ своихъ мѣстъ и 2) заявивъ предварительно свое желаніе дѣлопроизводителю и означивши мѣсто своего сидѣнія.

Вслѣдъ за своею организаціею собраніе приступило къ пересмотру полученныхъ имъ предложеній и проэктовъ и къ распредѣленію ихъ по отдѣленіямъ. Пренія въ этомъ случаѣ были вообще незначительны; затрудненіе возникло было только относительно положенія профессора Эгиди на счетъ содержанія архива императорскихъ каммеръ въ Вецларѣ. Незнали къ какому отдѣленію его отнести. Президентъ впрочемъ разрѣшилъ это затрудненіе объявивши, что IV отдѣленіе имѣетъ преимущественное право на занятія научно-регистратурныя. Отдѣленія должны были представить свои отчеты общему собранію въ четвергъ.

Затѣмъ послѣдовали дебаты на счетъ предложенія Бэра,

относительно обязанности постоянной депутаціи сообщать по дѣлаемымъ ей запросамъ извѣстія о вопросахъ, касающихся мѣстныхъ германскихъ правъ. Предлагатель мотивировалъ свое предложеніе и думалъ, что прежде всего слѣдуетъ условиться относительно принципа, а затѣмъ частное обсужденіе поручить одному изъ отдѣленій. Въ длинномъ изложеніи онъ выразилъ ту мысль, что если его предложеніе будетъ принято, то постоянная депутація получитъ особенное, болѣе важное значеніе сравнительно съ тѣмъ, которое даетъ ей статутъ съѣзда. Она будетъ не простымъ органомъ для цѣлей одного извѣстнаго съѣзда, а твердо организованной коллегіей съ постоянными засѣданіями въ опредѣленномъ городѣ. Предложеніе Бэра поддерживалъ прокуроръ Типпельскирхъ изъ Штетина. Онъ считаетъ это предложеніе за важнѣйшее изъ всѣхъ, представленныхъ съѣзду, потому что оно касается жизненнаго нерва съѣзда, главная цѣль котораго расчистить дорогу единому праву. Предложеніе Бэра, по мнѣнію дебатанта, устраняетъ вопросъ: какъ и какимъ образомъ дѣйствовать при достиженіи этой конечной цѣли. Потому что, если хотятъ творить новое цѣлое, то нужно знать, изъ чего его творить, должно знать то, что уже существуетъ. Узнать же существующее для отдѣльныхъ личностей (относительно особенныхъ, мѣстныхъ правъ и обычая) часто необыкновенно трудно. Поэтому неотложно и необходимо существованіе органа, который доставлялъ бы отдѣльнымъ личностямъ свѣденія объ общемъ положеніи партикулярныхъ правъ въ Германіи и объ отдѣльныхъ касающихся ихъ вопросахъ. Типпельскирхъ понималъ предложеніе Бэра не только такъ, чтобы постоянная коммиссія отвѣчала на отдѣльные вопросы права, но чтобы она отвѣчала и на запросы о томъ, что̀ дѣйствуетъ какъ право въ извѣстномъ мѣстѣ. Онъ предложилъ по важности предмета передать это предложеніе на разсмотрѣніе особой коммиссіи или одного изъ отдѣленій. Оберъ-трибуналъ-ратъ Штерненфельсъ изъ Штутгардта предложилъ передать его первому отдѣленію. Съ нимъ согласился предсѣдатель и передача была рѣшена.

Предъ закрытіемъ засѣданія президентъ высшаго аппелляціоннаго суда въ Мюнхенѣ *Молиторъ* попросилъ себѣ слова, чтобы выразить съѣзду привѣтъ отъ баварскихъ его членовъ, которые подобно другимъ германскимъ племенамъ не остановились передъ затрудненіями, противупоставляемыми юридическому съѣзду. Онъ напомнилъ далѣе, что съѣзду слѣдуетъ держаться мѣры, какъ въ выборѣ содержанія, такъ и въ обсужденіи его и не теряться въ идеальномъ. Къ этому присоединилъ онъ нѣсколько словъ о томъ, что въ послѣднее время приготовляется и приводится въ исполненіе въ Баваріи со стороны законодательства. Послѣ этой рѣчи, которая была прослушана съ невниманіемъ и безпокойствомъ, президентъ закрылъ засѣданіе въ $10^1/_2$ часовъ.

200 экипажей, заранѣе заготовленныхъ юридическимъ обществомъ отвезли членовъ перваго, втораго и четвертаго отдѣленій изъ академіи пѣнія въ Одеумъ; члены же третьяго отдѣленія остались въ академіи для своихъ частныхъ совѣщаній. Общій обѣдъ въ Одеумѣ соединилъ опять большую часть членовъ. Вечеромъ министръ юстиціи принималъ членовъ сейма у себя.

Въ среду утромъ, слѣдовательно на другой день послѣ общаго собранія, до половины перваго часа происходили засѣданія и совѣщанія отдѣленій, которыя на слѣдующій день, т.-е. въ четвергъ, должны были представить свои отчеты общему собранію сейма. Въ половинѣ перваго члены съѣзда отправились въ Потсдамъ по желѣзной дорогѣ до Вильдпарасской станціи, гдѣ размѣстившись въ экипажахъ, заготовленныхъ Юридическимъ Обществомъ поѣхали къ новому дворцу. Здѣсь члены сейма были приняты Принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, который, принимая членовъ съ особымъ вниманіемъ, выразилъ полное свое сочувствіе ихъ дѣлу, присовокупивъ, что и его отецъ, находившійся въ это время въ отсутствіи, раздѣляетъ его образъ мыслей. Принцъ былъ особенно внимателенъ къ президенту съѣзда, почтенному Вехтеру. Изъ дворца члены съѣзда поѣхали черезъ королевскій садъ въ залу Казино, гдѣ ожидалъ ихъ обѣдъ. Вечеромъ члены съѣзда возвратились въ Берлинъ.

Въ четвергъ, 30 августа, въ полномъ собраніи съѣзда отдѣленія представили свои доклады, которые и были предметомъ преній на этомъ засѣданіи. Чтобы дать понятіе о чемъ шла рѣчь на этомъ засѣданіи и въ чемъ проявились нужды и желанія Германіи по отношенію къ задачѣ сейма, мы сообщимъ сперва общій перечень вопросовъ, а потомъ и остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которые возбудили наибольшее вниманіе и сочувствіе.

Доклады перваго отдѣленія. Докладчикъ проф. Іерингъ: 1. Докладъ о порядкѣ съѣзда и выборѣ постоянной депутаціи. 2. О предложеніи г. Бэра относительно организованія и задачи постоянной депутаціи, 3. — Относительно избранія „Preussische Gerichtszeitung“ органомъ съѣзда. 4. О предложеніи г. Миттермайера относительно составленія законопроэктовъ по тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ наибольшій интересъ для всей Германіи. Составленіе этихъ законопроэктовъ по мнѣнію предлагателя должно быть поручено постояннымъ коммиссіямъ, учрежденнымъ юридическимъ сеймомъ.

Доклады втораго отдѣленія. Докладчикъ ассессоръ Маковеръ. 1. Докладъ о предложеніи судьи Примкера объ измѣненіи законоположеній касательно нѣмецкихъ безгласныхъ товариществъ. 2. Объ учрежденіи одного высшаго, общаго для всей Германіи, торговаго суда. 3. О составленіи въ интересахъ торговаго сословія правилъ касательно отвѣтственности управленій желѣзныхъ дорогъ при перевозкѣ товаровъ и тяжестей.

Доклады третьяго отдѣленія. 1. Докладчикъ оберъ-штатсъанвальтъ Гроссъ (изъ Эйзенаха). Докладъ о предложеніяхъ гг. Кревеля и Вальберга. Изъ этихъ докладовъ особенно важенъ докладъ по предложенію г. Кревеля о введеніи общегерманскаго уголовнаго кодекса. 2. Докладчикъ оберъ штатсъанвальтъ Шаркъ о предложеніи г. Левальда. 3. Докладчикъ докторъ Гольцендорфъ о предложеніи Миттермайера относительно организаціи судебной полиціи.

Доклады четвертаго отдѣленія. 1. Докладчикъ юстицъ-ратъ Фолькмаръ, докладъ о предложеніи гг. Вальдека, Борнемана, Будде и Штрасса. 2. Докладчикъ оберъ-трибуналъ-ратъ

Вальдекъ, отчетъ о другихъ предложеніяхъ, обсуженныхъ въ четвертомъ отдѣленіи.

Общее собраніе съѣзда, на которомъ должно было происходить обсужденіе всѣхъ этихъ докладовъ, открыто было предсѣдателемъ Вехтеромъ 30 августа въ четверть десятаго въ присутствіи прускихъ министровъ юстиціи и финансовъ. Послѣ прочтенія дѣлопроизводителями протоколовъ предшествовавшаго засѣданія, первымъ предметомъ совѣщанія былъ порядокъ занятій съѣзда, или лучше сказать уставъ его. Этотъ уставъ былъ предметомъ особыхъ дебатъ, какъ дѣло очень важное. Общее собраніе впрочемъ только въ немногомъ измѣнило предначертанія коммиссіи о созваніи съѣзда, изложенныя выше. Существенно новое постановленіе состояло въ томъ, чтобы всѣ письменные проэкты представлялись не позднѣе, какъ за четыре недѣли до открытія съѣзда. Послѣдовавшій затѣмъ выборъ постоянной депутаціи вызвалъ горячіе дебаты. Очевидно, что дѣло было очень важно: отъ направленія членовъ депутаціи зависѣло исправленіе общаго дѣла, которое по закрытіи съѣзда ввѣрялось этой депутаціи. Притомъ же ей предоставлено было важное право назначить мѣсто и время будущаго сейма. Съѣздъ рѣшилъ произвести выборъ посредствомъ записокъ. Но президентъ объявилъ свое право на предложеніе членовъ въ депутацію и объяснилъ, что онъ рекомендуетъ слѣдующихъ членовъ: Борнемана, Дорна, Фридберга проф. Гейдемана, Гирсеменцеля, Фолькмара, графа Вартенслебена—изъ Берлина, проф. Блюнчли изъ Мюнхена, Фабера изъ Штутгардта, проф. Глазера изъ Вѣны, проф. Іеринга изъ Гиссена, Келлера изъ Вѣны, Шварце изъ Дрездена, фонъ Штёссера изъ Брухзаля. Эти лица и были избраны въ члены депутаціи, впрочемъ послѣ живѣйшаго диспута о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ этомъ спискѣ. Почетнымъ предсѣдателемъ этой депутаціи былъ однако опять выбранъ самъ Вехтеръ, вторымъ (дѣйствительнымъ) предсѣдателемъ Борнеманъ (представитель прускої либеральной партіи), исправляющимъ должность президента графъ Вартенслебенъ, дѣлопроизводителемъ Гирсеменцель (издатель прускої Gerichtszeitung), исправляющимъ его должность Фолькмаръ.

За выборами въ постоянную депутацію послѣдовало обсужденіе предложенія Бэра относительно организаціи и задачъ постоянной депутаціи. Бэръ предлагалъ прибавить къ уставу сейма слѣдующіе параграфы:

1) Съѣздъ Германскихъ юристовъ образуетъ для своихъ членовъ постоянный органъ для размѣна между ними свѣденій, касающихся мѣстныхъ правъ, дѣйствующихъ въ различныхъ странахъ Германіи.

2) Съ этою цѣлью члены съѣзда взаимно обязуются сообщать при посредствѣ этого органа отвѣты на запросы о состояніи законодательства и практики въ ихъ странѣ.

3) Этотъ размѣнъ свѣдѣній производится особыми корреспондентами, которые избираются изъ членовъ съѣзда, находящихся въ различныхъ мѣстностяхъ.

4) Вопросы посылаются въ постоянную депутацію, а она сообщаетъ ихъ корреспондентамъ отдѣльныхъ мѣстностей, которые должны или сами отвѣчать на эти вопросы, или уполномочиваютъ на то другихъ юристовъ. Отвѣты должны быть даны въ теченіе четырнадцати дней.

5) Постоянная депутація по соображеніи вопроса опредѣляетъ, долженъ ли корреспондентъ послать свой отвѣтъ прямо запросившему, или черезъ депутацію.

6) Неосновательные вопросы постоянная депутація можетъ отсылать назадъ.

7) Издержки за доставленіе требуемыхъ свѣдѣній (за переписку, пересылку по почтѣ и т. д.) несетъ запросившій, и въ случаѣ нужды они могутъ быть вытребованы черезъ почту; впрочемъ издержки по вопросамъ, имѣющимъ общенаучный интересъ, принимаются на счетъ суммъ съѣзда.

8) Постоянная депутація имѣетъ право опубликовывать результаты запросовъ.

Послѣ непродолжительныхъ преній предложеніе Бэра не было принято во первыхъ по той причинѣ, что постоянная депутація еще сама не получила твердой организаціи, и во вторыхъ потому, что въ исполненіи своемъ это предложеніе влечетъ за собою большія затрудненія и издержки. Съѣздъ

выразилъ только свою признательность предлагателю за его благія желанія.

Предложеніе г-на Штерненфельса о признаніи газеты „Preussische Gerichtszeitung“ органомъ сейма было принято. При этомъ было высказано желаніе объ измѣненіи заглавія этой газеты, именно о названіи ея „Deutsche Gerichtszeitung“.

Предложеніе знаменитаго Миттермайера о начертаніи законопроектовъ коммиссіями утвержденными юридическимъ съѣздомъ было отвергнуто почти единогласно и безъ особыхъ преній вслѣдствіе практической невозможности привести эту мысль въ исполненіе. Для осуществленія этой мысли требовалось, чтобы члены коммиссій исключительно посвятили себя этой задачѣ, и находились постоянно въ одномъ мѣстѣ. Напротивъ того предложеніе профессора Унгера, о необходимости общественнаго права обязательствъ—сдѣлалось предметомъ живаго, горячаго и продолжительнаго спора. Съ Унгеромъ были одинаковаго убѣжденія и поддерживали его двѣ первыя знаменитости германскаго міра по гражданскому праву—Вехтеръ и Іерингъ. Первый шелъ даже далѣе Унгера: онъ считалъ возможнымъ и необходимымъ составленіе не только общегерманскаго права обязательствъ, но и всего гражданскаго права. Второй же, раздѣляя эту послѣднюю мысль, настаивалъ болѣе на правѣ обязательствъ, такъ какъ въ настоящее время онъ первый знатокъ въ этой части гражданскаго права. *) Мысль Іеринга имѣла кромѣ того и практическое основаніе. Германскія правительства уже убѣдились въ необходимости единаго торговаго права для Германіи, и это право скоро выйдетъ въ свѣтъ и получитъ законную силу. **) Слѣдовательно принципъ общаго обязательственнаго права уже признанъ, такъ какъ все торговое право въ существѣ своемъ есть ни что иное, какъ система обязательствъ.

---

*) Это доказываютъ его трактаты въ издаваемыхъ имъ Jahrbücher für Dogmatick.

**) Общегерманское торговое уложеніе вышло въ 1861 году, и дѣйствуетъ теперь во всѣхъ германскихъ государствахъ.

Такимъ образомъ и по практическому основанію, и по важности предмета, и по замѣчательности лицъ принимавшихъ участіе въ преніяхъ по поводу предложенія Унгера, пренія эти были очень интересны. И газеты, и присутствовавшіе на съѣздѣ говорятъ о нихъ съ особымъ удовольствіемъ, хотя предложеніе и не было принято въ томъ видѣ, какъ желалъ этого Вехтеръ.

Именно въ совѣщаніяхъ перваго отдѣленія Вехтеръ распространилъ предложеніе Унгера тѣмъ, что предложилъ сейму высказать желаніе общаго для всей Германіи гражданскаго законодательства, и выразить ту мысль, что такое законодательство не только желательно, но и возможно. Затѣмъ онъ предложилъ съѣзду обратиться къ правительствамъ съ выраженіемъ желанія общаго для всей Германіи гражданскаго кодекса.

Въ преніяхъ, бывшихъ по поводу предложенія Унгера въ отдѣленіи кромѣ предлагателя принимали участіе Вехтеръ, Бэръ, Іерингъ, Кунце, Эгиди и Гейдеманъ.

Въ засѣданіи отдѣленія *Унгеръ* началъ свое предложеніе объясненіемъ, что онъ поставилъ его съ большимъ страхомъ, потому что думалъ, что предположеніе это должно было бы выйти не отъ австрійскаго юриста, гдѣ все право уже кодифицировано, а отъ юриста, въ отечествѣ коего дѣйствуетъ общегерманское право. Впрочемъ, говорилъ онъ, я желалъ идти отъ меньшаго къ большему, а потому пошелъ отъ торговаго права, съ которымъ обязательства имѣютъ ближайшую связь; если же собраніе пойдетъ далѣе за Вехтеромъ, къ кодификаціи общаго для всей Германіи гражданскаго права, то конечно онъ не будетъ изъ тѣхъ, которые станутъ противорѣчить этой мысли.

Совершенно противоположнаго мнѣнія былъ *Бэръ*. Онъ считалъ настоящее время незрѣлымъ для кодификаціи и думалъ, что оно находится въ томъ же состояніи, въ какомъ оно было при Савиньи, когда послѣдній отсовѣтывалъ кодификацію въ своемъ „Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung“. Практическій опытъ, по словамъ Бэра, показываетъ намъ,

что сословіе судей страдаетъ легизмомъ, т. е., если можно такъ выразиться, формально буквальнымъ пониманіемъ положеній закона, и такое пониманіе вслѣдствіе кодификаціи получитъ преобладающее значеніе. Кромѣ того, продолжаетъ Бэръ, я нахожу въ нынѣшнихъ ученіяхъ права еще многое неосновательнымъ, не приведеннымъ ни къ какимъ теоретическимъ положеніямъ, и неяснымъ, такъ что установленіе этого въ твердыхъ формахъ законодательства можетъ привести къ опаснымъ результатамъ. Это слѣдуетъ сказать и о правѣ обязательствъ. Напротивъ того вексельное и торговое право нуждаются въ положительныхъ нормахъ болѣе всѣхъ другихъ частей права, для которыхъ римское право дало уже основныя положенія. Поэтому относительно торговаго и вексельнаго права потребность въ кодификаціи несомнѣнно должна быть признана.

Противъ этого возраженія въ живой и свѣжей рѣчи выступилъ *Іерингъ* въ защиту предложенія Унгера. Онъ высказалъ сперва, что какъ романистъ онъ пламенно ждетъ появленія на свѣтъ торговаго законодательства, отъ котораго онъ ожидаетъ многаго и для своего предмета. Теоретическія затрудненія, о которыхъ сейчасъ было упомянуто существуютъ болѣе для науки, нежели для законодательства, и это обусловливается основаніями, изъ которыхъ исходятъ законодательство и наука, ихъ цѣлью и средствами. Первое идетъ отъ данныхъ, какъ они сложились въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время; его цѣль принести въ дѣйствительный бытъ ясность, опредѣленность на основаніи послѣдняго слова „крайняго разумѣнія“, ибо опредѣленность и извѣстность есть главная цѣль положительнаго права. Законодатель не отвѣчаетъ за то, чего не сдѣлала человѣческая мудрость. На основаніи послѣдняго слова ея онъ кладетъ заповѣдь и устраняетъ его замѣшательство въ жизни. Наука напротивъ не можетъ и не должна останавливаться на этомъ какъ вѣчное изысканіе истины, она вѣчно идетъ впередъ за подбывающимъ богатствомъ человѣческихъ отношеній, вырабатываемыхъ жизнью, слагаетъ, разсматриваетъ ихъ, повѣряетъ и не можетъ сказать: „остановимся пока

здѣсь". Ея цѣль постоянный пересмотръ, постоянное освѣженіе нажитаго, слѣдовательно вѣчное безпрестанное движеніе. Поэтому вопросы, при рѣшеніи которыхъ теорія должна войти въ трудныя глубокія изысканія,—законодатель можетъ устранить однимъ почеркомъ пера. Нужно различать законы отъ теоретическихъ трактатовъ. Трактатъ, который говорилъ бы о какомъ-либо важномъ вопросѣ въ нѣсколькихъ параграфахъ, онъ назвалъ бы уродствомъ. Напротивъ того законодатель теоретическіе трактаты самые запутанные, темные вопросы, можетъ нормировать въ нѣсколькихъ строкахъ. Нужно законодательству, кесарю, отдать кесарево; теорія же все-таки останется на своемъ мѣстѣ.—Что же касается до замѣчанія Бэра относительно общаго уровня нашего времени, то, по словамъ Іеринга, не умаляя заслугъ великаго ученаго и учителя, можно положительно сказать, что наше время идетъ отъ высшаго исходнаго пункта, стоитъ конечно выше, нежели пятьдесять лѣтъ тому назадъ. Объ этомъ едва ли нужно и говорить. Уже одного просыпающагося духа германскаго единенія, который свелъ сюда юристовъ изо всѣхъ концевъ Германіи, достаточно для доказательства, что кодификація возможна. „Въ научномъ отношеніи" такъ заключилъ свою рѣчь Іерингъ, „мы впитали въ себя все то, что дала намъ историческая школа и на ея результатахъ, по ея указанію, стали ближе къ нашей дѣйствительности, къ нашему дѣйствующему праву, которое и составляетъ предметъ настоящихъ совѣщаній".

Послѣ Іеринга *Вехтеръ* указывалъ на фактическое положеніе законодательнаго дѣла. Въ Австріи и Пруссіи все, въ Баваріи почти все право кодифицировано, въ другихъ же государствахъ оно повсюду готовится къ тому. Страны, которыя имѣютъ кодифицированное право ни за что на свѣтѣ не захотятъ уничтожить его. Уже отсюда явствуетъ возможность и цѣлесообразность кодификаціи. Съѣздъ юристовъ уже своимъ собраніемъ высказалъ себя въ пользу послѣдней. Если его цѣль есть единство права, то она можетъ быть достигнута только посредствомъ кодификаціи. Теперь самое время выразить эту мысль и пригласить правительства къ общему

обсужденію ея, пока это еще не поздно, пока не всѣ страны имѣютъ свои частныя уложенія.

Затѣмъ *Унгеръ* указалъ на противорѣчіе въ возраженіи Бера. Именно онъ признаетъ вмѣстѣ съ Беромъ, что въ правѣ обязательствъ, намъ доказалъ послѣдній въ своемъ основательномъ и извѣстномъ во всей Германіи сочиненіи: „Die Anerkennung," есть тончайшіе вопросы, но не менѣе тонкіе, вопросы возникаютъ и въ торгово-вексельномъ правѣ, въ пользу кодификаціи котораго однако онъ высказался.

Когда существо и объемъ вопроса были такимъ образомъ опредѣлены въ засѣданіи отдѣленія, въ общемъ собраніи сейма возраженія пали на другую сторону этого вопроса, а именно на его постановку. Ихъ поднялъ крейсъ-герихтсхъратъ Лефельдъ.

Предложеніе, говоритъ *Лефельдъ*, постановлено такъ, чтобы просить правительства о введеніи общаго законодательства. Я думаю, что съѣздъ долженъ признать за принципъ— не просить правительствъ, но сообщить имъ письменную обработку этого вопроса и указать на тѣ пункты, осуществленіе которыхъ было бы желательно. Съѣздъ не есть корпорація и не имѣетъ никакого петиціоннаго права. Мы можемъ сдѣлать тутъ ошибку, послѣдствія которой будутъ непріятны. По моему мнѣнію желательно, чтобы съѣздъ высказывался передъ народомъ и правительствами посредствомъ сочиненій, но не посылалъ никакихъ петицій.

Предсѣдатель дѣлаетъ замѣчаніе, что даже частный человѣкъ можетъ обратиться къ правительству съ петиціею. „Но не отъ имени собранія," возразилъ кто-то.

Президентъ *Летте*. Я хочу засвидѣтельствовать, что четвертое отдѣленіе послѣ долгихъ преній постановило никогда не посылать петицій къ правительствамъ, во первыхъ потому, что съѣздъ потеряетъ тогда свою нейтральную почву, и во вторыхъ потому, что тѣ члены съѣзда, которые вмѣстѣ суть и члены правительствъ будутъ черезъ это поставлены въ трудное положеніе.

Юстицъ-ратъ *Штрассъ* считалъ послѣднее опасеніе не-

основательнымъ. (Голоса въ собраніи требуютъ заключенія преній).

Адвокатъ *Блокъ*. Дѣло идетъ здѣсь объ основномъ вопросѣ съѣзда. Съѣздъ собрался въ слѣдствіе потребности единенія товарищей по призванію, единенія всѣхъ Германскихъ юристовъ. Онъ представляетъ собою общее мнѣніе свѣдущихъ въ правѣ людей. Что онъ постановитъ, то онъ долженъ издать и разослать по всѣмъ Германскимъ правительствамъ и по всѣмъ камерамъ. Но онъ потеряетъ свое положеніе, если обратится съ петиціей къ отдѣльнымъ правительствамъ. Онъ сдѣлается или зависимымъ отъ нихъ, или станетъ къ нимъ въ оппозицію. Ни то, ни другое не есть истинное положеніе. Будемъ же, какъ свободные люди, высказывать основныя положенія, которыхъ ждетъ Германскій народъ и которыя были бы удобоисполнимы! (*Браво*)!

Президентъ съѣзда замѣтилъ, что этотъ вопросъ былъ уже на разсмотрѣніи третьяго отдѣленія.

Шварце (предсѣдатель 3 отдѣленія). Въ третьемъ отдѣленіи не было никакого сомнѣнія о томъ, чтобы съѣздъ могъ представлять свои просьбы правительствамъ. Мы должны не только говорить, но и дѣйствовать, а для этого необходимо, чтобы наши предложенія достигали надлежащихъ мѣстъ. Если мы, Германскіе юристы, снесемъ вмѣстѣ нашу опытность и выскажемъ наши желанія правительствамъ, то и правительства выслушаютъ такихъ людей. Мы вовсе не дѣлаемся зависимыми. Мы не можемъ быть связаны ни отказомъ, ни благопріятнымъ отвѣтомъ, ибо мы высказали только наше убѣжденіе и предоставили правительствамъ рѣшить, желаютъ ли они принять предложенія съѣзда, или нѣтъ. Я не думаю также, чтобы и тѣ лица, которыя принадлежатъ къ кругу должностныхъ, были компрометированы нашими предложеніями, ибо мы высказываемъ только свободныя наши убѣжденія и сообщаемъ ихъ правительствамъ.

Адвокатъ *Левальдъ*. Я считаю нужнымъ исправить одно положеніе въ рѣчи предыдущаго оратора, или по крайней мѣрѣ предостеречь отъ недоразумѣнія. Въ третьемъ отдѣленіи вовсе не было рѣчи о разсматриваемомъ вопросѣ, об-

ращаться или нѣтъ къ правительствамъ, и этотъ вопросъ вовсе не былъ обслѣдованъ. Я думаю, что этотъ вопросъ или просмотрѣли, или о немъ умолчали. Теперь же, когда возникла рѣчь объ этомъ вопросѣ, меня совершенно убѣждаютъ основанія противнаго мнѣнія и я не присоединюсь ни къ какой петиціи. Такимъ образомъ третье отдѣленіе *не* постановляло, чтобы обращаться съ петиціями къ правительствамъ.

Судья *Мейбауеръ*. Одинъ изъ ораторовъ указываетъ на правительства, какъ на единственный законодательный дѣятель въ Германскихъ государствахъ, но въ сущности это не такъ. И камеры принадлежатъ къ такимъ дѣятелямъ, а потому, если мы захотимъ быть послѣдовательными, то должны сообщить наши петиціи всѣмъ Германскимъ камерамъ. А это поведетъ еще къ большимъ неудобствамъ, а потому лучше вовсе не вступать на путь петицій.

Судья *Лефельдъ*. Мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что во всякомъ случаѣ правительства должны получить наши заключенія, не въ видѣ петиціи, а въ формѣ объясненій (крики: заключеніе, конецъ!)

Адвокатъ *Блокъ*. Тѣ, юстицъ-министры, которые не хотятъ знать и не слушаютъ того, что здѣсь рѣшается, тѣ не будутъ слушать и нашихъ петицій (Браво!).

Президентъ сейма поставилъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: долженъ ли сеймъ дѣйствовать только посредствомъ своего нравственнаго вліянія, не обращаясь къ правительствамъ? Это было принято значительнымъ большинствомъ. Затѣмъ почти единогласно было принято, что не терпящею отлагательства потребностью Германіи и притомъ удобоисполнимою является общегерманское законодательство и прежде всего общегерманское право обязательствъ.

Послѣ отдыха въ три четверти часа послѣдовалъ докладъ втораго отдѣленія. По докладамъ этого отдѣленія общее собраніе послѣ незначительныхъ преній отвергло предложеніе г. Примкера о томъ, чтобы предложить Нюрнбергской коммиссіи составленія торговаго законодательства заняться составленіемъ законоположеній относительно безгласныхъ

коммерческихъ обществъ. Предложеніе Примкера отвергнуто сеймомъ съ тою цѣлью, чтобы не замедлять работъ коммиссіи. При этомъ съѣздъ постановилъ выразить коммиссіи надежду на скорое окончаніе порученнаго ей дѣла. Напротивъ того предложеніе объ отвѣтственности управленій желѣзныхъ дорогъ за перевозку тяжестей, въ виду постоянныхъ жалобъ отъ купеческаго сословія, принято значительнымъ большинствомъ послѣ заключительной рѣчи адвоката фонъ Керштorфа, принятой съ особеннымъ сочувствіемъ и многими криками „браво“.

Затѣмъ собраніе перешло къ обсужденію докладовъ третьяго отдѣленія.

Докладчикъ III отдѣленія фонъ *Гроссъ* началъ говорить въ пользу предложенія Кревеля относительно необходимости общегерманскаго уголовнаго законодательства. Мотивируя это предложеніе, онъ вошелъ въ безконечныя частности. Частыя восклицанія „къ дѣлу“ и „кончайте“ прерывали оратора и побудили его наконецъ къ замѣчанію: „я оканчиваю, но жалѣю, что собраніе желаетъ освободить себя на сегодня отъ всякой важной работы“! Раздается шиканье и крики „къ порядку“!

Президентъ. Я думаю, что г. ораторъ въ пылу рѣчи смѣшалъ трибуну съ президентскимъ стуломъ. (Браво!).

Затѣмъ послѣ непродолжительныхъ преній предложеніе Кревеля было принято единогласно.

Докладчикъ предложенія г. Левальда *Шваркъ* выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что онъ долженъ сколько можно сократить свой докладъ. Разномысліе въ отдѣленіи было необыкновенно велико, а потому онъ, какъ представитель отдѣленія считаетъ нужнымъ предложить съѣзду передать предложеніе Левальда постоянной депутаціи для болѣе тщательной разработки его къ ближайшему сейму.

Адвокатъ *Левальдъ*. Я буду говорить не только за себя, но и за г. Секендорфа сдѣлавшаго добавленіе къ моему предложенію. Мы оба желаемъ, чтобы наше предложеніе было разсмотрѣно теперь же, и мы думаемъ, что каково бы ни было рѣшеніе отдѣленія, оно не могло быть печальнѣе

для юридическаго съѣзда, какъ эта отсрочка. Мм. Гг.! Мнѣ не могутъ сказать, что здѣсь дѣло идетъ о рѣшеніи спеціальнаго вопроса уголовнаго права, и что вы поколеблетесь перемѣнить рѣшеніе отдѣленія, которое состояло изъ лицъ, преимущественно интересующихся уголовнымъ правомъ. Мм. гг., я напоминаю Вамъ, что пять шестыхъ этого собранія—прусаки, и что въ 1858 году не было выпущено ни единой программы, въ которой для выбранныхъ въ палаты не стояло бы положенія объ отмѣнѣ монополіи прокуратуры въ дѣлѣ обвиненія. Это слѣдовательно вопросъ, который прошелъ черезъ весь народъ и сеймъ не можетъ сказать: мы должны приготовляться еще одинъ годъ. О чемъ должна совѣщаться для Васъ постоянная депутація? Мм. гг., если въ продолженіи десяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ народъ занимается этимъ вопросомъ, еще не сложилось мнѣнія, то въ одинъ одиннадцатый годъ оно образоваться не можетъ. Вопросъ объ частномъ обвиненіи столь зрѣлъ, какъ и вопросъ о томъ, что необходимо—цензура или свобода печати. Если кто до сего времени не выяснилъ себѣ этихъ вопросовъ, тотъ и не выяснитъ ихъ. Вы можете, мм. гг., быть моими противниками, и я не скажу ни слова: мы высказываемъ здѣсь наши убѣжденія. Но дѣло до такой степени просто, что во всякомъ случаѣ можно найти для него *рѣшеніе*. Здѣсь рѣчь не о томъ, чтобы въ случаѣ если Вы примете мое предложеніе, прокуратура (штатсъ-анвальтъ-шафтъ) не могла болѣе преслѣдовать того, кто оскорбилъ честь и свободу другаго; а о томъ, чтобы кромѣ того каждый оскорбленный могъ защищать себя самъ. Это ясно и потому теперь Вы должны придти къ рѣшенію и сказать: мы желаемъ этого или не желаемъ! Вы скажите просто принципъ—о немъ только и дѣло. Этотъ вопросъ стоитъ точно также, какъ и вопросъ о цензурѣ. Съ уничтоженіемъ цензуры никому не дается права безнаказанно оскорблять другаго, но это значитъ только, что цензура уничтожена, а нуженъ законъ о печати. Само собою разумѣется, что если Вы примете мое предложеніе, то нуженъ законъ, который установилъ бы частное обвиненіе. Ибо никогда ни одному человѣку не должно быть предо-

ставлено право безъ всякихъ обиняковъ стать передъ судьею и требовать слѣдствія надъ другимъ. Какія предписанія нужны для этого—это долженъ опредѣлить законъ. Здѣсь идетъ дѣло только о выраженіи принципа, который по моему убѣжденію важнѣйшій изо всѣхъ предложенныхъ на сеймѣ. Вотированіе одного общаго законодательства, есть ничто иное, какъ общее желаніе, что намъ хотѣлось бы вообще быть единымъ нѣмецкимъ народомъ. Предложеніе, которое я ставлю, есть палладіумъ гражданской свободы, и я прошу Васъ высказаться, что желательно было бы устранить монополію обвиненія.

Оберъ-штатсъ-анвальтъ *Типпельскирхъ* изъ Штетина возражаетъ противъ предложенія Левальда, но соглашается съ отдѣленіемъ въ томъ, чтобы подвергнуть предложеніе Левальда болѣе глубокому и основательному обсужденію. Пруссаки стоятъ за частное обвиненіе потому, что они никогда его не имѣли. Иного взгляда держатся въ Тюрингіи, гдѣ введена полная система частнаго обвиненія. Тюрингскій оберъ штатсъ-анвальтъ (г. фонъ Гроссъ), который знаетъ дѣло по опыту, сообщилъ оратору, что народъ вслѣдствіе частнаго обвиненія будетъ деморализованъ. Въ Тюрингіи напр. преслѣдованіе незначительныхъ преступленій, воровства и т. д. предоставлено частному обвиненію и это составляетъ лучшій поводъ къ развитію воровства. Дворянство въ бо́льшей части случаевъ не имѣетъ никакого желанія подвергаться непріятностямъ частнаго обвиненія и такимъ образомъ проступокъ остается ненаказаннымъ. (*Въ публикѣ безпокойство*). Частное обвиненіе, заключаетъ Типпельскирхъ, для настоящаго времени не составляетъ настоятельной потребности, а потому обсужденіе предложенія Левальда можетъ быть отсрочено на годъ и отъ этой отсрочки можетъ только выиграть.

Юстицъ ратъ *Фоглеръ* (изъ Берлина). Дѣло идетъ о томъ, чтобы высказать два принципа: объ устраненіи монополіи прокуратуры въ дѣлѣ обвиненія и объ уравненіи правъ обвинителя и обвиняемаго. Здѣсь вовсе не нужно никакой коммиссіи, какъ это привыкли дѣлать во всей Германіи. Для

мотивированія указанныхъ двухъ принциповъ я скажу только что въ Германіи нигдѣ монополія не признается правомъ; тѣмъ менѣе можетъ быть она допущена тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отправленіи правосудія въ сферѣ уголовнаго права. Съ другой стороны уравненіе правъ обвинителя и защитника разумѣется само собою. Обѣимъ сторонамъ должно быть дано одинаковое оружіе. Пусть не говорятъ, что прокуратура должна принять на себя и защиту обвиненнаго: никто не можетъ выдти изъ своей кожи. Кто назначенъ для обвиненія, тотъ просмотритъ пункты защиты. Поэтому ораторъ желалъ бы чтобы собраніе публично выразило, что должно быть правомъ въ Германіи: долженъ ли обвиняемый и его защитникъ имѣть одинаковыя права съ тѣмъ, кто за нимъ охотится и долженъ ли прокуроръ опредѣлять, на чьей сторонѣ право?

Оберъ-трибуналъ ратъ фонъ *Секендорфъ* замѣчаетъ, что до нынѣшней организаціи прокуратуры, по древнему нѣмецкому праву каждый могъ обращаться къ установленіямъ, которыя призваны изрекать право. Вопросъ состоитъ слѣдовательно въ томъ, должна ли быть теперь загорожена для народа стѣною прокуратуры дорога къ суду, или нѣтъ?

Дорога къ суду должна быть открыта каждому, и судъ, а не прокуратура должны опредѣлять, должно ли быть начато слѣдствіе или нѣтъ.

Профессоръ *Геслеръ* изъ Тюбингена требовалъ передачи предложенія Левальда постоянной депутаціи, такъ какъ касательно его не образовалось еще никакого твердаго убѣжденія.

Г. *Гергартъ* изъ Кёнигсберга предложилъ среднее, примиряющее средство, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ можно было бы аппеллировать на прокуратуру, но это мнѣніе было устранено. Далѣе въ пользу предложенія говорили еще *Секендорфъ* и *Фишеръ*: по ихъ мнѣнію сеймъ долженъ защитить старое германское право.

Сеймъ принялъ предложеніе отдѣленія, т.-е. объ отсрочкѣ и новомъ разсмотрѣніи вопроса, весьма слабымъ большинствомъ.

Затѣмъ фонъ Гольцендорфъ докладывалъ о предположеніяхъ Миттермайера касательно сочиненія законодательнаго проэкта о положеніи прокуроровъ, полиціи и слѣдственныхъ судей въ уголовномъ процессѣ, а также и о своемъ предложеніи, чтобы правительства объявляли о результатахъ уголовной юстиціи и состояніи тюремъ. Это послѣднее предложеніе было принято безъ диспута, а предложеніе Миттермайера было отвергнуто.

Далѣе послѣдовалъ отъ 4 отдѣленія докладъ о предложеніяхъ г. Вальдека относительно цѣлаго ряда вопросовъ гражданскаго процесса. Отдѣленіе приняло эти предложенія, но на съѣздѣ они вызвали продолжительныя пренія, въ которыхъ принималъ участіе кромѣ предлагателя (Вальдека), оберъ герихтсъ-анвальтъ (прокуроръ при гражданскомъ судѣ) Андре изъ Оснабрюка, директоръ аппелляціоннаго суда Зейфертъ изъ Нассау, Геттингъ изъ Гильдесгейма, Бэръ, адвокатъ Керсдорфъ и профессоръ Гнейстъ. По предложенію послѣдняго рѣшено было отсрочить обсужденіе частныхъ вопросовъ, но выразить, что устность и публичность суда суть необходимыя предположенія гражданскаго процесса, и что было бы желательно составленіе общаго законодательства основаннаго на этихъ началахъ.

Послѣ пятнадцатиминутной паузы оберъ трибуналъ-ратъ Вальдекъ началъ докладывать о дальнѣйшихъ работахъ четвертаго отдѣленія. Предложеніе отдѣленія о томъ, чтобы съѣздъ высказалъ свое желаніе о немедленномъ учрежденіи общаго для всей Германіи высшаго торговаго суда въ виду предстоящаго общегерманскаго вексельнаго права — было принято. Потомъ были разсмотрѣны еще нѣкоторые вопросы, не возбудившіе особыхъ преній. Пренія снова оживились при обсужденіи предложенія г. Сутро о введеніи однообразной формы присяги, начинающейся словами: „клянусь Всемогущимъ и ВсевѣдущимъБогомъ,“ и оканчивающейся словами: „такъ да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь.“ Предложеніе это было принято отдѣленіемъ, но на съѣздѣ оно возбудило возраженія.

Адвокатъ *Блокъ* считалъ, что съѣздъ, принявъ это пред-

ложеніе, переступить свои предѣлы, такъ какъ этотъ вопросъ по существу своему религіозный и потому долженъ быть рѣшенъ теологами.

На это судья *Мейербауеръ* возразилъ, что мы стоимъ на почвѣ не формализма, а гуманнизма. Шестьдесятъ, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ думали, что Богъ Христіанъ, Іудеевъ и Магометанъ суть различные боги; а потому нужны были различныя формы его призванія. Теперь же пришли къ тому, что это одинъ и тотъ же Богъ, и что слѣдовательно однообразная форма присяги настоятельно необходима.

Адвокатъ *Керсдорфъ* доказывалъ, что дѣйствительно съѣздъ будетъ неправымъ, если онъ не удовольствуется выраженіемъ одного желанія, чтобы была введена однообразная присяга, не излагая ея содержанія.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ предложеніе и было принято съѣздомъ.

Другія предложенія четвертаго отдѣленія о введеніи мировыхъ судовъ во всей Германіи и о мѣрахъ сохраненія въ Вецларѣ архива имперскихъ камеръ были отвергнуты.

Этимъ было кончено все. Президентъ въ короткихъ, но сильныхъ словахъ выразилъ свою благодарность собранію за оказанную ему поддержку, и Берлинцамъ отъ имени иногородныхъ членовъ за радушный пріемъ. (Общее одобреніе).

Въ заключеніе графъ *фонъ Вартенслебенъ* высказалъ отъ имени собранія президенту убѣжденіе о томъ, какую заслугу оказалъ онъ наукѣ и нѣмецкому отечеству тѣмъ превосходнымъ способомъ, какимъ онъ велъ совѣщанія. Послѣ этихъ словъ все собраніе встаетъ и благодаритъ президента. Президентъ благодаритъ собраніе еще разъ и закрываетъ засѣданіе въ половинѣ четвертаго.

ПРОЦЕССЪ
ГЕНЕРАЛА ТРОШЮ
ПРОТИВЪ
ДЕ-ВИЛЬМЕСАНА И ОГЮСТА ВИТЮ.

(Продолженіе).

Эта фраза показалась мнѣ достаточно энергичной для того, чтобы поселить во мнѣ увѣренность и кромѣ того не на мнѣ лежала прямая отвѣтственность, я былъ членомъ кабинета только какъ президентъ сената,—вотъ всѣ отношенія, какія я имѣлъ съ генераломъ Трошю. До тѣхъ поръ я видѣлъ его всего два раза. Одинъ разъ онъ обратился ко мнѣ по поводу дѣла о желѣзной дорогѣ въ Бретани, а въ другой я видѣлъ его когда онъ работалъ надъ проэктомъ военныхъ законовъ, это было въ Фонтенбло или въ Компьенѣ.

На новый вопросъ Лашо.

Генералъ Трошю не говорилъ при мнѣ „католикъ, Бретонецъ и солдатъ“. Я услышалъ объ этомъ позднѣе. Такъ какъ въ то время я былъ президентомъ сената, то я зналъ происходившее внѣ сената только по общественной молвѣ.

Я долженъ сказать, что впослѣдствіи, когда я вновь увидалъ ея величество императрицу уже въ изгнаніи, я настойчиво распрашивалъ ее о роли какую игралъ генералъ Трошю

въ день 4 сентября. Ея Величество отвѣчала мнѣ: „я вполнѣ полагалась на него, потому что за нѣсколько дней до того онъ произнесъ передо мною довольно длинную рѣчь, въ которой говорилъ: „если полиція Вашего Величества хорошо организована, вы должны знать что я имѣю отношенія съ оппозиціею, — моя обязанность знать всѣ мнѣнія, но преданность моя принадлежитъ вамъ, вы можете разсчитывать на меня—я солдатъ, католикъ и Бретонецъ.“

Лашо. Г. Руэръ былъ членомъ комитета національной обороны?

Руэръ. Нѣтъ, я не былъ членомъ комитета. Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ генерала Трошю и былъ сформированъ министерствомъ Олливье. Образованіе этого комитета вызвало пренія въ совѣтѣ и дѣло затянулось на два или три дня, а въ этотъ промежутокъ генералъ Трошю былъ назначенъ губернаторомъ Парижа. Маршалъ Вальянъ былъ членомъ комитета и предложилъ президентство генералу Трошю, тотъ отказался, но послѣ обмѣна вѣжливостей онъ былъ назначенъ президентомъ комитета національной обороны.

Какъ президенту сената мнѣ было предложено указать членовъ его, которые должны были участвовать въ комитетѣ. Я указалъ на Шасслу-Лоба и Бегика, совѣтъ выбралъ послѣдняго. Нѣсколько дней спустя я спросилъ у Бегика, что происходило въ комитетѣ и припоминаю что Бегикъ сказалъ мнѣ: „Я былъ свидѣтелемъ тяжелой сцены. Комитетъ засѣдалъ подъ президентствомъ генерала Трошю, когда генералъ Бильо вскричалъ, скрестивъ руки на груди: „что мы здѣсь такое? Комитетъ обороны или комитетъ разложенія?“ При этомъ произошелъ размѣнъ горячихъ объясненій.

Шнейдеръ. Если г. президентъ желаетъ чтобы я сообщилъ здѣсь о томъ, что происходило въ совѣтѣ, то я разскажу, хотя все-таки при этомъ испытываю нѣкоторую неловкость. Но я могу говорить о разговорѣ, который былъ у меня съ генераломъ Трошю.

Мѣсто военнаго министра было занято „временно“. 35 или 40 изъ моихъ товарищей просили меня ходатайствовать о назначеніи новаго постояннаго военнаго министра; эти гос-

чание

пода указывали на генерала Трошю, а вслѣдъ за нимъ на генерала Паликао. Я не далъ положительнаго отвѣта на этотъ запросъ. Зная намѣреніе императрицы, я поѣхалъ къ генералу Трошю, съ которымъ до тѣхъ поръ не былъ знакомъ.

Я просилъ генерала обратить вниманіе на общую мысль страны и палатъ, которая указывала на него какъ на военнаго министра. Генералъ Трошю выразилъ нежеланіе принять на себя эту обязанность. Я настаивалъ говоря, что при подобномъ положеніи дѣлъ никто не долженъ отклонять отъ себя обязанность, исполняя которую онъ можетъ принести пользу. Онъ далъ мнѣ обширный и мотивированный отвѣтъ. Онъ имѣлъ серьезныя причины для отказа. Онъ высказалъ важныя соображенія относительно организаціи войны, а также и о своемъ личномъ положеніи, говоря, что если онъ явится въ законодательный корпусъ, то долженъ будетъ прежде всего, въ длинной рѣчи развить все то, что онъ мнѣ только что сказалъ. Я отвѣчалъ ему, что это было бы формальнымъ обвинительнымъ актомъ противъ правительства, котораго онъ дѣлался министромъ, повело бы къ разъединенію и наконецъ совершенно лишено благоразумія. Было рѣшено, что онъ формально откажется отъ министерства. Я возвратился въ свой кабинетъ, гдѣ 50 или 60 человѣкъ ожидали результатовъ моего свиданія съ генераломъ. Я сказалъ, что Трошю отказался отъ министерства, но не передавалъ имъ подробностей. На это сдѣлали замѣчаніе, что въ виду того, что въ то время считали извѣстнымъ, оппозиція эта не должна быть до такой степени рѣшительна, и я поѣхалъ отдать императрицѣ отчетъ о настоятельномъ желаніи палатъ, а также о необходимости извлечь пользу изъ популярности и военнаго таланта генерала Трошю, не скрывая отъ нея впрочемъ своего разговора съ нимъ. Я думалъ что императрица могла быть счастливѣе, или покрайней мѣрѣ могла достовѣрно узнать убѣжденія генерала Трошю. Императрица приказала пригласить генерала къ себѣ, но онъ отвѣчалъ тогда, что не поѣдетъ въ Тюильери, чтобы не быть поставленнымъ въ необходимость отказать въ чемъ-либо женщинѣ.

На слѣдующій день вопросъ былъ поставленъ въ совѣтѣ и я резюмировалъ все происшедшее.

На моей обязанности лежала забота о безопасности законодательнаго корпуса. За нѣсколько дней я заявилъ въ совѣтѣ опасеніе, что онъ будетъ захваченъ. По уставу я долженъ былъ сноситься съ военнымъ министромъ, а не съ губернаторомъ Парижа. Я предупредилъ министра, который успоилъ меня совершенно удовлетворительнымъ образомъ, я думалъ также что приличіе требовало, чтобы 3 сентября я далъ знать губернатору о своемъ безпокойствѣ. Кажется главный секретарь г. Валеттъ видѣлся не съ генераломъ Трошю, а съ генераломъ Шмицемъ.

На слѣдующій день г. Валеттъ возобновилъ свое извѣщеніе, но въ половинѣ одиннадцатаго войска все еще не приходили. Я приказалъ собрать сторожей. Бретонъ поѣхалъ къ военному министру, а Гебертъ къ генералу Трошю.

Нѣсколько времени тому назадъ мы также безпокоились и маршалъ Бараге д'Ильеръ сносился тогда непосредственно со мной. Я хотѣлъ установить такія же отношенія и съ генераломъ Трошю и потому я посылалъ прямо къ нему, но однако въ теченіи утра и дня я не видалъ никого, кто бы явился ко мнѣ съ отвѣтомъ на мое посланіе. Я не знаю кто приказалъ явиться войскамъ, потому что они наконецъ пришли.

Я утверждаю что генералъ не дѣлалъ никакого сообщенія президенту законодательнаго корпуса.

Въ законодательномъ корпусѣ было очень мало войска и притомъ послѣ захвата было уже поздно защищаться, по моему слѣдовало поставить въ оборонительное положеніе мосты. Я сдѣлалъ кое что вовсе не отвѣчающее моимъ обыкновеннымъ занятіямъ и прошу въ томъ извиненія у военной власти. Правда что внутри, когда я потребовалъ туда войско, невозможно уже было дѣйствовать.

Въ своихъ отношеніяхъ къ генералу Трошю президентъ законодательнаго корпуса доходилъ до крайнихъ границъ уваженія и вѣжливости. Онъ далъ ему два постоянныхъ билета для посѣщенія законодательнаго корпуса, (это былъ единственный примѣръ), для членовъ его семейства. Съ начала

засѣданія 4 сентября и до самаго конца одинъ изъ представителей генерала Трошю находился въ этой ложѣ.

Піетри, членъ генеральнаго корсиканскаго совѣта. Я былъ префектомъ полиціи во время происшествій 4 сентября. Я зналъ что губернаторъ Парижа принималъ у себя членовъ радикальной оппозиціи палаты депутатовъ. Мѣры принятыя маршаломъ Бараге д'Ильеръ были совершенно отличны отъ поведенія Трошю. 9 августа при созваніи законодательнаго корпуса радикальная оппозиція хотѣла было нанести рѣшительный ударъ. Хотя тогда и были приняты предосторожности, но палатамъ угрожала сильная опасность. Маршалъ нашелъ тогда необходимымъ явиться самъ, лично, къ дверямъ законодательнаго корпуса. Онъ принялъ рѣшительную позицію и въ виду этой твердой воли оппозиція оставила всякую мысль завладѣть законодательнымъ корпусомъ въ тотъ день.

Лашо. Какимъ образомъ проведенъ былъ день 3 сентября въ домѣ парижскаго губернатора?

Піетри. Вотъ факты, переданные мнѣ моими агентами:

3 сентября, послѣ новостей изъ Седана, низшій классъ парижскаго населенія испыталъ какъ бы нѣкоторое потрясеніе, повсюду замѣчалось большое волненіе. Возвратившись вечеромъ изъ Тюильери я принялъ самыя строгія мѣры для возстановленія порядка. На бульварѣ Bonne Nouvelle 300 или 400 человѣкъ хотѣли аттаковать полицейскій постъ; тамъ было 5 или 6 полицейскихъ, но они показали такую энергію, что заставили наступающихъ обратиться въ бѣгство и арестовали двухъ изъ главныхъ зачинщиковъ. Ниже, на бульварѣ Монмартръ, возмущеніе было значительнѣе. Тамъ собралось 3 или 4000 мятежниковъ; полицейскіе принуждены были вступить въ схватку и наконецъ скопище было разсѣяно. Одинъ изъ мобилей Сентъ-Морскаго лагеря былъ раненъ въ ухо. Толпа требовала его трупъ, его взяли и понесли въ домъ парижскаго губернатора въ Луврскій паркъ. По прибытіи туда избранная депутація взошла къ губернатору.

Депутація эта громко говорила противъ полиціи, она обвиняла послѣднюю въ грубости и насиліи, въ томъ что полиція самовольно убиваетъ народъ. Генералъ Трошю отвѣчалъ

имъ тогда: „насиліе не повторится болѣе; кромѣ того, народъ будетъ вооруженъ и самъ будетъ отправлять обязанности полиціи". Тогда толпа удалилась съ криками: „Да здравствуетъ губернаторъ!" На вопросъ *Матье* свидѣтель заявилъ, что онъ не знаетъ, что могъ сказать генералъ когда толпа кричала въ его дворѣ: „Республика! низложеніе! низложеніе!."

4-го сентября. продолжалъ свидѣтель, въ виду ясно выразившихся проектовъ революціонеровъ я долженъ былъ принять энергическія мѣры.

800 полицейскихъ подъ командою офицеровъ были отряжены къ законодательному корпусу, главному пункту, на который были направлены усилія бунтовщиковъ. Я сдѣлалъ воззваніе къ ихъ долгу, они обѣщали исполнить его и я счастливъ что могу сказать, что они сдержали свое слово—ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ. Со всѣхъ сторонъ, отъ Бельвиля, отъ Шаронны стекалась на площади Согласія необъятная, спокойная толпа, каждое отдѣленіе которой имѣло своего предводителя. Когда толпа сдѣлалась достаточно многочисленна, тогда сдѣлана была попытка приблизиться къ законодательному корпусу.

Полиція оказала энергическое сопротивленіе. Оппозиціонные члены съ крыльца зданія давали толпѣ знаки приблизиться, но полицейскіе все-таки удерживали ее. Тогда раздался съ трибуны голосъ, объявившій преступленіемъ присутствіе полиціи вокругъ, законодательнаго корпуса. Къ квесторамъ Собранія обратились съ требованіемъ, чтобы охраненіе палатъ было ввѣрено одной лишь національной гвардіи. Квесторы потребовали къ себѣ главнаго полицейскаго комиссара. Онъ отвѣчавъ, что полицейскія распоряженія на улицѣ не касаются до квестуры. Тогда затрудненіе обошли—адресовались къ командующему генералу. Онъ призвалъ полицейскихъ комиссаровъ и приказалъ имъ идти по домамъ. Въ то время Парижъ находился въ осадномъ положеніи; вся власть сосредоточена была въ военныхъ рукахъ. Полицейскіе были глубоко возмущены, но имъ сказали чтобы они не разговаривали, а повиновались. Полиція была такимъ образомъ

удалена и послѣ подобія защиты представленнаго національной гвардіей, законодательный корпусъ былъ захваченъ. Я знаю всѣ эти факты отъ полицейскаго комиссара, который командовалъ въ то время. Онъ увѣрялъ меня, что если бы 800 полицейскихъ оставались на своихъ мѣстахъ, законодательный корпусъ остался бы неприкосновеннымъ.

Когда онъ отдалъ мнѣ отчетъ о совершившемся, у меня начали спрашивать, что дѣлать теперь. Я отвѣчалъ, что мы должны защищать префектуру полиціи, но спустя десять минутъ ко мнѣ пріѣхалъ одинъ изъ камергеровъ императрицы съ требованіемъ немедленно прибыть въ Тюильери. Я отправился и мы едва могли съ большимъ трудомъ пробраться туда.

Уже дѣлались попытки разломать рѣшетку. Толпа приняла угрожающій видъ; дверь императорскаго подъѣзда была заперта и загорожена. Наконецъ я могъ взойти, какъ—я самъ не знаю. Я взошелъ къ императрицѣ; вокругъ нея собрались министръ внутреннихъ дѣлъ, Меттерних, Нигра. У меня спрашивали находится ли ея величество въ безопасности оставаясь въ Тюильери. Я отвѣчалъ, что черезъ нѣсколько минутъ дворецъ будетъ захваченъ и тогда то императрица рѣшилась покинуть его.

На вопросъ *Аллу* свидѣтель прибавляетъ: войсками вокругъ законодательнаго корпуса командовалъ кажется генералъ Коссадъ.

Графъ де Коссе-Бриссакъ. (На вопросъ Лашо). Я припоминаю одинъ разговоръ съ генераломъ Трошю, глубоко взволновавшій меня. Это было 7 августа, послѣ совѣта. Адмиралъ Жюрьенъ де Лагравьеръ спросилъ генерала Трошю: „Думаете вы, что мы можемъ еще спасти Францію?“ Трошю отвѣчалъ, что онъ предсказалъ всѣ эти несчастія, и началъ длинное политическое разсужденіе. Адмиралъ прервалъ его: „Я говорю не съ политическимъ дѣятелемъ, я обращаюсь къ солдату; думаете вы, что еще можно спасти Францію“?

Генералъ отвѣчалъ ему: „При такихъ важныхъ обстоятельствахъ нельзя отдѣлять военное дѣло отъ политики, я хотѣлъ оградить себя передъ потомствомъ. Передо мной возникаетъ воспоминаніе о генералѣ Дюпонѣ и я внесъ все, что я пред-

видѣлъ въ свое завѣщаніе, хранящееся у г. Дюклу. Я говорю не о себѣ; у меня 100 франковъ ренты и одиннадцать человѣкъ дѣтей.“ Свидѣтелями этого разговора были князь Понятовскій и адъютантъ императора морской лейтенантъ Конно.

Затѣмъ Маркизъ д' Анделяръ, Витри, Гиллюте, Камиллъ Дусе и Теодоръ де Гравъ показали: д'Анделяръ о сношеніяхъ Трошю съ членами оппозиціи до 4 сентября, а остальные о своихъ разговорахъ съ Тьеромъ, который говорилъ имъ, что въ октябрѣ 1870 г., до капитуляціи Парижа, возможно было заключить миръ съ Пруссіей на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ чѣмъ впослѣдствіи. Бисмаркъ требовалъ тогда только два милліарда и полосу земли въ Альзасѣ, угрожая отягощеніемъ условій послѣ того, какъ Парижъ сдастся, но тогдашнее правительство не согласилось на такой мирный договоръ.

Послѣ этого засѣданіе было закрыто въ $3^1/_2$ часа дня.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

КУЯЛЬНИЦКО-ХАДЖИБЕЙСКІЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Одессы лежатъ два большихъ лимана, Куяльницкій и Хаджибейскій. Лиманы эти—заливы чернаго моря, внезапамятныя времена мало по малу отдѣленные отъ него земляною насыпью, шириною въ нѣсколько верстъ. Оба представляютъ огромные резервуары соленой воды, которая, при благопріятныхъ атмосферическихъ обстоятельствахъ, сама собою кристализуется въ поваренную соль хорошаго качества.

Крымская война, лишившая насъ Бессарабскихъ соляныхъ источниковъ и временно прекратившая подвозъ соли изъ Крыма, побудила правительство обратить серьозное вниманіе на оба названные лиманы. Родилась и созрѣла мысль устроить и упрочить на нихъ постоянную добычу соли. Для этой цѣли надо было замѣнить естественную садку соли — неправильную и непостоянную — искуственною, посредствомъ басейновъ, а для этого требовалось исполненіе на лиманахъ цѣлой системы гидротехническихъ работъ и сооруженій.

Послѣ долгихъ попытокъ, цѣль эта наконецъ достигнута. Теперь исполняются на лиманахъ зрѣло обдуманныя, дорогостоющія работы, которыя должны обезпечить ежегодную добычу на этомъ промыслѣ не менѣе 3 милл. пудовъ поваренной соли, и притомъ на всегдашнія времена. Дѣло находится въ рукахъ акціонерной компаніи, съ знающими людьми во главѣ и съ обезпеченными денежными средствами.

Такое прочное и солидное положеніе получило это важное для Одессы и для всего юго-западнаго края, дѣло только съ

нынѣшняго лѣта. До тѣхъ же поръ, оно находилось въ колеблющемся, сомнительномъ состояніи, которое отпугивало частную предпріимчивость и капиталы,—главнымъ образомъ вслѣдствіе затрудненій юридическаго свойства. Нѣсколько разъ похоже было на то, что все дѣло, благодаря этимъ затрудненіямъ, пойдетъ ко дну; оно стало на ноги лишь съ тѣхъ поръ, какъ юридическія препятствія были окончательно устранены.

Главный и по времени первый узелъ юридическихъ затрудненій, путавшихъ дѣло, заключалось въ неопредѣленности правъ собственности и владѣнія лиманами. Когда же этотъ узелъ былъ наконецъ распутанъ, представился еще болѣе сложный вопросъ: какъ согласовать разрозненные, противуположные интересы и права, сходившіеся и расходившіеся въ этомъ дѣлѣ, въ одно стройное цѣлое, не отступая отъ дѣйствующаго русскаго законодательства? И въ томъ и другомъ отношеніи обнаружилось въ сотый разъ, какъ шатки, сбивчивы и неясны наши юридическія понятія и какъ мало редакція первой части десятаго тома Свода Законовъ удовлетворяетъ потребностямъ развивающейся у насъ гражданственности, какъ она не отвѣчаетъ современнымъ нашимъ, все болѣе и болѣе сложнымъ и тонкимъ формамъ гражданскихъ оборотовъ.

Дѣло объ устройствѣ Куяльницко-Хаджибейскаго соляного промысла производилось въ министерствѣ финансовъ по департаменту неокладныхъ сборовъ. Въ томъ, что касалось юридической его стороны, я былъ дѣлопроизводителемъ и докладчикомъ. Такъ какъ юридическіе вопросы, возбужденные этимъ дѣломъ, чрезвычайно интересны и поучительны, то я рѣшаюсь сообщить ихъ читателямъ.

I.

Въ 1858 году, оба Одесскіе лиманы отданы правительствомъ въ содержаніе дѣйств. ст. совѣт. Новосельскому. Что они казенные,—въ этомъ тогда никто несомнѣвался, никто противъ распоряженія ими казною и не думалъ возражать. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока г. Новосельскій обратилъ одинъ изъ лимановъ, именно Куяльницкій, при помощи плотины и бассейновъ, въ постоянный солеродный источникъ. Тогда береговые владѣльцы принялись разсматривать свои владѣнные и межевые документы, чтобъ розыскать, не имѣютъ ли и они какихъ-нибудь правъ на созданную вновь цѣнность, приносящую доходъ—

и нашли ихъ. Послѣ того какъ лиманы поступили снова отъ г. Новосельскаго въ распоряженіе казны и соляной промыселъ былъ отданъ, по частямъ, въ кратко-срочное содержаніе разнымъ лицамъ, нѣкоторые изъ прибрежныхъ владѣльцевъ Куяльницкаго лимана принесли въ первый департаментъ прав. сената жалобы на распоряженія министерства финансовъ, которое будто-бы самопроизвольно распорядилось ихъ собственностью. Въ доказательство, они представили свои владѣнные и межевые документы, изъ которыхъ оказалось, что просители по документамъ дѣйствительно имѣютъ вотчинныя права не только на береговую землю, прилежащую къ Куяльницкому и Хаджибейскому лиманамъ, но и на части самихъ лимановъ.

Почему же и съ какого времени лиманы считались казенною собственностью? На какомъ основаніи Куяльницкій лиманъ попалъ, въ дѣйствующемъ соляномъ уставѣ, въ число казенныхъ соляныхъ источниковъ, на которомъ дозволено добывать самосадочную соль каждому желающему, только съ уплатою акциза (ст. 290)? Чтобъ разъяснить это, министерству финансовъ пришлось, въ свою очередь, перерыть свой архивъ и поднять давно забытыя старыя дѣла.

Береговые владѣльцы считали свои права нарушенными со времени отдачи лимановъ въ содержаніе г. Новосельскаго, слѣд. съ 1858 года. До того времени они, по ихъ словамъ, спокойно и безпрерывно владѣли своею собственностью. Чтобъ не пропустить срока 10-ти лѣтней давности, одинъ изъ самыхъ значительныхъ прибрежныхъ владѣльцевъ лимановъ, городъ Одесса, предъявилъ къ казнѣ искъ въ одесскомъ окружномъ судѣ.

Аргументація повѣреннаго города заключалась, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ:

Части лимановъ, которыя городъ отыскиваетъ изъ казеннаго владѣнія, составляютъ, по межевымъ актамъ, принадлежность земли, купленной Одессою въ 1802 году у частнаго лица; въ іюнѣ мѣсяцѣ 1827 года, на эту землю выдана городу данная; въ 1809 году, происходило генеральное межеваніе и въ ноябрѣ 1827 года выданы на ту землю межевые документы, изъ которыхъ видно, что Одессѣ принадлежатъ и прилегающія къ купленной землѣ части лимановъ Куяльницкаго и Хаджибейскаго. Всѣ эти акты никогда и никѣмъ не были оспариваемы. Уставами о соли 1781 и 1818 годовъ, манифестомъ 5 ноября 1811 года и дѣйствующимъ соляным уставомъ, частнымъ владѣль-

цамъ предоставлено право добывать соль изъ источниковъ, которые находятся въ ихъ земляхъ. Высочайше утвержденнымъ 22 дек. 1828 года мнѣніемъ государств. совѣта (п. 4) предоставлены въ Новороссійскомъ краѣ въ полную собственность частныхъ владѣльцевъ солончаки, озера, и засухи лежащіе въ ихъ крѣпостныхъ земляхъ, законно-пріобрѣтенныхъ по наслѣдству, по отдачѣ отъ правительства или по покупкѣ. Правда, высоч. утвержденнымъ 10 іюля 1823 года положеніемъ Комитета министровъ предоставлено заниматься разработкою соли на своихъ земляхъ только тѣмъ новороссійскимъ помѣщикамъ, которые добывали на нихъ соль до Высоч. утв. 11 ноября 1822 года положенія Комит. Министровъ; но такое ограниченіе вызвано было тѣмъ, что въ то время возбужденъ былъ общій вопросъ о правахъ новороссійскихъ помѣщиковъ на соляные источники, находящіеся въ ихъ земляхъ—вопросъ, рѣшенный въ ихъ пользу 22 декабря 1828 года. Правда и то, что когда въ 1824 году, слѣд. еще до окончательнаго рѣшенія вопроса о правахъ новороссійскихъ помѣщиковъ на соляные источники, впервые сѣла соль-самосадка на Куяльницкомъ лиманѣ, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ разрѣшено было добывать эту соль «*всѣмъ желающимъ*», со взносомъ 60 коп. съ пуда; эта мѣра, при повторившихся въ 1826 и 1827 годахъ садкахъ соли на томъ же лиманѣ, возобновлялась, и наконецъ правила о добычѣ и продажѣ той соли каждымъ желающимъ, о сборѣ за нее акциза и о контролѣ того сбора изложены въ Высоч. утвержденномъ 3 апрѣля 1828 года положеніи Комитета Министровъ, вошедшемъ и въ дѣйствующій теперь уставъ о соли; но въ 1824 году, мѣстный генералъ-губернаторъ разрѣшилъ добывать соль на Куяльницкомъ лиманѣ всѣмъ желающимъ «по соглашенію съ владѣльцами»; правило же 1824 и послѣдующихъ годовъ и положеніе Комитета Министровъ 3 апрѣля 1728 года имѣли въ виду исключительно финансовую цѣль—взиманіе акциза и нисколько не касались вопроса о правѣ собственности на лиманы; а 22 декабря 1828 года, вопросъ о правахъ на лиманы въ общемъ видѣ окончательно рѣшенъ въ пользу города и съ тѣхъ поръ послѣдній спокойно и безспорно владѣлъ и распоряжался своею собственностью до 1858 года, когда лиманы были отданы въ содержаніе г. Новосельскому. Право, предоставленное ему, выражено не довольно точно; но въ виду закона 22 декабря 1828 года, оно могло

относиться только къ тѣмъ частямъ лимановъ, которыя составляютъ собственность казны, а отнюдь не ко всему ихъ пространству. Что таковъ смыслъ и статьи 290 устава о соли, что также точно понимало дѣло и само министерство финансовъ, видно изъ того, что одна изъ береговыхъ владѣлицъ Кульницкаго лимана, г-жа Дембровская, въ 1829 г., предъявила свои права на добычу соли въ части лимана, прилежащей къ ея землѣ и ей это, по представленію министра финансовъ, Высочайше утвержденнымъ 10 іюня 1829 года мнѣніемъ госуд. совѣта разрѣшено, со взиманіемъ акциза, въ размѣрѣ назначенномъ съ соли, добываемой не на казенныхъ соляныхъ источникахъ (по 60 коп. съ пуда), а на частныхъ (по 70 коп. съ пуда).

Защитникъ правъ казны, присяжный повѣренный Я. И. Вейнбергъ, въ отвѣтѣ на исковую просьбу, опровергъ шагъ за шагомъ изложенную аргументацію такими доводами:

Вопросъ о правѣ частныхъ лицъ владѣть въ Новороссійскомъ краѣ соляными источниками на правахъ собственности былъ издавна предметомъ спорнымъ, который требовалъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. 11 ноября 1822 года, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ вопросъ этотъ поднятъ; постановлено: всѣ соляные источники, бывшіе до тѣхъ поръ въ распоряженіи казны, оставить въ казенномъ вѣдомствѣ, а объ источникахъ, не бывшихъ до тѣхъ поръ въ казенномъ вѣдомствѣ, предоставлено прав. сенату сдѣлать разсмотрѣніе и постановленіе. Въ слѣдующемъ году, новымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 10 іюля 1823 года признано, что новороссійскіе помѣщики, которые прежде «занимались разработкою соли на земляхъ имъ принадлежащихъ должны пользоваться этимъ правомъ неотъемлемо, доколѣ не получитъ окончательнаго рѣшенія предоставленный разсмотрѣнію прав. сената общій вопросъ о правахъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ». По этому, этимъ владѣльцамъ позволено и въ 1823 году продолжать добываніе соли; если же въ теченіи года общій вопросъ о правахъ ихъ рѣшенъ не будетъ, то «о возобновленіи дозволенія добывать помѣщикамъ соль и на будущій годъ войти министру финансовъ благовременно съ новымъ представленіемъ.» Въ тоже время акцизъ съ соли, добываемой частными лицами на своихъ земляхъ, возвышенъ на 10 коп. съ пуда.

Разрѣшеніемъ, даннымъ частнымъ новороссійскимъ владѣль-

цамъ разработывать соль въ своихъ владѣніяхъ г. Одесса вовсе не могъ пользоваться, потому что на Куяльницкомъ лиманѣ самосадка появилась впервые лишь въ 1824 году, т.-е. послѣ того, какъ новороссійскимъ помѣщикамъ запрещено было, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о правахъ ихъ на соляные источники, разработывать соль въ своихъ владѣніяхъ; слѣдовательно, добыча соли на Куяльницкомъ лиманѣ кѣмъ бы то ни было, кромѣ казны, была въ 1824 году противузаконна. Но какъ соль, несмотря на то, добывалась и берего-владѣльцами и посторонними лицами, то Высоч. утвержденнымъ 28 февраля 1825 г. положеніемъ Комитета Министровъ постановлено: взыскать за добытую на Куяльницкомъ лиманѣ соль акцизъ, въ размѣрѣ назначенномъ съ соли, добываемой на казенныхъ источникахъ (60 к. съ пуда), а виновныхъ въ тайной безакцизной продажѣ добытой на Куяльницкомъ лиманѣ соли (кромѣ крестьянъ) подвергнуть судебному преслѣдованію.

Въ 1826 году, когда соль стала садиться на томъ же лиманѣ вновь, Новороссійскій генералъ-губернаторъ дозволилъ добывать ее «*всѣмъ вообще*», безъ права однако ее продавать, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій правительства. Министръ финансовъ, получивъ объ этомъ увѣдомленіе, отвѣчалъ, что «поелику дано уже разрѣшеніе добывать сѣвшую на лиманѣ Чернаго моря соль, то не остается ничего другаго» какъ предохранить истребленіе добытой соли ненастьемъ, и потому разрѣшилъ добывателямъ продавать ее, съ платою акциза, назначеннаго для казенной соли (60 к. съ пуда); но объ этихъ распоряженіяхъ, выходившихъ изъ установленнаго для эксплуатаціи казенныхъ источниковъ порядка, министръ финансовъ представилъ на утвержденіе Комитета Министровъ. Въ виду такихъ данныхъ, разрѣшеніе генералъ-губернатора добывать на Куяльницкомъ лиманѣ соль съ согласія владѣльцевъ было недоразумѣніемъ, которое ограничилось однимъ 1824 годомъ и въ 1826 и 1827 годахъ болѣе не повторялось.

Въ 1828 году 22 декабря, состоялось Высоч. утвержденное мнѣніе госуд. совѣта, которымъ дѣйствительно признаны за новороссійскими помѣщиками права собственности на озера, солончаки и засухи, лежащія въ ихъ крѣпостныхъ земляхъ. Но могъ ли городъ Одесса, въ силу этого общаго закона, считаться владѣльцемъ лимана? Нѣтъ, потому что лиманъ находился во владѣніи казны, которая распоряжалась имъ на правахъ соб-

ственности. Чтобъ стать владѣльцемъ лимана, городу слѣдовало, на основаніи общаго закона, которымъ онъ пріобрѣлъ право собственности на тотъ лиманъ, требовать передачи ему послѣдняго изъ казеннаго владѣнія, или же заявить какимъ-бы то ни было образомъ о вступленіи во владѣніе тѣмъ лиманомъ; но ни того ни другаго городъ не сдѣлалъ. Послѣ 1827 года соль на Куяльницкомъ лиманѣ болѣе не добывалась, до отдачи обоихъ Одесскихъ лимановъ, въ 1858 году, въ содержаніе дѣйств. стат. совѣтника Новосельскаго; слѣд. казна была владѣльцемъ лимановъ почти тридцать лѣтъ.

Обстоятельство, приводимое повѣреннымъ города, именно прошеніе помѣщицы Дембровской и данное ей разрѣшеніе добывать въ Куяльницкомъ лиманѣ соль, съ платою акциза по 70 коп. съ пуда, не только не служитъ къ подкрѣпленію иска города Одессы, а напротивъ, доказываетъ его неправильность. Въ 1829 году, Дембровская предувѣдомила соляное управленіе, что основываясь на Высоч. утвержденномъ мнѣніи государств. совѣта 22 декабря 1828 года, она намѣрена добывать самосадочную соль изъ части Куяльницкаго лимана, смежной съ ея береговыми владѣніями и просила назначить слѣдующій съ нея акцизъ. Министерство финансовъ отвѣчало, что «хотя принадлежность къ дачѣ Дембровской части лимана должна бы быть предварительно доказана въ судебномъ мѣстѣ, по документамъ; но какъ съ 1824 г., когда на Куяльницкомъ лиманѣ начала осаждаться соль, не только тѣмъ помѣщикамъ и крестьянамъ ихъ, коихъ земли окружаютъ оный лиманъ, но и другимъ постороннимъ лицамъ, дозволяемо было добывать соль и обращать оную въ продажу, по взносѣ въ казну напередъ акциза, то воспрещеніе Дембровской въ лѣтѣ сего года добычи на части лимановъ къ дачѣ ея прилегающей было бы несовмѣстно.» По этому и ей разрѣшено добывать соль, а между тѣмъ предоставлено ей, право свое на часть лимана «доказывать въ присутственномъ мѣстѣ, разборъ сего рода дѣлъ завѣдывающемъ» т.-е. именно то, чего городъ Одесса не сдѣлалъ.

Вслѣдствіе просьбы г-жи Дембровской, Высоч. утвержденнымъ 10 іюля 1829 года мнѣніемъ государственнаго совѣта назначенъ на тотъ годъ акцизъ на *частную* соль, добытую въ лиманахъ Чернаго моря, въ 70 коп. съ пуда. Какъ этотъ размѣръ акциза, такъ и выраженія «*частная соль*», «акцизъ съ соли, добытой частными людьми на земляхъ имъ принадлежащихъ»,

встрѣчаемыя въ постановленіяхъ, относящихся къ Одесскимъ лиманамъ, подаютъ повѣренному города поводъ утверждать, что и само правительство считало лиманы частною, а не казенною собственностью. Но и этотъ выводъ совершенно ошибоченъ. Что касается до размѣра акциза, то онъ назначенъ министромъ, вопреки мнѣнію департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, предлагавшаго 60 к. (наравнѣ съ акцизомъ соли, добываемой на казенныхъ источникахъ), на томъ основаніи, что «взиманіе съ оной соли акциза по 60 коп. не вознаграждаетъ расходовъ казны на соляное при лиманѣ управленіе и на другія при томъ неизбѣжныя надобности употребляемыхъ; при томъ лиманская соль противъ крымской будучи ближе къ губерніямъ многолюднымъ, при взиманіи только по 60 коп. съ пуда акциза легко можетъ подрывать продажу крымской соли». Значитъ, съ соли, добываемой на лиманѣ, назначенъ акцизъ не въ 60 коп., а въ 70 коп. съ пуда, не потому, чтобъ правительство относило самый лиманъ къ числу частныхъ источниковъ, а вслѣдствіе соображеній финансовыхъ, неимѣющихъ съ правами собственности на источники ничего общаго; частною названа соль, добываемая на лиманѣ всѣми желающими частными лицами, въ отличіе отъ добываемой по распоряженіямъ казны; наконецъ, рядомъ съ выраженіемъ, которымъ какъ будто признается право собственности г-жи Дембровской на часть Куяльницкаго лимана, встрѣчаются другія, въ которыхъ говорится о «части Куяльницкаго лимана, къ дачѣ ея прилегающей»; и при томъ такія выраженія, при положительномъ требованіи отъ нея доказать свои права собственности на часть лимана, граничащую съ ея береговыми владѣніями, не могутъ имѣть значенія и ничего не доказываютъ.

Впрочемъ до 1858 года, городъ Одесса и самъ не считалъ себя собственникомъ Куяльницкаго лимана. Въ 1853 году, ему представлялся весьма удобный случай заявить на этотъ лиманъ свое право собственности, но онъ имъ не воспользовался. Случай этотъ былъ такого рода: у Правительства возникло предположеніе подчинить Куяльницкій лиманъ бессарабскому соляному правленію, съ цѣлью воспользоваться урожаями на томъ лиманѣ соли. Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, «имѣя въ виду, что Куяльницкій лиманъ находится значительною частью въ предѣлахъ Одесской городской земли, что съ нимъ связаны интересы г. Одессы по устроеннымъ тамъ врачебнымъ купальнямъ, городскимъ и частнымъ (за которыя платятся городу

акцизы), привлекающимъ въ Одессу пріѣзжихъ; что лиманъ сей значительно съ каждымъ годомъ высыхаетъ и уменьшается, а между тѣмъ.... полагается сдѣлать устройство къ совершенному прегражденію притока въ оный дождевыхъ и снѣговыхъ водъ»— спросилъ мнѣніе одесской городской думы, которая, одобривъ предполагаемую мѣру, оговорила доходъ отъ купаленнаго заведенія, отдаваемаго ею въ арендное содержаніе, предложила казнѣ зданія, находящіяся при этомъ заведеніи, за извѣстное вознагражденіе, и ни однимъ словомъ не упомянула о правахъ города на самый лиманъ, ни о вознагражденіи за право добывать изъ него соль, которымъ желала воспользоваться казна. Очевидно, что самъ городъ считалъ Куяльницкій лиманъ собственностью казны.

Повѣренный города утверждаетъ, что право «каждаго желающаго» добывать соль на Куяльницкомъ лиманѣ, предоставленное ст. 290 устава о соли, а равно и отдача г. Новосельскому въ оброчное содержаніе обоихъ Одесскихъ лимановъ, относятся только къ тѣмъ ихъ частямъ, которыя составляютъ собственность казны. Но на чемъ основано такое мнѣніе? Такой оговорки нѣтъ въ Высоч. утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ, которымъ установлено право «всѣхъ желающихъ» добывать соль на Куяльницкомъ лиманѣ; нѣтъ этой оговорки и въ Высоч. утвержденномъ 6 мая 1858 года положеніи Комитета Министровъ, которымъ оба лимана отданы въ содержаніе г. Новосельскаго. Такой оговорки, какъ видно изъ всего сказаннаго, и быть не могло; ибо казна самимъ городомъ признавалась собственникомъ всего лимана до 1858 года, и на самомъ дѣлѣ спокойно имъ владѣла, безъ всякихъ съ чьей бы то ни было стороны возраженій.

Изложенными выше аргументами повѣреннаго города и возраженіями защитника правъ казны вопросъ былъ исчерпанъ. Дальнѣйшій ходъ письменной подготовки служилъ только къ ближайшему разъясненію доводовъ приведенныхъ обѣими сторонами. Повѣренный города, въ возраженіи своемъ, объяснялъ: положеніе комитета министровъ 11 ноября 1822 года не могло, перервать правъ собственности города на лиманы, такъ какъ лишить кого-либо права собственности или ограничить эти права, помимо воли самаго владѣльца, можетъ только или законъ или судебное рѣшеніе; а положеніе комитета министровъ 11 ноября 1822 года не есть ни то, ни другое; оно имѣло совершек-

но частный характеръ, разрѣшало недоразумѣніе министра финансовъ и потому даже не было распубликовано. Сверхъ того, буквальный смыслъ этого положенія доказываетъ, что комитетъ министровъ вовсе не имѣлъ въ виду касаться правъ частныхъ владѣльцевъ; напротивъ, онъ оградилъ частную собственность отъ посягательствъ министерства финансовъ, повелѣвъ оставить за казною только тѣ соляные источники, которые до того уже были въ вѣдомствѣ казны, а возбужденное сомнѣніе въ правахъ частныхъ владѣльцевъ передалъ на разсмотрѣніе правительствующаго сената. Слѣдовательно, въ это время, права частныхъ владѣльцевъ на соляные источники не были ни отмѣнены, ни ограничены. А такъ какъ спорныя части одесскихъ лимановъ, до 11 ноября 1822 года, не были во владѣніи казны, то онѣ и оставались по прежнему за г. Одессою. Что касается до Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 10 іюля 1823 года, то оно только ограничило право частныхъ владѣльцевъ разработывать соль въ своихъ владѣніяхъ, впредь до разрѣшенія общаго вопроса, которое и послѣдовало 22 декабря 1828 года.

Распоряженіе министерства финансовъ относительно соли, сѣвшей на Куяльницкомъ лиманѣ въ 1824, 1826 и 1827 годахъ, имѣло только фискальное значеніе и никакаго другаго. Береговые владѣльцы не могли ею распорядиться потому что имъ это положеніемъ комитета министровъ 10 іюля 1823 года было запрещено; не могла распоряжаться ею и казна, потому что положеніе комитета министровъ 11 ноября 1822 года разрѣшило ей пользоваться солью на источникахъ, бывшихъ до изданія этого положенія въ вѣдомствѣ казны, а Куяльницкій лиманъ не былъ въ казенномъ вѣдомствѣ. Завладѣть лиманомъ казна тоже не могла, потому что, хотя владѣльцамъ и было запрещено разработывать соль на лиманахъ, но право на разработку ихъ никому другому предоставлено не было; слѣдовательно, этого права не существовало, а несуществующимъ правомъ завладѣть нельзя. Итакъ, если казна и могла чѣмъ-нибудь завладѣть въ въ 1824—1827 годахъ, то развѣ только сѣвшею въ тѣ годы солью, а никакъ не правомъ на лиманъ. Этимъ объясняется и настоящій смыслъ Высочайше утвержденнаго 22 декабря 1828 года мнѣнія государственнаго совѣта, которымъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о правахъ частнаго владѣнія соляными источниками въ Новороссіи. Законъ этотъ только снялъ тяготѣв-

шее на частной собственности запрещеніе, послѣ чего право собственности, временно пріостановленное въ 1823 году, снова вступило въ полную свою силу и дѣйствіе. Стало быть, послѣ изданія этого закона, владѣльцамъ не было никакой надобности особо доказывать свои права на солиные источники; объ этомъ въ законѣ ничего и не упоминается, а было бы упомянуто непремѣнно, еслибъ законъ имѣлъ это въ виду, какъ упоминается всегда во всѣхъ общихъ мѣропріятіяхъ. Случай съ помѣщицей Дембровской ничего не доказываетъ, такъ какъ министерство финансовъ дѣйствовало относительно ея не какъ судья или законодатель, а какъ заинтересованная сторона; что г-жа Дембровская потеряла свои права точно также не имѣетъ къ правамъ города Одессы никакого отношенія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что завладѣть правомъ на Одесскіе лиманы казна могла только послѣ изданія закона 22 декабря 1828 года, но такого завладѣнія не было до 6-го мая 1858 года, когда оба Одесскіе лиманы были отданы въ содержаніе Д. С. С. Новосельскому. Въ этотъ промежутокъ времени правительство, напротивъ, признавало спорныя части лимановъ собственностью г. Одессы, а городъ пользовался этимъ своимъ правомъ, сознавалъ его и заявлялъ. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующіе факты: а) когда возникло предположеніе о передачѣ Куяльницкаго лимана въ вѣдѣніе Бессарабскаго солянаго правленія, для учрежденія на томъ лиманѣ казеннаго солянаго промысла, мѣстный генералъ-губернаторъ спрашивалъ мнѣніе городскаго начальства, такъ какъ лиманъ находится значительною частью въ городскихъ владѣніяхъ и на немъ устроены городскія и частныя врачебныя купальни, приносящія городу доходъ. Городъ изъявилъ на такую передачу свое согласіе; б) городскія купальни устроены на лиманѣ еще въ 1833 году; в) съ частныхъ купалень, устроенныхъ на томъ же лиманѣ, взимался особый акцизъ въ пользу города; г) въ 1855 году, нѣкоторыя частныя лица просили объ отдачѣ имъ въ арендное содержаніе между прочимъ и Одесскихъ лимановъ, предлагая въ пользу города по $^1/_2$ коп. съ каждаго пуда добытой соли. Это предложеніе было на обсужденіи Одесской Городской Думы, которая дала по оному свое заключеніе.

Впрочемъ, давность завладѣнія Куяльницкаго лимана казною съ 1824 года защитникомъ правъ казны не доказано даже съ его точки зрѣнія. Распоряженіе по добыванію сѣвшею солью

нельзя считать за овладѣніе самимъ лиманомъ. Казна пользовалась произведеніемъ лимана, распоряжалась этимъ произведеніемъ, но не владѣла лиманомъ какъ своею собственностью; а безъ этого условія, пользованіе не есть владѣніе и не рождаетъ правъ собственности по истеченіи срока давности. Казна ничѣмъ не выразила, что владѣетъ самимъ лиманомъ; съ прекращеніемъ, въ 1827 году, садки соли, казна оставила лиманъ, и по окончаніи распродажи соли даже уничтожила существовавшее на немъ временное соляное управленіе; городъ же, съ 1833 года, строилъ и содержалъ на немъ купальни. Если же добываніе соли выражаетъ владѣніе лиманомъ, то такое владѣніе прекратилось въ 1827 году; давность владѣнія была прервана и право собственника, т. е. города, не потерявшаго давностью своего права добывать соль, оставалось за нимъ, такъ что при новой садкѣ онъ имѣлъ бы полное право добывать ее въ силу своего права собственности.

Наконецъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что въ 1824—1827 годахъ соль добывалась въ частяхъ Куяльницкаго лимана, которыя городъ отыскиваетъ изъ казеннаго владѣнія; на Хаджибейскомъ же лиманѣ соль никогда не добывалась, почему о завладѣніи казною частей Куяльницкаго и Хаджибейскаго лимановъ, принадлежащихъ городу, не можетъ быть и рѣчи.

Защитнику правъ казны принадлежало послѣднее слово и онъ имъ воспользовался, чтобъ разоблачить ошибочность толкованій противника и представить въ настоящемъ свѣтѣ юридическое значеніе фактовъ, на которые ссылались обѣ стороны. Вотъ, въ существенныхъ чертахъ, опроверженіе присяжнаго повѣреннаго Вейнберга:

Повѣренный города считаетъ положенія комитета министровъ 1822 и 1823 годовъ мѣрами административными, ограничившими произволъ министерства финансовъ, и только временно пріостановившими дѣйствіе права собственности новороссійскихъ владѣльцевъ на ихъ соляные источники. Но на чемъ основано такое толкованіе? Оба положенія не пріостановили, а прекратили дѣйствіе этого права, въ виду представшей законодательной мѣры, которая состоялась 22 декабря 1828 года. Послѣдняя опредѣляетъ одни общія начала правъ собственности частныхъ лицъ на соляные источники въ новороссійскомъ краѣ, и опредѣляетъ ихъ по государственнымъ, а не по юридическимъ соображеніямъ. Эта законодательная мѣра отмѣнила многія изъ

существовавшихъ дотолѣ юридическихъ правъ частной собственности, правъ основанныхъ на документахъ (какъ на прим. права собственности государственныхъ крестьянъ, колонистовъ и другихъ лицъ, неимѣвшихъ помѣщичьяго права, которыхъ вотчинныя права на соляные источники непризнаны Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 декабря 1828 года), создала право собственности для тѣхъ владѣльцевъ которые ихъ до того времени могли и не имѣть, словомъ, она поставила новый законодательный принципъ владѣнія въ Новороссіи соляными источниками, который могъ совпадать съ существовавшими до него правами, но могъ и расходиться, какъ съ ними, такъ и съ общимъ въ Имперіи закономъ о правѣ собственности по береговому праву. Правительствующій сенатъ, на который было возложено разсмотрѣть этотъ вопросъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не какъ судебное, а какъ правительственное учрежденіе, выработалъ не судебное юридическое рѣшеніе о правахъ частныхъ владѣльцевъ на основаніи дѣйствующихъ постановленій, а проэктъ новаго закона, который и разсматривался въ этомъ смыслѣ въ Государственномъ Совѣтѣ. Положеніе комитета министровъ 1822 и 1823 годовъ изданы въ виду закона 1828 года; они его подготовили, отмѣнивъ дѣйствіе существовавшихъ до того времени правъ собственности частныхъ владѣльцевъ Новороссіи. Тѣмъ изъ этихъ владѣльцевъ, которые разработывали лежащіе въ ихъ владѣніяхъ соляные источники до 11 ноября 1822 года дозволено было продолжать разработывать ихъ,—конечно по соображеніямъ финансовымъ и экономическимъ, а никакъ не юридическимъ; съ юридической точки зрѣнія, такое дозволеніе не имѣло бы никакого смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могло имѣть, съ юридической точки зрѣнія, дозволеніе или недозволеніе собственнику пользоваться и распоряжаться принадлежащимъ ему имуществомъ? То, что такія дозволенія и запрещенія находятся въ Высочайше утвержденныхъ положеніяхъ ком. мин. и доказываютъ что право собственности на частные соляные источники было тогда отмѣнено, а не временно пріостановлено. Вотъ почему, когда законъ 22 декабря 1828 года былъ изданъ, для частныхъ владѣльцевъ Новороссіи, подходившихъ подъ его условія, было создано новое право, а не возстановлено или подтверждено прежнее. Положенія комитета министровъ 1822 и 1823 гг. можно было бы объяснять въ смыслѣ временнаго ограниченія вла-

дѣльческихъ правъ въ такомъ только случаѣ, еслибъ за ними послѣдовала повѣрка этихъ правъ на основаніи дѣйствующихъ постановленій; тогда Высочайше утвержденное 22 декабря 1828 года мнѣніе Государственнаго совѣта было бы подтвержденіемъ правъ; но такъ какъ такого разбора и повѣрки частныхъ правъ не было, а созданъ новый законъ, то связи преемства новыхъ правъ съ старыми не было и быть не могло, и положенія комитета министровъ 1822 и 1823 годовъ не ограничили, не пріостановили на время, а отмѣнили бывшія до нихъ права частныхъ владѣльцевъ Новороссіи на соляные источники, слѣдовательно были актами законодательными, а не административными.

А если права частныхъ владѣльцевъ Новороссіи на соляные источники были отмѣнены положеніями комитета министровъ 1822 и 1823 годовъ, то предоставленіе ихъ городу Одессѣ и другимъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія 22 декабря 1828 года требовало предъявленія ихъ, установленнымъ порядкомъ, для возвращенія соляныхъ источниковъ изъ казеннаго владѣнія, въ которое они поступили по отмѣнѣ частнаго на нихъ права. Таковъ смыслъ отвѣта, даннаго министерствомъ финансовъ г-жѣ Дембровской, и онъ вполнѣ объясняется и оправдывается тѣмъ, что между законодательнымъ актомъ и примѣненіемъ содержащихся въ немъ общихъ правилъ къ тому или другому частному случаю—большая разница. Изъ того, что Новороссійскимъ владѣльцамъ даровано, въ 1828 году, право собственности на соляные источники, находящіеся въ ихъ земляхъ, пріобрѣтенныхъ покупкою, пожалованіемъ или по наслѣдству, не слѣдовало само собою, что г. Одесса имѣетъ право на части Одесскихъ лимановъ; это право могло быть утверждено за городомъ лишь по разсмотрѣніи, подходятъ ли права его подъ условія, требуемыя закономъ 1828 года, точно также какъ имущество, которое по смерти владѣльца, по общему закону, переходитъ въ собственность его наслѣдниковъ, утверждается за ними лишь по разсмотрѣніи ихъ правъ.

Впрочемъ, въ примѣненіи къ Куяльницкому лиману, значеніе и сила положеній комитета министровъ 1822 и 1823 годовъ не имѣютъ важнаго значенія, потому что права казны на этотъ лиманъ опредѣляются давностью ея владѣнія.

Повѣренный города говоритъ, что послѣ 11 ноября 1822 года ни городъ, ни казна не имѣли права на Куяльницкій лиманъ.

Однако кто-нибудь да имѣлъ на него права? Пока законъ 22 декабря 1828 года не предоставилъ это право городу, оно принадлежало казнѣ, которая имъ и воспользовалась въ 1824—1827 годахъ, во время самосадки, но не сама, а предоставя добычу соли всѣмъ желающимъ. Что казна будто бы завладѣла урожаями соли, а не правомъ на лиманъ—возраженіе не серьозное. Завладѣть правомъ нельзя, а матеріальное владѣніе солянымъ источникомъ и не можетъ выражаться иначе, какъ добываніемъ на немъ соли, или пожалуй сооруженіемъ плотинъ, бассейновъ и тому подобныхъ устройствъ, необходимыхъ для разработки соляного источника; иначе и о владѣльцѣ, снявшемъ урожай на своемъ полѣ, о хозяинѣ получившемъ доходы съ своего дома тоже можно сказать, что они не владѣли ни полемъ, ни домомъ, а только снятыми урожаями и полученными доходами.

Напрасно повѣренный города старается доказать, будто казна не владѣла, а пользовалась Куяльницкимъ лиманомъ; будто съ прекращеніемъ садки соли въ 1827 году, казна оставила лиманъ, а городъ владѣлъ имъ съ 1833 года, построивъ купальни; будто прекращеніе садки соли перервало давность, вслѣдствіе чего право добывать соль, не потерянное давностью, будто бы само собою возстановилось для города. Пользованіе есть обыкновенно принадлежность самостоятельнаго владѣнія и потому оба часто смѣшиваются и употребляются безразлично. (См. св. зак. гражд. т. X, ч. 1, ст. 962, 517, 520, 521г 535, 1011 и др.). Самостоятельнаго пользованія, которое не зависѣло бы ни отъ права собственности, ни отъ владѣнія, нельзя себѣ и представить. Пользованіе, утвержденное на общемъ законѣ, признаетъ свою зависимость отъ высшаго права—права собственности; когда же кто пользуется вещью, не отдавая никому отчета въ основаніи своего пользованія и не имѣя никакого такого основанія, то значитъ, онъ владѣетъ вещью: пользованіе составляетъ въ этомъ случаѣ нераздѣльную принадлежность владѣнія. Таково было пользованіе казны Куяльницкимъ лиманомъ; она владѣла имъ, и это владѣніе лиманомъ, какъ собственностью, не могло само собою прекратиться вмѣстѣ съ прекращеніемъ на лиманѣ садки соли. Разъ начавшись, оно могло, по здравымъ началамъ ученія о владѣніи, прекратиться, или тѣмъ, что другой кто-либо завладѣлъ тѣмъ лиманомъ, или нежеланіемъ самаго владѣльца, казны, продолжать владѣть имъ. Если казна, хотя однажды, возымѣла желаніе владѣть лиманомъ какъ

своею собственностью и выразила это желаніе въ матеріальномъ фактѣ, то владѣніе ея должно быть признано продолжающимся, пока, какъ сказано, или другой не овладѣлъ лиманомъ, или казна сама не захотѣла болѣе владѣть имъ. Ежеминутное фактическое обладаніе вещью, ежеминутное сознаніе такого обладанія, невозможно и немыслимо, да оно и не требуется для продолженія владѣнія, которое всегда предполагается, пока противное не будетъ доказано. По этому-то, на владѣльцѣ лежитъ только обязанность доказать, что онъ когда нибудь овладѣлъ вещью, а на истцѣ,—что это владѣніе было перервано; доказывать продолженіе владѣнія владѣлецъ не обязанъ, потому что оно предполагается. И какъ же доказывается, что городъ владѣлъ лиманомъ? устройствомъ купалень! Но если такъ, то и устройство балагановъ во время ярмарки, шалашей и сторожевыхъ будокъ на поляхъ, сѣнокосахъ и въ лѣсахъ, собираніе валежника, грибовъ и ягодъ въ казенныхъ лѣсахъ, ловля птицъ и звѣрей, и т. п. есть тоже признакъ владѣнія?

Факты, приводимые повѣреннымъ города въ доказательство, будто бы казна, послѣ 1828 года, признавала права собственности Одессы на спорныя части одесскихъ лимановъ, скорѣе говорятъ противъ правъ города, чѣмъ въ ихъ пользу. Лица, желавшія, въ разное время, получить Одесскіе лиманы въ оброчное содержаніе, въ томъ числѣ и многіе граждане Одессы, обращались съ своими просьбами не къ городскому общественному управленію, а въ министерство финансовъ. Одесская дума, которой нѣкоторыя изъ этихъ просьбъ передавались на разсмотрѣніе, между прочимъ предлагала отдать соляной промыслъ съ конкурса тому, кто представитъ болѣе выгодныя для казны условія. Предложеніе по $^1/_2$ коп., съ каждаго пуда добытой соли, въ пользу города не доказываетъ его правъ на лиманъ; столько же предлагали многіе, желавшіе получить въ содержаніе между прочимъ и полосу земли, отдѣляющую лиманы отъ моря и называемую Пересыпью; многіе береговладѣльцы казенныхъ соляныхъ источниковъ просили тоже извѣстную попудную плату за соль, выволакиваемую на ихъ берегъ. Такимъ образомъ, попудная плата, сама по себѣ, не есть непремѣнно плата за право добывать соль, а можетъ быть также платой за пользованіе береговою землею на надобности солепромышленности; а въ перепискѣ, на которую ссылается повѣренный города, нигдѣ не выражено, чтобъ городъ требовалъ плату именно за добычу со-

ли. Наконецъ, всѣ переписки объ отдачѣ Куяльницкаго лимана въ содержаніе частнымъ лицамъ оканчивались тѣмъ, что министерство финансовъ отказывало просителямъ, безъ всякаго напоминанія со стороны города, что и онъ имѣетъ голосъ въ распоряженіи своею собственностью.

Возраженіе, что казна не пользовалась частью Куяльницкаго лимана, принадлежащею городу и потому не владѣла ею, отпадаетъ само собою, въ виду того, что казна владѣла и распоряжалась не тою или другою его частью, а всѣмъ лиманомъ, на всемъ его пространствѣ, вслѣдствіе чего и дозволила добывать на немъ соль «каждому желающему», безъ всякаго ограниченія, и безъ всякаго же ограниченія отдала его, въ 1858 году, въ содержаніе Д. С. С. Новосильскаго.

Наконецъ, что касается правъ казны на Хаджибейскій лиманъ, которымъ ни городъ, ни казна никогда не владѣли, потому что на немъ никогда не производилась добыча соли, то права эти опредѣляются объясненнымъ выше смысломъ положеній комитета министровъ въ 1822 и 1823 годахъ, отмѣнившихъ права всѣхъ вообще частныхъ владѣльцевъ на соляные источники въ новороссійскомъ краѣ, чѣмъ и были созданы одинаковыя права казны на оба лимана. Разница между этими правами только та, что Куяльницкимъ лиманомъ казна владѣла, а Хаджибейскимъ нѣтъ, потому что соль на немъ не садилась. Но послѣ изданія общаго закона 22 декабря 1828 года, когда городъ получилъ право требовать утвержденія за нимъ частей обоихъ лимановъ и ввода ими во владѣніе, онъ этимъ своимъ правомъ не воспользовался въ теченіи нѣсколькихъ земскихъ давностей, вслѣдствіе чего и Хаджибейскій лиманъ остался собственностью казны, на томъ же самомъ основаніи, на какомъ получившіе право на отводъ земли по Всемилостивѣйшему пожалованію теряютъ это право за неявкою для принятія отведеннаго участка въ теченіи 10-ти лѣтъ по объявленіи объ отводѣ (св. зак. гражд. т. X, ч. 1, ст. 966).

Весь споръ присяжный повѣренный Вейнбергъ свелъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Въ 1824—1827 годахъ, городъ не пользовался и не могъ пользоваться, на правахъ собственности, самосадочною солью на Куяльницкомъ лиманѣ, потому что: а) въ силу положеній комитета министровъ 11 ноября 1822 года и 10 іюля 1823 года, никакое частное лицо не могло владѣть на правѣ собственно-

сти Одесскими лиманами и б) до изданія закона 22 декабря 1828 года, правомъ добывать соль на источникахъ, находящихся въ ихъ владѣніяхъ, могли пользоваться только тѣ новороссійскіе помѣщики, которые разработывали тѣ источники до 11 ноября 1822 года, а Одесскіе лиманы до этого времени вовсе разработываемы не были; слѣдовательно право распоряженія ими всецѣло принадлежало казнѣ.

2) Дозволеніе добывать соль на Куяльницкомъ лиманѣ было дано всѣмъ желающимъ. Это доказываетъ, что казна распоряжалась имъ вполнѣ самостоятельно и независимо.

3) Право добывать соль на Куяльницкомъ лиманѣ, предоставленное всѣмъ желающимъ, выражено въ ст. 290 дѣйствующаго устава о соли и не поставлено въ зависимость отъ согласія или разрѣшенія частныхъ береговыхъ владѣльцевъ.

4) Различныя правительственныя распоряженія, какъ-то: назначеніе въ положеніи комитета министровъ 28 февраля 1825 года акциза съ добытой на Куяльницкомъ лиманѣ соли въ размѣрѣ 60 коп. съ пуда, какой назначенъ для соли, добываемой на казенныхъ источникахъ, отказъ въ отдачѣ лимановъ частнымъ лицамъ въ арендное содержаніе и т. п. показываютъ, что казна постоянно считала оба лимана своею собственностью.

5) До разрѣшенія общаго вопроса о правахъ частныхъ владѣльцевъ на соляные источники въ новороссійскомъ краѣ, право владѣть, пользоваться и распоряжаться соляными источниками, которыми до тѣхъ поръ никто не владѣлъ, не пользовался и не распоряжался, принадлежало, по общему закону, государству или казнѣ.

6) По изданіи общаго закона 22 декабря 1828 года никто изъ частныхъ владѣльцевъ Одесскихъ лимановъ не предъявилъ на нихъ своихъ правъ и не требовалъ ихъ передачи въ частную собственность, вслѣдствіе чего они и остались въ распоряженіи казны.

Такова сущность процесса, который было начался между г. Одессою и казной о правахъ собственности на Куяльницкій и Хаджибейскій лиманы. Весь споръ, главнымъ образомъ, вертѣлся на толкованіи положеній комитета министровъ, 1822 и 1823 годовъ, юридическихъ послѣдствій закона 1828 года и существа владѣнія. Десятый томъ свода законовъ, изобилующій административными подробностями, но крайне бѣдный юридическими началами и положеніями, не разрѣшалъ этого любопытнаго

и едва ли не единственнаго въ своемъ родѣ спора. Такимъ образомъ, исходъ его зависѣлъ почти исключительно отъ большей или меньшей правильности юридическаго толкованія фактовъ и отъ взгляда судебныхъ учрежденій, призванныхъ постановить рѣшеніе. Доводы защитника правъ казны очевидно были сильнѣе. Относительно Куяльницкаго лимана это едва ли подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ имъ казна владѣла, а городъ нѣтъ. Нельзя сказать того же о правѣ на Хаджибейскій лиманъ. Права казны на этотъ лиманъ были не столько же ясны, какъ права ея на Куяльницкій, но они подкрѣплялись однимъ обстоятельствомъ, которое я опустилъ въ изложеніи процесса, чтобъ не усложнить его подробностями второстепенной важности. Обстоятельство это заключалось въ томъ, что въ данной 1827 г.,—актѣ, на которомъ городъ основывалъ свои права собственности на лиманы, о правѣ на самые лиманы и на добычу въ нихъ соли не упоминается ни слова: рѣчь идетъ только о 10 тысячахъ десятинахъ, проданныхъ владѣльцемъ городу. Послѣдній приводилъ въ доказательство своихъ правъ межевые документы, которые однако не могли замѣнить владѣннаго документа, тѣмъ болѣе, что владѣлецъ продалъ свою землю не одному городу, а одну часть ему, другую же другому береговому владѣльцу лимановъ. Основываясь на этомъ, защитникъ правъ казны доказывалъ, и не безъ основанія, что городъ по документамъ не имѣлъ правъ собственности на лиманы, и этотъ аргументъ уже самъ по себѣ могъ дать процессу оборотъ, неблагопріятный для города.

Какъ бы то ни было, но до судебныхъ преній и рѣшенія дѣло не дошло. Истецъ предпочелъ возобновить начатые передъ тѣмъ и прерванные по случаю процесса переговоры съ прочими береговладѣльцами о вступленіи въ предполагаемое между ними товарищество для разработки Одесскихъ лимановъ. Ничего другаго ему и не оставалось дѣлать. Выиграть процессъ у казны относительно Куяльницкаго лимана едва ли было возможно: шансы въ пользу города были слабы; конечно оставалась еще нѣкоторая надежда возвратить себѣ права собственности на Хаджибейскій лиманъ; но она, при вѣроятной потерѣ правъ на Куяльницкій лиманъ, не могла улыбаться городу. Хаджибейскій лиманъ неудобенъ для соледобыванія, которое сосредоточено на Куяльницкомъ, главнымъ образомъ въ южной его части, прилегающей къ береговымъ владѣніямъ города и г. Дембровскаго. Хаджибейскій лиманъ представляетъ только огромный резерву-

аръ соляной воды, который, при соединеніи между собою обоихъ лимановъ, можетъ быть очень полезенъ для Куяльницкаго солянаго промысла, но отдѣльно взятый, самъ по себѣ, ни къ чему не пригоденъ; между тѣмъ, промыселъ на Куяльницкомъ лиманѣ можетъ обойтись и безъ Хаджибея: стоитъ только соединить Куяльникъ непосредственно съ моремъ и изъ послѣдняго питать соляной промыселъ. Что жъ бы выигралъ городъ, удержавъ за собою Хаджибейскій лиманъ, и потерявъ Куяльницкій? Очевидно, выгоднѣе было вступить въ товарищество, къ чему приглашало министерство финансовъ, обѣщая, взамѣнъ того, признать спорныя права береговладѣльцевъ на части обоихъ лимановъ. Прочіе владѣльцы съ самаго начала поняли это и согласились на предложеніе министерства.

Такъ окончился одинъ изъ многочисленныхъ фазисовъ дѣла объ устройствѣ Куяльницко-хаджибейскаго солянаго промысла,— дѣла, которому съ самаго начала какъ-будто суждено было удивлять всякаго рода курьозами и неожиданностями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ.

Переговоры объ образованіи товарищества, закончившіеся составленіемъ совершенно новаго и пока единственнаго у насъ въ своемъ родѣ устава, представляютъ, въ юридическомъ отношеніи, еще большій интересъ, чѣмъ самый процессъ, описанный выше. Объ этомъ я разскажу въ слѣдующей статьѣ.

К. Кавелинъ.

НУЖНО-ЛИ СОХРАНИТЬ ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ?

(Продолженіе).

Всѣ эти ограниченія, принятыя англійской практикой, понятны, если вникнуть въ ту страшную власть, которая вручается судьѣ, обязанному единственно руководствоваться въ своей дѣятельности обычнымъ правомъ. Дѣятельность судьи ограничивается писаннымъ закономъ, выражающимъ ясно и категорично извѣстное юридическое воззрѣніе; дѣятельность судьи, не стѣсняемая такимъ закономъ, не имѣющая руководства въ примѣрныхъ рѣшеніяхъ суда или сборникахъ обычнаго права, безгранична. Если Англія боится ввѣрить эту безграничную власть своимъ образованнымъ судьямъ, если она обставляетъ примѣненіе обычнаго права извѣстными рамками, то можетъ ли быть рѣчь о томъ, чтобы эту власть вручить грубымъ, необразованнымъ, безграмотнымъ судьямъ, да притомъ безъ всякихъ рамокъ, безъ всякихъ ограниченій, такъ какъ создать ихъ для такихъ судей при отсутствіи всякихъ сборниковъ русскаго обычнаго права, всякой предшествующей судебной практики *) невозможно.

---

*) Имѣя случай близко познакомиться съ дѣятельностью волостныхъ судовъ въ трехъ губерніяхъ, я положительно отвергаю мысль, высказанную г. Якушкинымъ (Юрид. Вѣстн. 1872 г. мартъ), утверждающимъ, что приговоры волостныхъ судовъ представляютъ превосходный и богатый матеріалъ для изученія обычнаго права. По моему крайнему разумѣнію, рѣшенія эти представляютъ превосходный примѣръ тому, что могутъ сдѣлать изъ суда неграмотные и невѣжественные судьи. Сознавая, что моего личнаго свидѣтельства было бы недостаточно, я ссылаюсь на рѣшенія, приведенныя мною выше, и на докладъ коммиссіи Московскому земскому собранію.

Нельзя сказать, чтобы наше законодательство совершенно не знало и отвергало обычное право. Оно признаетъ за нимъ ту же силу и значеніе, какое дается ему всѣми кодексами Европы. Хотя законъ предписываетъ, чтобы всѣ безъ изъятія мѣста утверждали свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона (ст. 65 зак. осн.) и чтобы всѣ судебныя установленія рѣшали дѣла по точному разуму существующихъ законовъ (ст. 9 уст. гр. суд. и ст. 12 уст. уг. суд.), но, рядомъ съ этимъ, законъ допускаетъ примѣненіе обычнаго права, какъ исключеніе, въ случаяхъ, именно указанныхъ закономъ. Напр.: коммерческіе суды имѣютъ право по дѣламъ торговымъ принимать въ основаніе для своихъ рѣшеній торговые обычаи (т. XI ч. 2, ст. 1714). Волостные суды при отсутствіи сдѣлокъ и обязательствъ, заявленныхъ въ волостномъ правленіи, могутъ рѣшать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ принятыхъ въ крестьянскомъ быту. При этомъ законодатель въ нѣкоторыхъ статьяхъ положенія о крестьянахъ перечисляетъ тѣ случаи, когда обычное право можетъ имѣть серьозное значеніе. Такъ, при назначеніи опекуновъ и попечителей, при повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными обычаями; тѣми же обычаями руководствуются они въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ; но полное значеніе обычая выражено въ правилѣ изложенномъ выше. Положеніе о крестьянахъ распространяетъ дѣйствіе обычнаго права и на другія сословія, приходящія въ столкновеніе съ крестьянами, и предоставляетъ мировымъ посредникамъ руководствоваться обычаями при разборѣ споровъ по найму землевладѣльцами людей въ разныя работы, по отдачѣ земель въ наемъ, по потравамъ полей, луговъ и по порубкамъ владѣльческихъ лѣсовъ (ст. полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣл. учрежд.). Не менѣе важнымъ представляется по этому правило внесенное въ уставъ гражданскаго судопроизводства. Ст. 130 говоритъ: «при постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ или въ случаяхъ положительно не разрѣшаемыхъ законами».

Итакъ нашъ законъ, какъ и кодексы иностранные, ограничиваетъ дѣйствіе обычнаго права положительнымъ закономъ. Кромѣ того по отношенію къ дѣятельности мировыхъ судей законъ

ограничиваетъ примѣненіе обычая заявленіемъ по крайней мѣрѣ одной изъ сторонъ и общензвѣстностью примѣняемаго обычая. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, законъ не даетъ никакихъ указаній, чѣмъ подтверждается въ каждомъ данномъ случаѣ общензвѣстность обычая и какимъ путемъ можетъ удостовѣриться мировой судья въ томъ, что обычай, на который ссылается сторона дѣйствительно существуетъ. Законъ предоставляетъ право на болѣе широкое примѣненіе обычаевъ въ дѣлахъ крестьянъ между собою, подсудныхъ волостному суду. Статья 107 положенія о крестьянахъ не устанавливаетъ тѣхъ ограниченій, которыя имѣетъ въ виду ст. 130 уст. гр. суд. Волостные суды имѣютъ право примѣнять обычаи во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ дѣлъ исковыхъ, основанныхъ на письменныхъ документахъ, законнымъ образомъ совершенныхъ. Отсюда ясно, что законъ признаетъ существованіе въ крестьянской средѣ такихъ условій, которыя требуютъ болѣе широкаго примѣненія обычнаго права.

Не отвергая вѣрности этого положенія, я не могу вмѣстѣ съ тѣмъ придать этому положенію то широкое значеніе, которое придается ему нѣкоторыми изъ защитниковъ волостныхъ судовъ.

Обращаясь къ тѣмъ доводамъ за сохраненіе судовъ, которые изложены выше, слѣдуетъ остановиться прежде всего на томъ, что они представляютъ весьма значительное смѣшеніе понятій о правѣ, судопроизводствѣ и судоустройствѣ. Ссылаясь на обычное право защитники судовъ не только смѣшиваютъ обычаи, выражающіе какое-либо юридическое воззрѣніе съ обычаями составляющими только форму, обрядъ, не выражающими никакого опредѣленнаго воззрѣнія, но относятъ къ вѣдомству суда такіе предметы, которые не свойственны суду, вносятъ въ организацію суда организаціи учрежденій, не имѣющихъ съ судомъ ничего общаго. Такъ обряды сватовства, заручни, заливка и т. п. не заключаютъ въ себѣ никакого юридическаго воззрѣнія, а составляютъ только формальности, обряды, сопровождающіе установленіе извѣстныхъ взаимныхъ отношеній между отдѣльными лицами. Регулированіе повинностей и отбываніе ихъ не можетъ быть предметомъ вѣдомства суда. Организація и контроль надъ опекунскими учрежденіями есть дѣло неимѣющее съ судомъ ничего общаго. Мнѣ кажется, что защитники волостныхъ судовъ впадаютъ въ эту ошибку на томъ основаніи, что въ 1 ч. X т. находится раздѣлъ объ опекѣ и попечительствѣ, но они упускаютъ изъ вида, что отдѣлъ этотъ

нашелъ себѣ мѣсто въ гражданскомъ кодексѣ не потому, чтобы организація и контроль опекунскихъ учрежденій были бы предметомъ вѣдомства суда, а потому что опека и попечительство порождаютъ извѣстныя отношенія между частными лицами, которыя должны быть регулируемы закономъ.

При томъ общинномъ устройствѣ, которое существуетъ въ настоящее время въ крестьянской средѣ, рядъ дѣлъ, которыя относятся къ вѣдомству суда защитниками судовъ, не могутъ подлежать вѣдѣнію суда. Таковы дѣла о пользованіи общественной землей, передѣлъ надѣловъ между крестьянами и отбываніе ими вслѣдствіе этого общественныхъ повинностей. Все это составляетъ предметы вѣдомства крестьянскихъ сходовъ, какими бы обычаями они не руководствовались по этому предмету. Не основательно также и то мнѣніе, что иски между отдѣльными волостями не предусмотрѣны закономъ. Если такіе гражданскіе иски возникали и не были разрѣшаемы за непмѣніемъ будто бы суда, который бы ихъ вѣдалъ, то это проистекало изъ невѣжества крестьянъ или отъ того, что имъ никто не потрудился разъяснить, что такъ какъ иски эти не отнесены къ вѣдомству волостныхъ судовъ, то на точномъ основаніи ст. 31 п. 3. 179 и 202 уст. гр. суд. иски эти подсудны или мировымъ судьямъ, или окружному суду, смотря по цѣнѣ иска.

Еще менѣе можно принять ту мысль, что на судѣ лежитъ задача искусственно поддержать существованіе того общиннаго устройства, которое существуетъ въ крестьянской средѣ. Не говоря о томъ, хорошо или дурно общинное устройство, способствуетъ ли оно развитію благосостоянія между крестьянами или же поглощая всецѣло личность крестьянина, отнимая отъ него всякую свободу и всякое стремленіе къ личному благосостоянію, оно держитъ крестьянъ въ угнетеніи и невѣжествѣ, я полагаю, что судъ не долженъ имѣть никакихъ тенденціозныхъ стремленій, а обязанъ только отвѣчать однимъ цѣлямъ — цѣлямъ правосудія.

Отстранивъ изъ доводовъ защитниковъ судовъ все то, что къ вѣдомству суда отнесено не можетъ быть и устранивъ всякое тенденціозное стремленіе навязать суду роль его недостойную, мы придемъ къ тѣмъ рамкамъ подсудности дѣлъ, которыя опредѣлены въ уставахъ 20 ноября 1864 года.

Нельзя отвергать что въ предѣлахъ такой подсудности въ крестьянскомъ быту существуютъ обычаи, имѣющіе серьозное значеніе для разрѣшенія исковъ крестьянъ какъ между собою, такъ и съ лицами другихъ сословій (напр. съ мѣщанами, купцами и др.). Нельзя отвергать также и того, что и въ другихъ сферахъ кромѣ крестьянскаго быта, существуютъ обычаи не менѣе существенные и имѣющіе серьозное вліяніе на благосостояніе той среды. Такъ напр. артельное начало, сильно развитое въ народѣ, ремесленный торговый бытъ имѣютъ свои обычаи. Тѣмъ не менѣе никто не думаетъ о необходимости создавать особый сословный судъ для мѣщанъ и особые суды для разбора исковъ лицъ составляющихъ артели. Поэтому не понятно мнѣ, почему крестьяне должны пользоваться отдѣльнымъ сословнымъ судомъ, ставящимъ ихъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ сословій.

Не надо забывать, что учрежденіе крестьянскаго сословнаго суда было необходимо въ прежнее время на основаніи тѣхъ мотивовъ, которые уже давно миновались. Волостной судъ основывался только на первое время и задачей правительства должно быть равенство всѣхъ сословій передъ судомъ и закономъ. Сами защитники волостныхъ судовъ признаютъ, что обособленіе крестьянъ въ дѣлѣ суда вредно для нихъ самихъ и что обособленіе должно постепенно сглаживаться.

Вынуждаетъ ли къ такой исключительной мѣрѣ широкое примѣненіе обычнаго права и не настала ли пора сдѣлать еще шагъ впередъ въ дѣлѣ уравненія крестьянскаго сословія съ другими сословіями?

Я сказалъ уже ранѣе, что важность для крестьянъ обычнаго права отвергать нельзя. Оно имѣетъ значеніе въ вопросахъ о наслѣдствѣ, семейной собственности и т. п., но для того чтобы точно рѣшить вопросъ о важности обычнаго права въ настоящее время не имѣется достаточныхъ данныхъ. Собрать эти данныя осмотромъ книгъ волостныхъ правленій и указаніями крестьянъ невозможно. Объ обычномъ крестьянскомъ правѣ много пишется и еще болѣе говорится, но всѣ эти толки не приводятъ за себя положительныхъ данныхъ. а составляютъ голословное личное свидѣтельство лицъ говорящихъ и пишущихъ. Тѣ немногія данныя, которыя были собраны, не даютъ возможности придти къ положительнымъ результатамъ. Напротивъ того свѣдѣнія, собранныя по Московской губерніи (докл. ком. Моск. зем. собр.), свидѣтельствуютъ о томъ что въ волостныхъ су-

дахъ за 1868 годъ было разсмотрѣно 1139 дѣлъ,изъ нихъ только 504 дѣла должны бы были подлежать волостному суду, а 635 дѣлъ разсмотрѣны судомъ, хотя и не подлежали его вѣдомству. Въ числѣ 504 дѣлъ встрѣчаются дѣла о семейныхъ раздорахъ и распряхъ (это не раздѣлы—послѣдніе имѣютъ свою отдѣльную графу), объ отказѣ невѣстъ отъ женіховъ и по замужству. Такихъ дѣлъ, не имѣющихъ значенія исковъ 44, сколько затѣмъ изъ остальныхъ 460 дѣлъ разрѣшены на основаніи обычнаго права и на основаніи положительнаго закона, того изъ отчета не видно; но во всякомъ случаѣ эта цифра для цѣлой губерніи не такъ велика, чтобы могла имѣть рѣшительное значеніе. Тѣмъ не менѣе данныя собранныя коммиссіей можетъ быть имѣютъ болѣе серьозное значеніе. Я признаю достаточнымъ впрочемъ одного неоднократнаго заявленія о необходимости примѣненія обычнаго права къ дѣламъ крестьянъ для того, чтобы не лишить ихъ на первое время возможности пользоваться этимъ преимуществомъ и не внести такимъ лишеніемъ серьознаго замѣшательства въ ихъ хозяйство; но мнѣ кажется, что признаніе этой необходимости еще не влечетъ за собой признанія необходимости отдѣльнаго сословнаго суда.

Обычаи бываютъ разные. Одни изъ нихъ касаются правовыхъ вопросовъ, другіе же не заключая въ себѣ опредѣленнаго юридическаго воззрѣнія составляютъ только обряды и формы часто повторямыя. Первые вліяютъ на сущность исковъ, вторыя только на систему и свойство доказательствъ. Какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть существенными и неважными, нравственными и безнравственными. Кромѣ того нерѣдко могутъ встрѣчаться такіе обычаи, которые не имѣютъ ни того ни другаго значенія, не порождаютъ никакого права и будучи соблюдаемы не налагаютъ никакихъ обязанностей на лицъ ихъ соблюдающихъ. Эти обычаи состоятъ въ простомъ однообразномъ повтореніи извѣстныхъ дѣйствій при извѣстныхъ случаяхъ. Таковы напримѣръ обычаи выбирать невѣсту 4-мя или 5-ю годами старше жениха, совершеніе свадьбы въ формѣ «убѣга», гульба рекрутъ на хозяйскій счетъ, обѣды при помочахъ и т. п.

Кромѣ того для примѣненія обычая къ извѣстному данному случаю необходимо чтобы обычай соотвѣтствовалъ извѣстнымъ, указаннымъ выше условіямъ и существованіе обычая должно быть доказано. Послѣднее ограниченіе существенно важно. Власть судьи должна быть ограничена. Невозможно отдать на

произволъ судьбы все благосостояніе гражданъ, а если въ дѣлѣ примѣненія обычая единственной гарантіей является личное свидѣтельство самого судьи, рѣшающаго дѣло, то это значитъ, что гарантія не существуетъ и что въ судѣ господствуетъ произволъ. Судья рѣшилъ извѣстное дѣло, призналъ существованіе обычая и разъяснилъ его въ пользу одной стороны. Спрашиваютъ у судьи, чѣмъ руководствовался онъ въ примѣненіи обычая и въ его толкованіи? Мнѣ извѣстно, говоритъ судья, что обычай существуетъ и примѣняется въ крестьянской средѣ въ томъ смыслѣ, какъ я его истолковалъ. Что дѣлать апелляціонной и кассаціонной инстанціи? Принять личное свидѣтельство судьи на вѣру. Гдѣ же гарантія, что судья не дѣйствовалъ пицепріятно и что рѣшеніе суда дѣйствительно соотвѣтствуетъ обычаю? Такое широкое примѣненіе обычнаго права невозможно. Наука права говоритъ, что если обычное право можетъ быть примѣняемо, то во всякомъ случаѣ стороны обязаны сами указать судьѣ на обычное право существующее въ ихъ пользу и убѣдить судью въ его существованіи. Судья можетъ убѣдиться въ существованіи обычая допросомъ свидѣтелей, свѣдущихъ людей, документами и сборниками судебныхъ рѣшеній.

Совершенно та же мысль проведена въ коментаріѣ къ ст. 130 уст. гр. суд., причемъ заявлена польза гласной повѣрки на судѣ существованія извѣстнаго обычая въ присутствіи сторонъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ.

Затѣмъ далѣе какое бы широкое примѣненіе не давалось бы обычному праву, оно все таки не можетъ идти въ положительный разрѣзъ съ примѣненіемъ закона писаннаго. Такъ напримѣръ право наслѣдованія по завѣщанію не можетъ быть примѣняемо въ разрѣзъ съ писаннымъ закономъ, и если право это установлено формальнымъ актомъ совершеннымъ по правиламъ писаннаго закона, то никакое обычное право не можетъ уничтожить силу этого акта. Точно также никакое обычное право не можетъ подорвать сдѣлокъ, облеченныхъ въ надлежащій формальный актъ. И въ этомъ отношеніи я могу сослаться на тотъ же коментарій подъ ст. 130 уст. гр. суд.

Если бы допуская широкое примѣненіе обычнаго права пожелали воспользоваться указаніями науки и опытами другихъ странъ, то спрашивается, почему для разбора дѣлъ крестьянъ между собою необходимо созданіе сословнаго крестьянскаго суда? Скажутъ, что судьи изъ крестьянъ знаютъ свои мѣстные обычаи, а

потому и будутъ примѣнять ихъ на практикѣ, но это бы значило построить судъ не на началахъ права и справедливости, а на одномъ произволѣ, такъ какъ въ дѣлѣ примѣненія обычаевъ единственнымъ основаніемъ будетъ служить ничѣмъ не контролируемое личное свидѣтельство судей, а судьи не могутъ быть и судьями и свидѣтелями въ одно и тоже время. Можетъ быть возразятъ на это, что надъ сословнымъ судомъ крестьянскимъ будетъ стоять вторая апелляціонная инстанція, которая не допуститъ произвола и будучи составлена изъ людей образованныхъ и развитыхъ съумѣетъ контролировать первую инстанцію. Если признается необходимымъ организовать вторую инстанцію крестьянскаго суда изъ лицъ образованныхъ и развитыхъ, то этимъ признается, что образованные судьи лучше необразованныхъ, тогда почему же первая и наиболѣе важная инстанція суда должна состоять изъ людей невѣжественныхъ? Съ другой стороны нельзя допустить, чтобы невѣжественность и неразвитость контролировались бы невѣжественностью же и неразвитостью, ибо отъ такого контроля врядъ ли можно ожидать чего-либо путнаго. Итакъ если вторая инстанція будетъ комплектоваться людьми взятыми не изъ крестьянской среды, то предполагается, что имъ обычаи крестьянской среды неизвѣстны. * Въ такомъ случаѣ они не могутъ контролировать первую инстанцію, которая примѣняетъ обычай въ силу своего личнаго свидѣтельства. Для того чтобы вторая инстанція могла контролировать первую, необходимо чтобы существованіе обычая было доказано. Далѣе если необходимо, чтобы обычай примѣнялся только тогда, когда существованіе его доказано, то нѣтъ надобности, чтобы о существованіи обычая было извѣстно судьѣ до ссылки на него сторонъ, въ послѣднемъ случаѣ доводъ въ пользу судей изъ крестьянъ самъ собой падаетъ.

Можетъ быть скажутъ, что недостаточно убѣдиться въ существованіи обычая, надо его правильно примѣнить, а въ этомъ случаѣ крестьяне какъ знающіе близко условія своего быта будутъ лучшими судьями. Я позволю себѣ усомниться и въ этомъ доводѣ.

Я вообще не могу освоиться съ той мыслью что безграмот-

*) Вообще во второй инстанціи судьи должны быть изъ разныхъ мѣстностей, а потому легко можетъ случится что имъ мѣстные обычаи не будутъ извѣстны.

ные и невѣжественные судьи лучше судей образованныхъ и развитыхъ. Я не могу убѣдиться въ томъ, что невѣжественные судьи, всецѣло принадлежащіе массѣ и зараженные всѣми ея предразсудками и пороками съумѣютъ отдѣлаться отъ этихъ недостатковъ и двинуть массу впередъ, заставить ее уважать правду и справедливость, проведутъ въ массу вѣрные принципы права и вообще поставятъ судъ на ту высоту на которой онъ долженъ находиться. Мнѣ представляется картина другаго содержанія. Мнѣ кажется, что эти невѣжественные судьи изъ суда съ обычнымъ правомъ сдѣлаютъ учрежденіе развращающее массу, узаконяющее безобразные обычаи, поддерживающее въ массѣ смутное понятіе о правѣ, дикія воззрѣнія на семейное право, грубый деспотизмъ надъ женщиной и своими дѣтьми, т. е. всѣ тѣ принципы, которые господствуютъ по свидѣтельству самихъ защитниковъ волостныхъ судовъ въ массѣ крестьянскаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ если какая нибудь надежда извлечь изъ крестьянскаго сословія столько судей сколько понадобится для организаціи волостныхъ судовъ и которые могли бы съ надлежащей ясностью, я не говорю о злоупотребленіяхъ, составить себѣ точное понятіе объ обычаѣ, его важности и его сущности? Съумѣютъ ли эти судьи опредѣлить заключается ли въ обычаѣ какое-либо юридическое воззрѣніе, или обычай этотъ составляетъ одинъ обрядъ никого и ни къ чему не обязывающій? Достаточно ли будутъ развиты эти судьи для того, чтобы отстранить всѣ тѣ доводы сторонъ, которые будутъ опираться на обычаѣ, не имѣющемъ ни правоваго, ни обрядоваго значенія? Поймутъ ли они ту степень нравственности, которая заключается въ обычаѣ? Не будутъ ли они признавать вполнѣ законнымъ продавать въ замужство своихъ дочерей, обращать своихъ женъ въ домашнюю рабочую силу, покровительствовать пьянству въ формѣ обѣдовъ на помочахъ, запивки, гульбы рекрутовъ и т. п.? Наконецъ, какимъ путемъ невѣжественный и безграмотный судья удостовѣрится, что искъ основанъ на документахъ и актахъ, гарантированныхъ закономъ писаннымъ и ограничивающихъ дѣйствіе обычнаго права? Не умѣя прочесть документа—какъ удостовѣрится такой судья, что актъ дѣйствительно совершенъ въ *установленномъ закономъ порядкѣ?* Снова возразятъ мнѣ, что если первая инстанція и неудовлетворительно будетъ разрѣшать эти вопросы, то вторая инстанція возстановитъ то, что нарушено первой, но если крестьяне

лучше понимаютъ свои обычаи, чѣмъ люди составляющіе вторую инстанцію, то имъ и книги въ руки, не нужно тогда и второй инстанціи, ибо первая будетъ лучше второй, а въ такомъ случаѣ эта послѣдняя будетъ только путать первую. Если же первая неминуемо должна разрѣшать вопросы, подлежащіе ея разрѣшенію и это ожидается, то я не вижу той настоятельной потребности, которая вынуждаетъ организовать дурной судъ. Очевидно мое возраженіе нисколько не опровергается существованіемъ въ общихъ судахъ нѣсколькихъ инстанцій. Они необходимы для единообразнаго и правильнаго повсемѣстнаго примѣненія законовъ. Они гарантируютъ стороны отъ умышленнаго произвола суда, отъ односторонняго или неправильнаго пониманія судомъ закона. Но это далеко отъ суда невѣжественнаго и безграмотнаго, отъ неумѣнья отличать нравственные обычаи отъ безнравственныхъ. Суды общіе примѣняютъ законъ и не имѣютъ права касаться вопроса о томъ насколько онъ нравственъ. Кругъ ихъ дѣятельности строго очерченъ, а въ волостныхъ судахъ создается судъ безъ опредѣленныхъ строгихъ границъ, да еще съ судьями невѣжественными. Я твердо убѣжденъ въ необходимости нѣсколькихъ инстанцій суда примѣняющаго обычное право, но возражаю только противъ необходимости организовать судъ изъ судей необразованныхъ. Въ пользу судей изъ крестьянъ приводится и такое соображеніе: неразвитость, которую приписываютъ крестьянамъ (?) и дѣйствительное отсутствіе образованія не мѣшаетъ имъ однако быть присяжными. Крестьяне съумѣютъ всегда разобрать фактическую сторону дѣла, а примѣненіе обычая не встрѣтитъ никакого затрудненія. Я позволю себѣ замѣтить, что разница огромная отвѣтить на предложенный въ выраженіяхъ общедоступныхъ вопросъ о томъ укралъ-ли такой-то такую-то вещь, или подписалъ-ли такой-то подъ чужую руку документъ, или же самому составить такой вопросъ и на него отвѣтить. Громадная разница разобрать фактическую сторону дѣла и сопоставить эту сторону дѣла съ юридическими воззрѣніями которыя должны быть къ ней приложены. Поэтому, не говоря уже о томъ, насколько хороши безграмотные присяжные засѣдатели, велика разница между присяжнымъ засѣдателемъ и судьей. Не даромъ же присяжнымъ не дается право опредѣлять юридическую сторону уголовнаго дѣла а примѣнить законъ предоставлено только коронным судьямъ. Встрѣтитъ или не встрѣтитъ затрудне-

нія обычай въ своемъ примѣненіи—это зависитъ отъ того, какъ будутъ примѣнять обычай. Если всякій, какой бы то ни было обычай долженъ быть примѣненъ, то затрудненій будетъ немного, но хорошъ будетъ и судъ, примѣняющій на практикѣ самые дикіе и безобразные обычаи. Если наоборотъ обычай долженъ быть примѣняемъ съ разборомъ, то, какъ я выше указалъ, это не подъ силу судьямъ изъ крестьянской среды. Какъ велико разумѣніе крестьянъ при примѣненіи обычнаго права доказывается примѣромъ приведеннымъ тѣмъ же авторомъ у котораго мы и заимствовали аргументацію за сохраненіе крестьянскихъ судей, изложенную выше: «иногда, говоритъ авторъ согласно съ народными понятіями о семейной отвѣтственности, наказывается лице, не совершившее никакого проступка. Такъ въ одномъ изъ судовъ Мышкинскаго уѣзда за кражу, совершенную замужней женщиной, былъ наказанъ мужъ ея, потому только, что сама виновная не могла быть наказана вслѣдствіе беременности!

Такимъ образомъ если не предстоитъ настоятельной необходимости избирать судей изъ необразованной крестьянской среды, если могутъ быть, а по моему должны быть избираемы судьями лица, соотвѣтствующія извѣстному образовательному цензу, то нѣтъ и разумнаго основанія организовать особый для крестьянъ сословный судъ. Во всякомъ случаѣ учрежденіе второй инстанціи необходимо и сознается за малыми исключеніями всѣми; вторая инстанція не можетъ состоять изъ такихъ же необразованныхъ людей, изъ которыхъ состоитъ первая, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она не будетъ имѣть смысла; если же она будетъ состоять изъ людей не принадлежащихъ къ крестьянской средѣ, то сословность суда нарушается. Съ другой стороны если признается полезнымъ отнять у второй инстанціи характеръ сословнаго суда, то нѣтъ основанія сохранить этотъ характеръ за первой инстанціей.

Я позволю себѣ не вычислять тѣхъ выгодъ которыя пріобрѣтетъ судъ при допущеніи къ занятію должностей только лицъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ. Выгоды ясны изъ перечисленія неудобствъ исчисленныхъ выше. Я укажу только на то, что самостоятельность суда будетъ болѣе гарантирована при наличности образованныхъ судей.

Говоря объ обычномъ правѣ я не касался совершенно вопроса объ уголовныхъ дѣлахъ. Согласившись ранѣе сего съ доводами защитниковъ волостныхъ судовъ о необходимости передать всѣ

уголовныя дѣла вѣдомству мировыхъ судей, я тѣмъ самымъ высказалъ категорически мое по сему предмету мнѣніе.

Какимъ же образомъ удовлетворить потребности крестьянскаго быта въ примѣненіи обычнаго права? Мнѣ кажется, что потребность эта удовлетворится вполнѣ если мы не будемъ искать разрѣшенія вопроса въ томъ, чтобы создать что-либо новое, небывалое, а обратимся къ тому, что у насъ подъ рукой и что въ теченіи шести лѣтъ невозбуждало еще серьозныхъ нападокъ и серьозныхъ жалобъ—уставы 20 ноября 1864 года

Какъ уже было сказано ранѣе, судебные уставы не отвергаютъ возможности примѣненія обычнаго права, но ставятъ это примѣненіе въ извѣстныя рамки. Возможность примѣненія обычнаго права допускается только по отношенію къ дѣламъ подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ. Чрезвычайно важно ознакомиться съ тѣми побудительными причинами, которыя вынудили законодателя ввести въ уставы это правило.

Статья 130-я уст. гражд. суд. принята законодателемъ на томъ основаніи, что примѣненіе обычнаго права допускается закономъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Было бы въ высшей степени непослѣдовательно, объясняетъ законодатель, допустивъ однажды силу обычаевъ на судѣ у мировыхъ посредниковъ, не допустить ея при разборѣ дѣлъ того же рода мировыми судьями. Точно также было бы противорѣчіемъ, допустивъ разрѣшеніе дѣлъ на основаніи обычаевъ въ волостныхъ судахъ, не допустить такого же разрѣшенія дѣлъ, производящихся у мировыхъ судей. Что касается до того, насколько знакомы будутъ мировые судьи съ мѣстными обычаями, то это возраженіе имѣлось уже въ виду. Законодатель говоритъ что мировому судьѣ не трудно будетъ освѣдомиться о томъ, дѣйствительно-ли существуетъ въ его мѣстности обычай, на который ссылаются стороны и указываетъ при этомъ средства, могущія быть употребленными для этой цѣли.

Такимъ образомъ законъ самъ призналъ уже за мировыми судьями и право и способность руководствоваться мѣстными обычаями; мало того въ коментаріѣ къ статьѣ 130 подробно изложены пріемы къ которымъ могутъ прибѣгать мировые судьи, и указанъ правильный и разумный путь для полной разработки нашего русскаго обычнаго права. Еслибы осуществился этотъ порядокъ, а для этого необходимо не дробить подсудность между мировыми судьями и волостными судами, то мы имѣли

бы уже богатый запасъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ—запасъ который бы могъ имѣть существенное значеніе для разработки нашего общаго гражданскаго права. Признавъ за мировыми судьями право примѣнять обычай въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ дозволяетъ это примѣненіе, уставъ гражданскаго судопроизводства слѣдовательно разрѣшилъ полное примѣненіе по отношенію къ обычному праву правилъ, предписанныхъ волостнымъ судамъ по дѣламъ имъ подсуднымъ. Мало того статья 130 дополняетъ узаконенія предъидущія, дозволяя примѣнять обычное право и въ случаяхъ, неразрѣшаемыхъ самимъ закономъ; т.-е. допускаетъ дальнѣйшую разработку общаго гражданскаго права путемъ практики и обычнаго права. Отсюда очевидно, что вопросъ насъ интересующій вполнѣ разрѣшенъ самимъ законодательствомъ и требуетъ только нѣкоторыхъ поясненій и дополненій. Предстоитъ ли надобность въ отмѣнѣ такихъ ясныхъ положеній закона? На основаніи всего изложеннаго выше я не усматриваю настоятельной въ томъ необходимости. На оборотъ я признаю необходимымъ воспользоваться указаніями закона и придать имъ силу и значеніе для всѣхъ сословій Имперіи, передавъ всѣ дѣла подсудныя волостнымъ судамъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей.

Противъ такой мысли возражаютъ обыкновенно, что мировые судьи и безъ того обременены работой, завалены дѣлами, что передача дѣлъ волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ потребуетъ значительнаго увеличенія числа мировыхъ судей, и это вызоветъ увеличеніе расходовъ со стороны земства и безъ того обремененнаго значительными денежными сборами и наконецъ, что съ передачею дѣлъ волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ крестьяне лишаются сподручнаго близкаго къ нимъ суда, и будутъ обязаны терять время на явку въ судъ, отстоящій далеко отъ ихъ мѣста жительства.

Эти практическія возраженія далеко не такъ важны, какъ обыкновенно думаютъ и могутъ быть легко отстранены.

Годовые отчеты по вѣдомству министерства переполнены заявленіями мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ о полной готовности принять на себя дѣла волостныхъ судовъ и о полной возможности передать въ ихъ вѣдѣніе эти дѣла. Въ замѣчаніяхъ этихъ представляется довольно полный разсчетъ дѣятельности мировыхъ судей. Разсчетъ этотъ съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что значительное количество дѣлъ къ миро-

вымъ судьямъ вступаетъ только по городскимъ участкамъ, уѣздные же участки имѣютъ очень мало дѣлъ, съ которыми мировые судьи справляются легко. Вслѣдствіе этого не предстоитъ надобности повсемѣстно увеличивать числа мировыхъ судей и такое, во всякомъ случаѣ незначительное, увеличеніе числа участковъ явится какъ исключеніе только въ нѣкоторыхъ фабричныхъ и богатыхъ мѣстностяхъ.

Кромѣ того, какой бы ни организовали судъ, онъ потребуетъ денежныхъ расходовъ и если создастся новый судъ, то расходы эти во всякомъ случаѣ будутъ гораздо значительнѣе прибавки одного или двухъ участковыхъ мировыхъ судей на уѣздъ. Скажутъ, что расходы эти будутъ отнесены не на земство, а на одно крестьянское сословіе. Крестьянское сословіе и безъ того болѣе нежели всякое другое обременено налогами и налогами весьма тяжкими. Вынесутъ ли они еще новый и значительный налогъ — это вопросъ. Впрочемъ я не хочу утверждать, что передача дѣлъ волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ можетъ быть произведена безъ всякаго денежнаго со стороны земства расхода, но я утверждаю, что расходъ этотъ при трехъ, четырехъ мировыхъ судьяхъ на уѣздъ, уже существующихъ не обойдется дороже 1500—2000 рублей въ годъ, а можетъ быть возможно и не увеличивать расходовъ по этому предмету земства. Вотъ на чемъ я основываю этотъ разсчетъ.

Говорятъ, что крестьяне съ передачей дѣлъ волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ лишаться сподручности суда и должны будутъ совершать путешествія до камеръ мировыхъ судей. Возраженіе это легко можетъ быть устранено самимъ земствомъ, если оно распредѣляя участки назначитъ для камеръ мировыхъ судей центральныя пункты его участка и вмѣнитъ при томъ въ обязанность мировымъ судьямъ совершать періодическіе въ точно опредѣленные сроки объѣзды своего участка. Тогда крестьяне получатъ тотъ же сподручный судъ, но судъ разумный и самостоятельный, скорый и правый. За эти разъѣзды земство должно конечно увеличить содержаніе мировыхъ судей и мнѣ представляется достаточной сумма въ 500 рублей на каждый участокъ, а въ сложности расходъ этотъ не превзойдетъ 2000 рублей. Затѣмъ настоятельная необходимость упразднить должности мировыхъ посредниковъ приведетъ къ тому, что упраздненіе ихъ состоится и въ такомъ случаѣ бюджетъ земства уравновѣсится.

Позволю себѣ для окончанія моей замѣтки повторить въ краткихъ словахъ мои положенія:

Для приведенія въ порядокъ судопроизводства дѣлъ крестьянъ между собою и съ лицами другихъ сословій, сохранивъ при этомъ для крестьянъ возможность пользоваться примѣненіемъ ихъ обычнаго права, нѣтъ надобности ни сохранять, ни видоизмѣнять волостныхъ судовъ, а слѣдуетъ воспользоваться состоявшимся уже разрѣшеніемъ этого вопроса въ статьѣ 130-й уст. гражд. суд., примѣнивъ тѣ разъясненія, которыя даны въ коментаріи къ этой статьѣ. Для этого необходимо въ дополненіе къ статьѣ 130-й постановить:

1) Для примѣненія обычая необходимо, чтобы существованіе его было доказано.

2) Доказательствами существованія обычая служитъ показаніе мѣстныхъ жителей, на правдивость которыхъ судъ можетъ положиться.

3) Оцѣнка этихъ показаній принадлежитъ внутреннему убѣжденію суда.

4) Какъ стороны имѣютъ право выставить такихъ свѣдущихъ людей каждая отъ себя въ числѣ отъ 2-хъ до 3-хъ человѣкъ, такъ и судъ имѣетъ право вызвать отъ себя то количество лицъ, которое онъ признаетъ достаточнымъ.

5) Вторая инстанція суда, если признаетъ необходимымъ, можетъ какъ передопросить этихъ лицъ, такъ и вызвать новыхъ, но это предоставляется совершенно усмотрѣнію самаго суда второй инстанціи.

6) Въ доказательство существованія обычая могутъ быть приводимы рѣшенія суда внесенныя въ оффиціальные сборники.

7) Судъ обязанъ заносить свои рѣшенія, основанныя на обычномъ правѣ, въ особыя книги.

8) Книги эти разъ въ годъ представляются въ судъ второй инстанціи, а этими послѣдними препровождаются въ Министерство Юстиціи, которое съ своей стороны озабочивается составленіемъ и оглашеніемъ во всеобщее свѣдѣніе свода этихъ рѣшеній.

9) Обычай можетъ быть примѣняемъ только тогда, когда онъ не противенъ нравственности.

10) Судъ обязанъ въ своихъ рѣшеніяхъ подробно излагать основанія, по которымъ имъ допущено примѣненіе обычая и сущность этого обычая.

11) Имѣя въ виду, что дѣйствіе обычая, если оно имѣетъ примѣненіе къ малоцѣннымъ искамъ, должно быть распространено и на цѣнные иски, всѣ вышеизложенныя правила должны быть распространены и на общіе суды.

12) При этомъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія кассаціоннымъ судомъ будутъ служить нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства, неправильное истолкованіе показаній свѣдущихъ людей не касаясь степени вѣроятія этихъ показаній и примѣненія обычая, признаннаго кассаціоннымъ судомъ безнравственнымъ.

13) Исключеніе изъ уставовъ 3 п. ст. 31 уст. гражд. суд. и 3 п. ст. 34 уст. угол. суд.

14) Ограниченіе ст. 409 уст. гражд. суд. примѣчаніемъ: правило означенной статьи не распространяется на дѣла, рѣшаемыя на основаніи статьи 130-й.

К. Н. Ж—ъ.

Русское гражданское матеріальное и процессуальное право въ связи съ кассаціонной практикой сената *).

Первое полугодіе кассаціонныхъ рѣшеній за 1872 годъ открывается разсмотрѣніемъ вопросовъ объ осмотрахъ на мѣстѣ, съ этого мы и начнемъ нашу бесѣду съ читателями.

Осмотръ на мѣстѣ въ уставахъ 20 ноября помѣщенъ въ ст. 119—120 въ главѣ V *о доказательствахъ*, въ отдѣлѣ VI и за тѣмъ въ главѣ IX *о повѣркѣ доказательствъ* въ отдѣлѣ 2-мъ

---

*) Дѣлая обзоръ кас. рѣшеній за 1872 г. въ связи съ рѣшеніями прежнихъ лѣтъ мы должны сдѣлать два замѣчанія. Во первыхъ на кассаціонныя рѣшенія мы не смотримъ какъ на законъ, поэтому находимъ неумѣстнымъ установляющійся обычай въ нашей судебной практикѣ при провозглашеніи резолюціи объ отказѣ или признаніи исковыхъ требованій на основаніи такихъ-то статей закона, включать и *такого-то касац. рѣшенія*. Судъ примѣняетъ законъ къ нарушенному праву; между тѣмъ кас. рѣшенія служатъ только руководствомъ къ единообразному толкованію закона (ст. 815). При такомъ взглядѣ закона на кас. рѣшенія не можетъ быть и рѣчи о возстановленіи нарушеннаго права тѣмъ или другимъ кас. рѣшеніемъ. Съ другой стороны кас. рѣшенія могутъ имѣть обязательное руководство только по вопросамъ, которые окончательно уже разработаны практикой кассаціонной и при томъ при наличности 2-хъ условій: чтобы ими разъяснялся истинный смыслъ законовъ и чтобы содержаніе ихъ совершенно совпадало съ даннымъ разсматриваемымъ вопросомъ (см. кас. рѣш. гр. д. 1867 г. № 519; 1868 г. № 31 и 1869 г. № 443 угол. д.). Но при нашей молодой кас. практикѣ, неминуемо казуальной, много-ли найдется совершенно совпадающихъ кас. случаевъ съ даннымъ разсматриваемымъ дѣломъ?... Нашею задачею будетъ показать, какіе вопросы окончательно разъяснены практикой, какіе стоятъ на очереди и наконецъ по какимъ Сенатъ всталъ въ противорѣчіе съ собственными рѣшеніями.

ст. 507—514. Отсюда первый вопросъ при приложеніи этихъ статей на практикѣ заключается въ томъ: какъ смотрѣть на эти статьи: какъ на *доказательства-ли* въ строгомъ смыслѣ, т. е. что тяжущіеся въ силу этихъ статей имѣютъ право ссылаться на осмотръ на мѣстѣ какъ на извѣстное обстоятельство, служащее подтвержденіемъ искового требованія, или на основаніи этихъ статей тяжущіеся или судъ только *провѣряютъ* представленныя уже обстоятельства съ цѣлью развить убѣжденіе суда о матеріальной сторонѣ дѣла до степени достовѣрности. Усвоеніе того или другаго взгляда на осмотры на мѣстѣ весьма важно въ практическомъ отношеніи. Если мы на статьи объ осмотрахъ будемъ смотрѣть какъ на доказательства въ строгомъ смыслѣ, то возможно будетъ предъявлять рядъ требованій, безъ представленія доказательствъ, подтверждающихъ наши требованія, но съ ссылкою на сдѣланіе осмотра, какъ на такое обстоятельство которое подтвердить исковыя требованія. И обратно, если на осмотръ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на повѣрку доказательствъ, то понятно, что съ исковыми требованіями возможно явиться въ судъ неначе, какъ представивъ первоначально доказательства, подтверждающія исковыя требованія и только при наличности этихъ доказательствъ, но при невозможности со стороны суда развить свое убѣжденіе о представленныхъ доказательствахъ до степени достовѣрности, возможно приступать къ осмотру на мѣстѣ. Далѣе, если осмотръ на мѣстѣ есть доказательство въ строгомъ смыслѣ, то просьба тяжущагося о сдѣланіи осмотра возлагаетъ на судъ безусловную обязанность произвесть осмотръ, и отказъ суда въ сдѣланіи осмотра можетъ служить поводомъ кассаціи; такъ какъ отказъ со стороны суда въ данномъ случаѣ былъ-бы равнозначителенъ какъ-бы непринятію судомъ документа.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ мы прежде всего должны замѣтить, что до изданія уставовъ 20 ноября строгаго разграниченія доказательствъ отъ повѣрки доказательствъ небыло въ нашихъ судопроизводственныхъ законахъ. Правильной теоріи доказательствъ не существовало, и при господствѣ *слѣдственнаго* порядка судопроизводства пополненіе дѣла справками отнесено было къ прямой обязанности самихъ судебныхъ мѣстъ не только низшихъ, но и высшихъ (ст. 323, 441—443, 542 и 543 ст. т. X. ч. 2). При такихъ порядкахъ, какія-бы доказательства не представлялъ тяжущійся, отъ усмотрѣнія суда зависѣло

тормозить дѣло *собираніемъ доказательствъ*, правильнѣе говоря, *справками* на безконечное число лѣтъ, что какъ извѣстно къ несчастію и существовало на практикѣ. Уставы 20 ноября произвели коренную реформу въ системѣ доказательствъ. Введенъ *состязательный* процессъ; представленіе доказательствъ возложено на самихъ тяжущихся (ст. 367 Уст.). Отсюда возможно проиграть въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ самое законное требованіе, если въ подтвержденіе этого требованія не будетъ представлено самими тяжущимися доказательствъ. Составители уставовъ особенно много поработали надъ доказательствами, этимъ больнымъ мѣстомъ стараго судопроизводства. И можно безъ преувеличенія сказать, что глава о доказательствахъ въ уставѣ 20 ноября развита полнѣе и всестороннее нежели во французскомъ уставѣ *). За тѣмъ составители покончивъ съ доказательствами (письменными и свидѣтельскими показаніями и

*) Укажу въ видѣ примѣра на случаи о тѣхъ-же осмотрахъ по французскому уставу. Такъ по ст. 295 C. de pr. отъ усмотрѣнія суда зависитъ назначить осмотръ на мѣстѣ или нѣтъ—„но онъ (судья) не можетъ предписать мѣстный осмотръ, тамъ гдѣ достаточенъ рапортъ экспертовъ, развѣ кто либо изъ тяжущихся самъ потребуетъ осмотра“.—Это послѣднее ограниченіе исключено въ нашемъ уставѣ въ 507 ст. соотвѣтствующей 295 ст. C. de pr. Во французской-же практикѣ такое ограниченіе, такое постановленіе судьи въ зависимость отъ воли тяжущихся даетъ поводъ къ горькимъ жалобамъ на несправедливое недовѣріе къ судьямъ (Laviell, Etudes 213 стр.). И въ самомъ дѣлѣ если цѣль осмотра состоитъ въ провѣркѣ доказательствъ, если безъ осмотра, по мнѣнію суда, нельзя составить себѣ правильнаго убѣжденія о томъ или другомъ спорномъ обстоятельствѣ дѣла; то въ интересахъ справедливаго рѣшенія нельзя воспрещать суду сдѣлать осмотръ на мѣстѣ, если онъ считаетъ это необходимымъ. При осмотрахъ на мѣстѣ судъ *наглядно* убѣждается въ достовѣрности того или другаго событія. Далѣе, французскій уставъ не предусматриваетъ того случая, когда суду слѣдуетъ произвесть осмотръ въ отдаленной мѣстности, въ округѣ другаго суда. Какъ поступить въ этомъ случаѣ? Нашъ уставъ положительно разрѣшаетъ этотъ случай ст. 505. Комментаторы же французскаго устава двоякимъ образомъ толкуютъ этотъ случай одни, исходя изъ того положенія, что осмотромъ на мѣстѣ судъ воочью (de visu) наглядно удостовѣряется въ спорномъ обстоятельствѣ, полагаютъ что одинъ изъ назначенныхъ для осмотра судья обязанъ присутствовать при осмотрѣ, даже и въ отдаленной мѣстности; другіе же сопоставляя 512 ст. съ 1030 и 1035 C. de pr. приходятъ къ тому выводу, къ которому пришелъ и нашъ уставъ въ ст. 505 уст. гр. суд. (См. Leçons. Boitard et Colmet-daage т. 1, стр. 470). Впрочемъ неполнота французскаго судопроизводственнаго устава восполняется отчасти правилами о доказательствахъ вообще, помѣщенными въ кодексѣ гражданскаго права (Code Napol. ст. 1315—1369).

какъ суррогатомъ доказательствъ—сознаніемъ исковыхъ требованій) перешли къ главѣ о повѣркѣ доказательствъ и при обсужденіи объ осмотрахъ на мѣстѣ высказали, между прочимъ, такого рода соображенія: «личный осмотръ и заключеніе свѣдущихъ людей, несоставляя сами по себѣ доказательства въ строгомъ смыслѣ сего слова, *имѣютъ одну цѣль: развить убѣжденіе судьи о матеріальной сторонѣ дѣла до степени достовѣрности.* И дѣйствительно личный осмотръ спорнаго мѣста развиваетъ такое убѣжденіе въ понятіи судьи, какого онъ никогда неможетъ получить ни изъ показанія свидѣтелей, ни изъ письменныхъ удостовѣреній, ни изъ плановъ и чертежей. При личномъ осмотрѣ истина обнаруживается предъ судьею *непосредственно*, освобожденная отъ всѣхъ другихъ посредствующихъ органовъ, дѣйствующихъ на развитіе его убѣжденія.... Если въ статьѣ 314 т. X, ч. II, зак. граж. суд. личный осмотръ и заключеніе свѣдущихъ людей поставленъ на ряду съ прочими доказательствами, то это, конечно, сдѣлано потому, что въ нашихъ законамъ гражданскаго судопроизводства объ этихъ двухъ дѣйствіяхъ упомянуто только мимоходомъ; имъ посвящено всего двѣ статьи (ст. 356 и 357 т. X, ч. II); между тѣмъ какъ въ торговомъ уставѣ (ст. 1590 т. XI), гдѣ правила эти болѣе развиты, чѣмъ въ гражданскихъ законахъ, осмотръ на мѣстѣ не причисленъ къ доказательствамъ и правила по сему предмету изложены въ особой главѣ о повѣркѣ доказательствъ (ст. 1693—1713 т. XI, уст. торг.), (об. зап. 1863 г. ч. I, стр. 327 и 328), и на основаніи этихъ соображеній осмотръ на мѣстѣ отнесенъ не къ доказательствамъ въ строгомъ смыслѣ, а къ повѣркѣ доказательствъ. Хотя же въ уставѣ для мировыхъ судей осмотръ на мѣстѣ помѣщенъ вообще въ главѣ о доказательствахъ, но мировые судьи при примѣненіи на практикѣ статей объ осмотрахъ должны руководствоваться уставомъ для общихъ судебныхъ учрежденій, гдѣ осмотръ на мѣстѣ причисленъ, какъ мы видѣли, къ повѣркѣ доказательствъ.

Но усвоила-ли практика этотъ взглядъ законодателя? Тяжущіеся, какъ и слѣдовало ожидать, неусвоившіеся съ системою доказательствъ, ибо при старомъ порядкѣ судопроизводства доказательства собиралъ и повѣрялъ самъ судъ,—стали придавать осмотрамъ на мѣстѣ болѣе широкое толкованіе, нежели какое отведено имъ по уставамъ; они смотрѣли на статьи объ осмотрахъ, какъ на доказательства въ строгомъ смыслѣ и часто

при отсутствіи всякихъ доказательствъ, подтверждающихъ исковыя требованія, хотѣли возложить на судъ безусловную обязанность производить осмотры при каждомъ требованіи сторонъ. Что касается до судебныхъ учрежденій, а особенно до кассаціонной практики сената, то можно безошибочно выразиться, что практика вполнѣ усвоила мысль законодателя и на будущее время достаточно ознакомиться уже съ рядомъ опубликованныхъ кассаціонныхъ рѣшеній, чтобы не дѣлать процессуальныхъ ошибокъ при примѣненіи статей объ осмотрахъ на мѣстѣ. Укажу на выдержки изъ нѣсколькихъ кассаціонныхъ рѣшеній. Воеводинъ искалъ съ купца Гусева по переданному ему крестьянином Алексѣевымъ домашнему съ Гусевымъ условію за производство работъ по дому Гусева, всего на сумму 500 р., за уплатою самому Алексѣеву 330 руб.,—остальныхъ 170 р. Отвѣтчикъ, отвергая искъ вполнѣ, указывалъ на то, что Алексѣевъ недодѣлалъ ему согласно условія работъ, такъ что онъ вынужденъ былъ пригласить другаго подрядчика для окончанія работъ которому переплатилъ противу условія еще 200 руб., въ доказательство чего представилъ опредѣленіе коммиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками и планъ по которому производились работы. Въ искѣ какъ бездоказательномъ, разумѣется было отказано на осн. 81 ст. уст. гр. суд. Но истецъ на рѣшеніе съѣзда приносилъ кассаціонную жалобу на томъ основаніи, что съѣздъ по просьбѣ его, не произвелъ осмотра работъ на мѣстѣ вопреки 119 и 120 ст. уст. гр. суд., забывая въ тоже время, что основаніемъ его иска служило домашнее условіе и осмотръ на мѣстѣ возможенъ былъ только при доказанности со стороны истца его права на довзысканіе недополученныхъ денегъ по условію; при томъ только въ такомъ случаѣ если-бы судъ призналъ за истцемъ несомнѣнное право на полученіе недовзысканныхъ денегъ, но сомнѣвался-бы въ количествѣ размѣра взысканія и въ достоинствѣ произведенныхъ работъ, за которыя требовались истцемъ деньги.

Сенатъ при разсмотрѣніи этого дѣла высказалъ такія соображенія: по силѣ 119 и 120 ст. уст. гр. суд. *обзоръ* спорныхъ предметовъ *на мѣстѣ указанъ мировому суду въ смыслѣ мѣры, которую онъ можетъ по своему усмотрѣнію употребить для открытія истины, если и прочія обстоятельства дѣла не представляютъ достаточныхъ для того данныхъ* и что слѣдовательно съѣздъ, признавъ дѣло Воеводина съ Гусевымъ, по представ-

леннымъ обѣими сторонами доказательствамъ достаточно полнымъ и въ семъ убѣжденіи, постановивъ окончальное по оному рѣшеніе безъ осмотра работъ произведенныхъ по дому Гусева,— ненарушилъ прямаго смысла упомянутыхъ статей уст. гр. суд. (кас. рѣш. за 1867 г. № 54).

Въ другомъ дѣлѣ купецъ Богомоловъ 31 августа 1866 года обратился въ судъ съ искомъ за неочищеніе почетнымъ гражданиномъ Перловымъ взятой у него въ арендное содержаніе фабрики. Богомоловъ, основывая свой искъ на рѣшенія 7 д-та сената, которымъ предоставлено ему начать особый искъ о самоуправномъ завладѣніи Перлова его имуществомъ, просилъ сдѣлать осмотръ фабрики согласно 507 ст. уст. гр. суд. Отвѣтчикъ возражалъ, что неочищеніе фабрики происходитъ отъ самаго Богомолова, который недозволяетъ вывести съ фабрики принадлежащій Перлову товаръ. Окружный судъ отказалъ въ искѣ Богомолову за не представленіемъ доказательствъ. *Въ апелляціонной жалобѣ палатѣ Богомоловъ объяснилъ, что судъ могъ по 507 ст. уст. дознать на мѣстѣ истину, что и составилобы доказательство его иска.* Перловъ въ палатѣ возражалъ, что неочищеніе фабрики происходитъ отъ произвола самаго Богомолова, который не выпускаетъ товара изъ кладовыхъ, въ подтвержденіе чего представилъ письменныя доказательства. Палата нашла: а) что Богомоловъ въ подтвержденіе своего иска никакихъ доказательствъ не представилъ; б) что ходатайство о производствѣ согласно ст. 507 уст. осмотра на мѣстѣ по точному смыслу ст. 367 того же уст. и при представленіи отвѣтчикомъ письменныхъ доказательствъ о томъ, что неочищеніе фабрики происходило не по его винѣ, не можетъ подлежать удовлетворенію и на этихъ соображеніяхъ утвердила рѣшеніе суда. Богомоловъ приносилъ кассаціонную жалобу на нарушеніе 507 ст. ибо палата должна была дознать на мѣстѣ почему послѣдовало неочищеніе его фабрики Перловымъ. Сенатъ, между прочимъ, высказалъ такія соображенія: *повѣрка доказательствъ* на осн. 369 и 499 ст. по просьбѣ тяжущихся. или по усмотрѣнію суда, *должна имѣть цѣлью достиженіе правды въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ сомнѣніе относительно факта, или когда судъ поставленъ въ невозможность разрѣшить предметъ спора безъ предварительной провѣрки спорныхъ обстоятельствъ; къ числу способовъ провѣрки принадлежитъ осмотръ на мѣстѣ, указанный въ 507 ст. уст. гр. суд. Но изъ этого закона нельзя вывести*

заключенія, что судъ безусловно обязанъ по просьбѣ каждаго тяжущагося непремѣнно назначать осмотръ, хотя бы по усмотрѣнію суда не предстояло въ томъ необходимости или пользы для разъясненія дѣла. (Кас. рѣш. за 1867 г. № 123).

Крестьянинъ Щеголевъ искалъ чрезъ окружный судъ съ губернскаго секретаря Затолокина денегъ за произведенныя работы, основывая искъ на представленномъ при исковомъ прошеніи производства Высочайше учрежденной временной комиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками и рабочими. Въ искѣ этомъ отказано было по бездоказательности и рѣшеніе это утверждено палатою. Жалуясь въ кассаціонномъ порядкѣ сенату, Щеголевъ, между прочимъ, усматривалъ нарушеніе палатою 507 ст. уст. гр. въ томъ смыслѣ, что вопреки этой статьи *палата не сдѣлала осмотра* произведенныхъ Щеголевымъ работъ *и тѣмъ не произвела повѣрки его доказательствъ.* Сенатъ нашелъ, что судебныя мѣста, разсматривающія дѣло въ существѣ установляютъ фактическую сторону дѣла и дѣйствительное значеніе спорныхъ событій и опредѣливъ силу представленныхъ сторонами доводовъ, постановляютъ рѣшеніе, прилагая, законъ къ извѣстнымъ обстоятельствамъ дѣла. *Но* правительствующій *сенатъ* въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда *на осн. 5 ст. учр. суд. уст. не входитъ въ обсужденіе на сколько правильно* или неправильно *оставляются судомъ безъ вниманія* представленныя или указанныя доказательства иска, а равно и *отказъ въ производствѣ осмотра* (кас. рѣш. за 1867 г. № 134). Я остановился на этихъ рѣшеніяхъ съ большею подробностью на томъ основаніи, что они наглядно указываютъ съ одной стороны, что тяжущіеся, совершенно незнакомые съ системою доказательствъ, обращаются къ суду съ просьбою о сдѣланіи осмотра на мѣстѣ, въ то время, когда не представляютъ никакихъ доказательствъ подтверждающихъ ихъ исковыя требованія, или въ то время, когда этотъ осмотръ дѣлается излишнимъ за представленіемъ отвѣтчикомъ такихъ доказательствъ, которыя вполнѣ опровергаютъ исковыя требованія *). Съ другой стороны

*) При незнакомствѣ тяжущихся съ доказательствами вообще, ссылка ихъ на осмотръ на мѣстѣ заявляется суду очень часто въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ; между тѣмъ какъ судъ требуетъ обыкновенно отъ истца представленія вполнѣ опредѣленнаго доказательства. Въ виду этого было бы желательно, чтобы, судъ (мы разумѣемъ здѣсь исключительно мировой институтъ)

эти кассаціонныя рѣшенія послужили краеугольнымъ камнемъ, точкою отправленія при разсмотрѣніи сенатомъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ по нарушенію статей объ осмотрахъ на мѣстѣ. Изъ многократныхъ рѣшеній сената возможно вывести тэкія положенія: *осмотръ на мѣстѣ, составляетъ по уставамъ 20-го ноября повѣрку доказательствъ, и относясь къ разъясненію фактичной стороны дѣла составляетъ право, а не обязаность суда. Поэтому отказъ судебныхъ мѣстъ отъ сдѣланія осмотра или же производства таковаго по усмотрѣнію суда не подлежитъ повѣркѣ сената и не можетъ составлять повода кассаціи.*

Но если судебное мѣсто произведетъ осмотръ, несогласно съ предписанными правилами устава, то въ этомъ случаѣ конечно можетъ быть поводъ къ кассаціи.

Представимъ примѣры: Иванъ предъявляетъ къ Петру искъ о неправильномъ завладѣніи землею, основывая свое требованіе на купчей крѣпости. Петръ, опровергая искъ вполнѣ, въ подтвержденіе своего права на спорную землю представляетъ актъ укрѣпленія и частный планъ мѣстности, снятый съ натуры.

Судъ въ искѣ Ивану отказываетъ. Тогда Иванъ въ апелляціонной жалобѣ, между прочими соображеніями, подтверждающими его требованіе, проситъ сдѣлать осмотръ спорной мѣстности, чтобы удостовѣрить палату въ томъ, что Петръ на основаніи купчей крѣпости и снятаго съ натуры плана является собственникомъ неспорной земли, неправильно находящейся у него во владѣніи, а рядомъ лежащей мѣстности. Если бы палата отказала въ осмотрѣ на томъ основаніи, что это составляетъ новое требованіе, такъ какъ Иванъ о сдѣланіи осмотра въ судѣ непросилъ *), а судъ непризналъ необходимымъ самъ сдѣлать осмотръ. То конечно въ данномъ случаѣ отказъ палаты

при ссылкѣ на неясно формулированное доказательство, дѣлалъ истцу распросы, примѣняясь къ 72 ст. уст., и этими распросами, въ большинствѣ случаевъ, неопредѣленная ссылка на сдѣланіе осмотра вполнѣ выяснится въ опредѣленное требованіе, что облегчитъ и самъ судъ въ его рѣшеніи и избавитъ тяжущихся отъ принесенія въ большинствѣ случаевъ безполезныхъ кассаціонныхъ жалобъ по нарушенію мировыми судьями законоположеній объ осмотрахъ на мѣстѣ.

*) Касс. рѣш. 71 г. № 1076: судъ неможетъ отказать въ просьбѣ объ осмотрѣ на мѣстѣ на томъ основаніи, что это составляетъ новое требованіе (производство осмотра заявленнаго впервые только во 2-й инстанціи).

въ сдѣланіи осмотра послѣдовалъ на такихъ соображеніяхъ, которыя не истекаютъ изъ закона.

Другой случай *). Крестьянинъ Пряхинъ предъявилъ искъ къ обществу той же деревни за дозволеніе крестьянину Митрофанову построить домъ на его, Пряхина, усадьбѣ и просилъ взыскать съ общества 150 р. убытковъ или снести строеніе Митрофанова. Мировой судья призналъ искъ Пряхина къ обществу о вознагражденіи за усадьбу правильнымъ и подлежащимъ удовлетворенію, но количество убытковъ недоказаннымъ и потому во взысканіи съ общества 150 р. отказалъ. Пряхинъ, жалуясь на это рѣшеніе, просилъ мировой съѣздъ, въ доказательство количества понесенныхъ имъ убытковъ допросить указаннымъ имъ сосѣдей и взыскать съ общества 150 руб., или сломать домъ Митрофанова. Мировой съѣздъ нашелъ, что указанные Пряхинымъ свидѣтели не могутъ служить основаніемъ къ опредѣленію цѣнности убытковъ, понесенныхъ отъ занятія Митрофановымъ его усадьбы, такъ какъ для сего необходимъ осмотръ мѣстности съ участіемъ свѣдущихъ людей, назначенный отъ обѣихъ сторонъ, и за тѣмъ опредѣленіе цѣнности убытковъ, что могло быть исполнено мировымъ судьею только по требованію самаго Пряхина (119—124 ст. уст. гр. суд.) между тѣмъ такого требованія мировому судьѣ Пряхинымъ предъявлено небыло. На этихъ соображеніяхъ съѣздъ утвердилъ рѣшеніе мироваго судьи. Пряхинъ въ кассаціонной жалобѣ, между прочимъ, находилъ неправильное толкованіе съѣздомъ 119—124 ст. уст. гр. суд. такъ какъ—по мнѣнію съѣзда—статьи эти относятся только до мироваго судьи и примѣняются только по требованію сторонъ, между тѣмъ въ дѣйствительности они подлежатъ примѣненію и мировыми съѣздами и не только потребованію сторонъ, но и по усмотрѣнію суда. Сенатъ, кассируя рѣшеніе мироваго съѣзда по неправильному толкованію ст. 120—124 уст., разсуждаетъ такимъ образомъ: мировой съѣздъ совершенно неправильно истолковалъ 119—124 ст. уст. гр. суд. въ томъ смыслѣ будто бы осмотръ на мѣстѣ съ участіемъ свѣдущихъ людей могъ быть производимъ мировымъ судьею только по требованію самаго Пряхина—такъ какъ въ 119 и 122 ст. положительно выражено, что дѣйствія эти производятся или по просьбѣ одной изъ сто-

*) Касс. рѣш. 72 г. № 1-й.

ронъ или по усмотрѣнію самаго судьи; 2) поэтому мировой съѣздъ, признавъ необходимымъ для рѣшенія дѣла осмотръ мѣстности съ участіемъ свѣдущихъ людей, не вправѣ былъ отказывать въ искѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что о производствѣ этихъ дѣйствій не было Пряхинымъ заявлено требованіе мировому судьѣ, но долженъ былъ о производствѣ осмотра распорядиться въ порядкѣ указанномъ 174 ст. уст. гр. суд. Изъ этого рѣшенія возможно вывести такой тезисъ: *отсутствіе просьбы со стороны тяжущіяся о производствѣ мѣстнаго осмотра недастъ съѣзду право уклониться отъ сего осмотра если онъ признаетъ это нужнымъ.*

Такимъ образомъ осмотры на мѣстѣ, составляя по уставамъ 20 ноября, повѣрку доказательствъ, слѣдовательно касаясь фактической стороны дѣла не подлежатъ вообще провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ за силою 5 ст. суд. учр.; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ статьи эти истолковываются судебными мѣстами не по буквальному ихъ смыслу, не по духу и разуму, а такими соображеніями, которыя не истекаютъ изъ закона—во всѣхъ такихъ случаяхъ могутъ быть приносимы кассаціонныя жалобы на сдѣланіе или не сдѣланіе судебными мѣстами осмотровъ на мѣстѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ по вопросу о непосредственномъ участіи суда въ осмотрахъ (ст. 508 уст. гр. суд.); такъ какъ нарушеній другихъ статей возможно только совершенно случайно (ст. 599—514). Цѣль осмотра—развить убѣжденіе судьи до степени достовѣрности; отсюда и постановленіе закона что осмотръ долженъ быть произведенъ мировымъ судьею (ст. 120) или назначеннымъ членомъ суда (ст. 508). Но самъ законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ дѣлахъ о вознагражденіи за потраву сельскихъ угодій на основаніи положенія 1862 г., предоставляемъ право мировымъ судьямъ не производя лично осмотра, произвесть оный черезъ сельскаго старосту или волостнаго старшину. *) Благодаря этому обстоятельству мировые судьи **) и

*) Мн. Гос. Сов. 18 іюня 1862 г. (прил. къ 31 ст. пол. о крест. учр. прод. 63 ст. 8). См. также кас. рѣш. за 1869 г. № 1047.

**) При обзорѣ кас. рѣш. не встрѣчается ни одного случая гдѣ бы окружный судъ или палата поручали сдѣлать осмотръ полиціи. Есть только два рѣшенія (1870, № 1914 и 1871 г. № 46), гдѣ мировые судьи поручали дѣлать осмотръ полиціи и оба дѣла по нарушенію 120 ст. были кассированы.

въ другихъ случаяхъ поручали дѣлать осмотры полиціи. Интересны соображенія сената по подобнымъ нарушеніямъ. Объяснивъ первоначально, что осмотръ на мѣстѣ, какъ неоднократно разъяснено (рѣш. 1867 г. № 98, 1868 г. №№ 251, 531, 1869 г. № 466 и мн. др.), необязателенъ для мироваго судьи, сенатъ продолжаетъ: *содержащіеся въ 120 и 124* ст. уст. *правила* о томъ, что осмотръ производится самимъ мировымъ судьею и что имъ же подписывается и протоколъ осмотра, *опредѣляютъ одинъ изъ весьма существенныхъ обрядовъ судопроизводства; ибо если судья призналъ необходимымъ разъяснить дѣло осмотромъ, то очевидно, что, для надлежащаго уразумѣнія требовавшихъ разъясненія обстоятельствъ и для полученія возможности рѣшить дѣло по убѣжденію совѣсти и согласно съ законами (ст. 129), долженъ лично удостовѣриться въ томъ что покажетъ осмотръ*». И на этихъ соображеніяхъ, находя что мировой судья поручивъ сдѣлатя осмотръ становому приставу, ссылаясь на многосложность обстоятельствъ этого дѣла, поступилъ крайне неосновательно и нарушилъ ст. 120, хотя протоколъ осмотра былъ подписанъ тяжущимся, принесшимъ кассаціонную жалобу; но сенатъ объяснилъ, что одно подписаніе протокола составленнаго полицейскимъ чиновникомъ не можетъ быть признаннымъ покрывающимъ допущенное судьею нарушеніе 120 ст. уст. гр. суд.

—С.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ сочиненій, только что вышедшихъ въ свѣтъ въ Германіи, равно какъ въ Россіи, *) и относящихся къ разнымъ частямъ и системамъ права, не можемъ не обратить вниманія читателя на слѣдующія:

1) Römisches und kanonisches Recht im deutschen Mittelalter, v. D-r Theodor Muther, Rostock, 1871.

2) Pandekten, v. D-r Baron, Prof. an der univ. zu Berlin, Leipz. 1872.

3) La question électorale en Europe et en Amérique, par Ern Naville, Genève et Bâle, 1871.

4) Государство, Общество и право, съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства, Т. II, о раздѣленіи труда и пр. г Симоненко, Варшава, 1872 г.

5) Selfgovernment. Communalverfassung und Vervaltungsgerichte in England, v. D-r Rudolf Gneist, третье изданіе, Berlin, 1871. Одинъ томъ немножко болѣе, чѣмъ въ 1000 страницъ.

6) Reorganisation der inneren Verwaltung Preuessens auf Grundlage der Selbstverwaltung, v. Graf. tl. de Grais, Berlin, 1871.

7) Selbsferwaltung in Preussen u. Selfgo—vernment in England. u. Nordamerika v. D-r Tellkampf, Prof. in. Breslau, Berlin, 1872.

8) О самоуправленіи, князя А. Васильчикова, Т. III, С.-Петербургъ, 1871 г.

1). По разсказу доктора Мутера, на о. Рюгенѣ досихъ поръ показываютъ путешествующимъ развалины одного весьма древняго монастыря. Но то не настоящія развалины зданія, а скорѣе

*) Писано въ январѣ 1872 г.

остатки первоначально недоконченнаго монастыря. Когда еще начинали выводить стѣны его, случилось рѣдкое для того времени событіе.

Однажды въ полномъ разгарѣ работы, строители вдругъ замѣтили приближающуюся къ нимъ толпу, среди и во главѣ которой особенно выдавались два каноника. Приблизившись къ зданію, одинъ изъ нихъ наклонился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ стѣну, а затѣмъ была прочтена бумага, въ которой сказано, что, за силою брошеннаго теперь камня, отъ имени такого-то воспрещается продолженіе постройки. Дѣло происходило между духовными владѣльцами, которые жили и дѣйствовали въ то время по каноническому, или римскому праву, такъ что бросаніе камня служило символическимъ выраженіемъ для римскаго учрежденія operis novi nuciatio, т.-е. для протеста противъ возведенія вновь или противъ разрушенія прежняго построенія. Не удивляйтесь, говоритъ Мутеръ, что каноники очевидно показали тутъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Corpus jur. civilis, или въ римскомъ правѣ. Несмотря на частыя запрещенія для духовныхъ лицъ изучать leges, т.-е. римское право, средневѣковое духовенство, владѣвшее исключительно латинскимъ дѣловымъ языкомъ, а потому необходимое для производства дѣлъ свѣтскихъ, часто не могло устоять противъ соблазна заниматься мірскими дѣлами, сулившими имъ почетъ, власть, богатство и наслажденія, неизвѣстныя въ стѣнахъ монастырей. Образуя исключительно изъ себя и собою церковь, какъ замкнутую корпорацію, да имѣя во главѣ Папу и Римъ, средневѣковое духовенство должно было повсюду знать, изучать и распространять свое каноническое право, частію основанное на римскомъ, служившемъ первоначально предметомъ для изученія въ Римѣ и въ Италіи, именно въ Болоньѣ, Падуѣ и другихъ городахъ юга. Какое то было знаніе и какое изученіе, когда во избѣжаніе всѣхъ затрудненій въ пониманіи законовъ, слѣпо держались Summa Ganfredi, или его компендіума,—это можно видѣть на приведенномъ у Мутера примѣрѣ какого-то Генриха фонъ-Кирхберга, твердо знавшаго только то, что римское право высоко стояло въ глазахъ королей и князей, епископовъ и городовъ. Такъ произошелъ классъ полуобразованныхъ адвокатовъ, противъ которыхъ сильно возмущался духъ нѣмецкаго народа,—которые употребляли свое полузнакомство съ иностранными правами, т.-е. съ каноническимъ и римскимъ для того, чтобы ста-

рые процессы дѣлать вѣчными, и порождать столже безконечные новые». Но, такъ какъ церковь, на западѣ, составляла въ средніе вѣка высшій авторитетъ, а феодальное государство — могущественную силу; то соединеннымъ дѣйствіемъ церкви и правительства народное право должно было на западѣ уступить мѣсто иноземнымъ. Римское право было наконецъ принято, jus receptum, а затѣмъ стало почти исключительно господствовать въ Германіи, несмотря на то, что сами Римляне признавали свое право своимъ, національнымъ, и что впослѣдствіи, при болѣе частыхъ сношеніяхъ съ иноземцами, сами допустили въ свою исключительную систему римскаго права новый элементъ—jus gentium, т. н. jus praetorium, jus bonitarium, etc. освящая такимъ образомъ и для другихъ идею національности права. Не побоечься ли и намъ стать романистами болѣе самихъ Римлянъ.

2). Пандекты профессора Барона начинаются опредѣленіемъ особаго пандектнаго права, которое въ Германіи составляетъ только часть *общаго права*, des gemeinen Rechts, состоящаго изъ Римскаго, Каноническаго, Лонгобардскаго леннаго и отечественнаго нѣмецкаго права. Первая составная часть этой амальгамы—римское право, принятое въ теченіе времени между половиной XV и половиной XVI вѣка, носитъ спеціально названіе права пандектъ.

Причины, или лучше поводы къ принятію римскаго права въ Германіи перечислены у Барона такъ: «недостатокъ историческаго чутья и знанія, вслѣдствіе чего уже при наслѣдникахъ Карла Великаго нѣмецкая имперія считается продолженіемъ римской монархіи; стремленіе нѣмецкихъ императоровъ перенести на свою личность могущество и единодержавіе римскихъ императоровъ; превосходство римскаго права и недостатки тогдашняго нѣмецкаго, не представлявшаго готовыхъ, руководительныхъ началъ; господство римскаго права въ церкви, и вторженіе докторовъ права въ администрацію и въ судъ, особенно, при развитіи юридическихъ факультетовъ. Наконецъ судьи стали давать присягу, судить по римскому праву, и многіе ученые, собственно романисты стали доказывать, что римское право принято не токмо въ пособіе и дополненіе отечественнаго, а все сполна, для полнаго господства тамъ гдѣ нѣтъ особыхъ узаконеній, ограничивающихъ его примѣненіе». Весьма знаменательно, что въ Германіи все еще спорятъ объ этомъ способѣ и размѣрѣ примѣненія римскаго права, допуская, стало быть, въ принципѣ

совмѣстное дѣйствіе римскаго, каноническаго, нѣмецкаго и даже лонгобардскаго правъ, и потребность совмѣстнаго изученія всѣхъ этихъ системъ права. Урокъ и примѣръ для нашихъ пандектистовъ, которые, кажется, хотѣли бы собственною эрудиціею замѣнить отечественное законодательство, называя его казуальнымъ, или казуистическимъ, какъ будто leges, plebiscita, edicta у Римлянъ не были въ свое время столько же казуальными, или казуистическими. Всякое живое право непремѣнно казуистично и только наука возводитъ его въ систему принциповъ. Столько же знаменательно положеніе отмѣченное Барономъ въ § объ источникахъ пандектъ,—положеніе по которому, при встрѣчѣ въ Corpus juris съ греческимъ текстомъ римскаго закона, противорѣчащимъ, или несогласнымъ съ переводомъ его у Глоссаторовъ, плохо знавшихъ греческій языкъ, по началу: graeca non leguntur, текстъ перевода Глоссаторовъ признается за настоящее выраженіе воли законодателя. Стало быть, римское право пандектъ не вполнѣ и не чисто римское право, тѣмъ болѣе, что въ это пандектное римское право вносятся и перемѣны, произведенныя въ римскомъ народными нѣмецкими законами и обычаями. Должно ли намъ слѣдовать положеніямъ пандектистовъ о римскомъ правѣ, или самостоятельно изучать чистое, purum et merum jus romanum — вотъ насущный вопросъ для нашихъ факультетовъ. Что до Германіи, понятно, почему въ ея университетахъ и факультетахъ, повсюду съ пандектъ начинается серьозное изученіе права и юриспруденціи, — изученіе которое несомнѣнно должно было имѣть и имѣетъ весьма сильное, но особое вліяніе на юридическія возрѣнія нѣмецкихъ и вообще западныхъ ученыхъ. Это — азбука для западныхъ юристовъ, ихъ грамматика, ихъ юридическая логика.

Такъ пандектистъ Баронъ, говоря о понятіи права, толкуетъ вообще о правѣ, хотя собственно его дѣло—право частное, гражденское, имущественное. Вотъ почему, слѣдуя за пандектистами, придешь къ отрицанію всякаго другаго права, кромѣ частнаго, гражданскаго. Такъ далѣе пандектистъ говоря о субъектѣ правъ, толкуетъ вообще объ этомъ субъектѣ, признавая за нимъ однакожъ только права имущественныя, такъ что, пожалуй, въ школѣ будутъ отрицать у самыхъ обществъ значеніе субъектовъ. Какъ извѣстно, пандектисты называютъ субъектомъ правъ только лицо физическое, да искусственно распространенное, или вымышленное лицо юридическое, и формально опускаютъ изъ

виду дѣйствительно существующее общество. Далѣе пандектисты, допуская, по требованію современной жизни, разширеніе понятія о лицѣ, забываютъ подобное требованіе относительно разширенія понятія о предметѣ или объектѣ. Нельзя же въ наше время не остановиться на понятіи о такъ называемой литературной и художественной собственности, равно какъ на понятіи о телеграфѣ, о пути сообщенія и дорогѣ, о землѣ въ городѣ, о владѣніи земства, или общины,—вообще о такихъ предметахъ и правахъ на нихъ, которые не были извѣстны древнему Риму. Впрочемъ въ Германіи исключительность возрѣнія пандектистовъ можетъ не быть такъ вредною потому что, на ряду съ римскимъ, тамъ изучаются и каноническое и ленное и нѣмецкое право. Но такъ ли безвредна узкость воззрѣнія въ другихъ странахъ? Да и на западѣ она не безслѣдна.

Самое существенное въ правѣ—ученіе о субъектахъ и ихъ установленіе. По воззрѣнію пандектистовъ, физическое лицо, по преимуществу, или исключительно есть субъектъ права. Въ тоже время наука каноническаго права и леннаго союза, или система нѣмецкаго права установляютъ необходимыя дополненія къ положенію пандектистовъ, говоря, что и церковь имѣетъ права, хотя ни церковь, ни народъ не суть физическія лица, ни даже фикціи, а реальныя, дѣйствительныя существа — общества. Эти же права, каноническое, ленное, народное служатъ далѣе для уравновѣшенія—стремящагося къ преобладанію узкаго воззрѣнія пандектистовъ на объекты права и на самую природу правъ, доказывая напр. что могутъ существовать права на школы и ихъ учрежденіе, и существуютъ вліяніе и власть церкви на религіозную жизнь народа, равно какъ власть народной жизни и ея вліяніе на обычаи страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ на ея законодательство и право. Принимая положеніе пандектистовъ, по которому права принадлежатъ только физическимъ лицамъ, да ихъ договорнымъ соединеніямъ—лицамъ юридическимъ, становится необъяснимымъ, почему вносятъ они въ пандектную свою систему семейное право, или право семьи, не имѣющей значенія ни лица физическаго, ни лица юридическаго. Но и помимо этой аномаліи, даже на западѣ Европы, гдѣ на ряду пандектнаго римскаго права съ его физическимъ лицомъ, какъ исключительнымъ субъектомъ правъ, существуютъ еще права каноническое, ленное, народное, есть много явленій анормальныхъ, неправильныхъ, происходящихъ именно отъ узкаго воззрѣнія пан-

дектнаго римскаго права. Для доказательства перенесемся въ область политики, по поводу сочиненія Навиля.

3). Эрнестъ Навиль собралъ большой запасъ разныхъ извѣстій изъ жизни Европы и Америки для доказательства той мысли, что старинный способъ выборовъ въ депутаты для народнаго представительства и не справедливъ и вреденъ. Вѣроятно, извѣстно многимъ, что въ Женевѣ образовалось, существуетъ и дѣйствуетъ особое общество, association reformiste, съ цѣлію повсюду измѣнить старый порядокъ выборовъ, и повсюду рекомендовать и вводить новый. Старый, или теперь повсюду дѣйствующій способъ выборовъ состоитъ въ томъ, что большинство избирателей рѣшаетъ вопросъ объ избраніи того, или другаго лица въ депутаты. Для этого страна дѣлится на избирательные округи, и въ каждомъ округѣ тотъ изъ кандидатовъ правительства, или оппозиціи, тори, или вигъ признается избраннымъ, который имѣетъ за себя большинство голосовъ въ округѣ. Просто и понятно. Въ новой системѣ выборовъ, населеніе страны, или количество голосовъ и физическихъ лицъ раздѣляется на число депутатовъ, требуемыхъ закономъ въ палату, и полученное въ частномъ числѣ количество физическихъ лицъ, составляя изъ себя избирательную коллегію, своимъ выборомъ творитъ своего представителя, или депутата, для того, говорятъ провозвѣстники новой системы, чтобы каждое мнѣніе имѣло въ палатѣ своего представителя. Противъ этого ариѳметически, но не юридически справедливаго способа избранія депутатовъ въ Англіи, въ 1867 г. въ парламентѣ говорили, что палата общинъ должна состоять не изъ знаменитостей, а изъ практическихъ людей мѣстности, а въ Times писали что «собраніе, въ которомъ будутъ засѣдать представители мнѣній, станетъ Вавилономъ, Лилипутомъ, хаосомъ и ничѣмъ больше». Очевидно, что новая система выборовъ построится на той идеѣ пандектнаго, или римскаго права, по которой субъектомъ права признается физическое лицо, а старый порядокъ избранія основывается на идеѣ противоположной, по которой депутатъ есть только представитель народа и той, или другой его мѣстности. По новому плану выборовъ, въ парламентѣ будутъ высказываться, защищаться и бороться мнѣнія частныхъ лицъ, а по старому, какъ доселѣ, тутъ высказываются, защищаются и борются общіе интересы, общія потребности, общія начала, сознанныя въ разныхъ мѣстностяхъ страны, по нашему, въ разныхъ земствахъ народа. Если земства, графства,

провинціи, города, села, семейства дѣйствительно только фикціи; то останется примкнуть къ association reformiste и ожидать поголовной подачи голосовъ, да наполеоновскихъ плебисцитовъ.

4). Къ тому же даетъ поводъ построеніе политической экономіи, какъ то видно даже изъ сочиненія нашего молодаго, но весьма начитаннаго ученаго, г. Симоненко, по видимому желающаго пробить новую тропу въ области его спеціальности, а потому вездѣ говорящаго объ обществѣ, общественномъ организмѣ, о соціальныхъ наукахъ и даже соціологіи. Второй томъ его сочиненія, лежащій передъ нами, занятъ спеціально вопросомъ о раздѣленіи труда и объ отношеніи къ этому вопросу разныхъ теорій государственной дѣятельности. Кто не слыхалъ про раздѣленіе работы, или труда, «кто самъ не толковалъ про это раздѣленіе? Но, какъ бы кто ни относился къ вопросу о раздѣленіи; кажется, никто серіозно не думалъ на этомъ понятіи строить общежитіе, подобно г. Вагнеру, въ его статьѣ: куда идетъ зоологія *), или подобно нашему автору. Раздѣленіе, рознь и общежитіе—понятія, уже съ перваго раза взаимно исключающія одно другое. Между тѣмъ нашъ авторъ, недовольствующійся античнымъ выраженіемъ, что человѣкъ—существо общественное, по своей индивидуальной безпомощности стремящееся къ общежитію, именно въ раздѣленіи труда находитъ объясненіе сущности общественнаго лица, основаніе для общежитія,—кристаллическую форму государства,—остовъ общественнаго тѣла и жизненную форму человѣчества, и пр. и пр. однимъ словомъ, авторъ силится тутъ найдти для права экономическую основу, или построить право на экономическихъ началахъ. Но несомнѣнно, что для раздѣленія нужна какая-нибудь цѣлость, цѣлая величина, которая, естественно, и въ мірѣ дѣйствительномъ, и въ сферѣ мышленія должна предшествовать акту дѣленія. Вѣдь счастливая идея о раздѣленіи пришла А. Смиту при видѣ и при мысли о фабрикѣ, гдѣ собрано во едино множество рабочихъ и другихъ силъ для одного извѣстнаго производства. Сначала надо собрать, составить, найти, или открыть единство, или организмъ, тѣло, государство, или общество, и уже послѣ того думать объ ихъ дробленіи, дѣленіи, раздѣленіи. Такъ фабрика есть что-то цѣлое, и, по опредѣленной задачѣ производства, направленное

*) Вѣстн. Европы, № 12 за 1871 г.

къ единству, напр. къ одному производству иголокъ, или булавокъ и т. д. Безъ дальныхъ соображеній, всякому понятно, что это производство будетъ болѣе успѣшно, если, не поручая его каждому рабочему вполнѣ, раздѣлите его между разными рабочими, заставивъ одного тянуть проволоку, — другаго — дробить проволоку на опредѣленныя равныя части, —третьяго—завастривать и т. д., такъ что только изъ суммы разныхъ работъ надъ проволокою получится масса иголокъ. Но тутъ раздѣлялось одно производство, и раздѣлялось между соединенными на фабрикѣ рабочими; стало быть, единство и соединеніе предшествовали раздѣленію, а не были слѣдствіемъ раздѣленія. Итакъ повсюду и всегда раздѣленіе опредѣляется связью частей, или элементовъ цѣлаго, если хочетъ быть разумнымъ и полезнымъ.. Какъ же случилось, что нашъ авторъ допустилъ такое hysteron proteron? Потому что держится принятыхъ положеній, вошедшихъ въ политическую экономію цѣликомъ изъ пандектнаго права и изъ его ученія о физическихъ лицахъ, какъ исключительныхъ субъектахъ и факторахъ въ правѣ и въ жизни, чѣмъ физическія лица разсматриваются, какъ равныя одинаковыя силы и существа, а не какъ люди, съ ихъ безконечно различными нуждами и средствами. Нѣтъ, человѣческое общество не составляется прозаически вольно изъ такихъ физическихъ лицъ, а существуетъ такъ же самостоятельно какъ сами лица физическія, и составляетъ изъ себя цѣлыя тѣла и организмъ, подобно органическому тѣлу физическаго лица. Не раздѣленіе труда составляетъ общества, а общества требуютъ для своихъ цѣлей раздѣленія труда. Вездѣ въ природѣ синтезъ предшествуетъ анализу. Раздѣленіе труда есть только одинъ изъ законовъ, по которымъ совершается процессъ общественной жизни, а не самое основаніе общежитія. Общее дѣло раздѣляется въ моментъ своего производства только для успѣшнаго совершенія частей того же общаго дѣла. Стало быть, послѣ каждаго акта производства опять настаетъ и возстановляется единство, которое по этому совершенно не зависитъ отъ раздѣленія труда. Надо сверхъ того отличать раздѣленіе, дѣленіе, дробленіе отъ разложенія, анализа. Первое имѣетъ преимущественно въ мірѣ физическомъ, и состоитъ въ дѣленіи суммы, или цѣлаго на части равныя, или пропорціональныя до безконечности. Второе относится по преимуществу къ быту духовному, и состоитъ въ размѣреніи извѣстнаго единства, или синтеза, или организма на его существенные моменты, или эле-

менты, и не далѣе. Для дѣленія нѣтъ предѣловъ, и оно можетъ совершаться произвольно на большія, или на меньшія части и доли. Такое дѣленіе въ государственной сферѣ выражается формулою: divíde et impera, или началомъ деспотизма и уничтоженіемъ общественнаго, народнаго единства. Для анализа же существуютъ предѣлы, и они даны въ правахъ личности и въ правахъ общества, которыя, бывъ признаны, только скрѣпляютъ единство государственное, и даютъ организму государства силу и прочность. Элементы общественности, какъ органы одного тѣла, естественно, не равны, и именно это-то неравенство служитъ поводомъ къ общественности. Равное раздѣленіе, какъ дѣленіе работъ въ смыслѣ экономическомъ, неминуемо приведетъ къ распаденію общества. Сумма останется тою же, но безъ единства, подобно современной Франціи, которая пала политически не отъ непризначія раздѣленія труда, а отъ его механическаго пониманія и равнаго приложенія ко всѣмъ различнымъ гражданамъ—людямъ, какъ къ одинаковымъ физическимъ лицамъ. Такое равенство только губитъ свободу и Франція пала не отъ недостатка, а отъ излишества раздѣленія. Объясненіемъ нашихъ мыслей можетъ послужить изслѣдованіе Гнейста надъ англійскимъ самоуправленіемъ.

5). Selfgovernment—модное слово, нѣчто въ родѣ послѣдняго слова западной науки. Гнейстъ изложилъ въ приведенномъ сочиненіи всю систему англійскаго самоуправленія, раздѣливъ изложеніе на четыре книги, изъ которыхъ первая посвящена указанію на историческія основы англійскаго самоуправленія.—вторая—описанію чиновнаго (obrigkeitlich) самоуправленія,—третья—изслѣдованію хозяйственнаго (мѣстнаго, общиннаго) самоуправленія, соединенно съ корпоративнымъ,—и четвертая, послѣдняя книга Гнейста занята выводами, извлекаемыми авторомъ изъ предшедшаго изложенія, подъ заглавіемъ: примѣнимые принципы, die anwendbaren Grundsätze.—Изъ исторіи англійскаго самоуправленія нельзя не видѣть той связи, въ которой находятся управленіе страны и поземельное право, господствующее въ ней. «Завоеваніе британскаго острова, совершенное Саксами, Англами и Ютами съ половины V стол., имѣетъ характеръ постепеннаго, но непрерывно развивающагося захвата земли и отнятія ея у Кельтовъ». «Раздѣлъ занятой земли происходитъ не между побѣдителями и побѣжденными, а только между побѣдителями». Да и между ними скоро происходитъ неравенст-

во въ поземельномъ владѣніи, и въ господствѣ надъ тѣми, кто сидѣлъ на ихъ землѣ. Владѣтельный родъ Цердиковъ мало-по-малу становится господствующимъ въ странѣ въ военномъ, судебномъ и богослужебномъ отношеніяхъ, но не исключительно, а раздѣляя свое господство съ землевладѣтельными классами, которые такимъ образомъ сами участвуютъ въ этихъ функціяхъ государственной власти въ предѣлахъ своего владѣнія.

«Такъ государственная власть, являясь дѣйствующею на мѣстѣ, örtlich, составляетъ съ этого момента первую историческую основу англійскаго самоуправленія.» Съ норманскаго завоеванія, земля Англіи принадлежитъ уже не населенію, или его классамъ, а лично одному Вильгельму, какъ наслѣднику по завѣщанію. Всѣ остальные владѣльцы могутъ получить землю только отъ короля, только подъ условіемъ вѣрности и службы, только во временное владѣніе, въ ленъ, въ помѣстье. Получая землю отъ короля, естественно, каждый владѣлецъ получалъ ее съ частію тѣхъ преимуществъ и функцій, которыя принадлежали самому королю, и соединяясь по сосѣдству владѣнія въ графства, сотни и другіе округа, землевладѣльцы содѣйствуютъ установленію мѣстнаго самоуправленія по дѣламъ суда, податей, военнаго дѣла и т. п. Въ послѣдующіе вѣка эти основы только болѣе точно опредѣлялись и только болѣе полно развивались, такъ что въ XVIII вѣкѣ стало совершенно яснымъ, что предметы самоуправленія въ Англіи были общіе какъ для государственнаго, такъ и для мѣстнаго управленія,—что мѣстнымъ управленіемъ завѣдывали графства, города и приходы, и что мѣстность управленія выражалась въ мѣстныхъ чинахъ и въ мѣстныхъ податяхъ, или сборахъ. Къ мѣстнымъ чинамъ относились шерифы, лорды-лейтенанты, мировые судьи, коронеры, констабли, дорожные надзиратели, церковные старосты и надзиратели за бѣдными, наконецъ городскіе чины отъ бургомистровъ до констаблей. Мѣстные сборы, совершаясь по графствамъ, по городамъ, по приходамъ, то на пользу бѣдныхъ, то для дорожнаго дѣла, то для государственнаго хозяйства, носили сообразныя съ назначеніемъ и съ мѣстностію названія, и въ соединеніи съ мѣстными чинами, образовали англійское selfgovernment.

Итакъ англійское самоуправленіе собственно есть государственное управленіе, совершаемое на мѣстѣ, или мѣстными чинами, при посредствѣ мѣстныхъ сборовъ, т.-е. децентрализа-

ція. «Предметомъ самоуправленія, въ Англіи, служатъ не собственныя дѣла мѣстности, а государственныя функціи. Чины этого самоуправленія имѣютъ чистый характеръ государственныхъ чиновниковъ, Staatsämter. И таково историческое значеніе англійскаго сумоуправленія, что по убѣжденію Гнейста, нѣтъ въ этомъ устройствѣ ни чина, ни сбора, или налога, который можно было бы перенести на другую почву и примѣнить къ другимъ отношеніямъ». Прибавимъ отъ себя, что такая прирожденность, или исключительная народность англійскаго самоуправленія составляетъ характеръ не токмо чиновнаго, но и хозяйственнаго, собственно мѣстнаго самоуправленія Англіи, что̀ можно видѣть изъ самаго круга дѣйствій этого мѣстнаго управленія. По англійскимъ законамъ и обычаямъ къ мѣстному, въ этомъ смыслѣ самоуправленію относится только слѣдующіе четыре вопроса: о церквахъ, о бѣдныхъ, о народномъ здравіи,— о путяхъ сообщенія. Но тѣ выводы, которые Гнейстъ дѣлаетъ изъ учрежденія столько народнаго и которые онъ помѣщаетъ въ послѣдней книгѣ своего сочиненія подъ названіемъ: die anwendbaren Gründsätze, представляютъ дѣло въ другомъ свѣтѣ и въ другомъ образѣ, доступномъ для континента. Опуская при этомъ отдѣлъ о чиновномъ самоуправленіи, какъ не имѣющемъ у насъ никакого значенія, остановимся на положеніяхъ Гнейста относительно мѣстнаго, или хозяйственнаго самоуправленія составляющаго полную аналогію съ нашими земскими учрежденіями. *Понятіе самоуправленія*—это право мѣстныхъ жителей составлять для себя обязательныя постановленія, Beschliessungsrecht. *Законныя опредѣленія* для самоуправленія должны истекать не изъ общихъ государственныхъ узаконеній, а непосредственно изъ постановленій округовъ и общинъ, Kreis- und Gemeindeordnungen. *Предметомъ* самоуправленія должны быть не государственныя функціи, а общественные мѣстные интересы, начиная съ поземельнаго владѣнія. *Округи* для самоуправленія обозначаются округами общинъ, городовъ, дистриктовъ. *Органы* этого самоуправленія являются исполнителями мѣстныхъ интересовъ и постановленій, и т. д. и т. д.

Общая мысль книги Гнейста вкратцѣ можетъ быть выражена тѣмъ, что хотя слово самоуправленіе впервые явилось въ Англіи, хотя это англійское самоуправленіе исторически представляется только децентрализаціей государственной администраціи; но дѣло самоуправленія есть дѣло общечеловѣческое, основан-

ное на необходимости признать за мѣстными, по нашему, земскими обществами права особо имъ принадлежащія, какъ самостоятельность и довѣрить этимъ обществамъ распоряженіе ихъ правами, какъ самоуправленіе. Такимъ образомъ мы можемъ разсматривать это сочиненіе Гнейста, какъ ученое обоснованіе для нашихъ земскихъ учрежденій, подобно тому какъ оно признается ученымъ основаніемъ для самоуправленія въ Германіи, напр. въ сочиненіи о преобразованіи внутренняго управленія Пруссіи и т. д. графа де-Гре.

6. Графъ де-Гре начинаетъ свою брошюру положеніемъ, по которому государственная дѣятельность находитъ естественные разумные предѣлы въ самодѣятельности мѣстныхъ, меньшихъ, но болѣе тѣсныхъ союзовъ. Вотъ почему самоуправленіе содѣлалось, говоритъ авторъ, лозунгомъ для всѣхъ партій. Надо сознаться, продолжаетъ онъ, что современная прусская администрація не наблюдаетъ этихъ естественныхъ своихъ предѣловъ, и вмѣшивается въ экономическій бытъ частныхъ лицъ и общинъ гораздо болѣе того, сколько дозволительно при теперешнемъ состояніи общественныхъ интересовъ и народнаго образованія въ Пруссіи. Между тѣмъ расширеніе участія мѣстности и населенія въ управленіи требуется самымъ государственнымъ устройствомъ Пруссіи. Самоуправленіе служитъ хорошею школою для образованія общественныхъ дѣятелей,— облагораживаетъ и возвышаетъ отдѣльныя личности до самопожертвованія, и воспитываетъ всякаго къ свободѣ въ порядкѣ,— любимое выраженіе нѣмецкихъ писателей, проповѣдывающихъ гармонію между свободою и порядкомъ. Но не довольно для устройства самоуправленія въ странѣ принять ту—другую изъ существующихъ за границею готовыхъ системъ самоуправленія, или сочинить произвольную апріорическую систему. Должно принять въ соображеніе существующія обстоятельства и отношенія и устроить самоуправленіе на основахъ существующаго, фактическаго состоянія страны. Такова цѣль автора «преобразованія управленія въ Пруссіи».

Авторъ не хлопочетъ объ установленіи, или объ отысканіи предѣловъ и границъ между государственнымъ управленіемъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ, особенно потому что признаетъ это самоуправленіе только участіемъ и содѣйствіемъ населенія государственной администраціи и занимается исключительно вопросомъ о формахъ этого участія и содѣйствія. При этомъ

графъ де-Гре останавливается на трехъ формахъ, на трехъ инстанціяхъ самоуправленія, начиная съ мѣстной общины, ortsgemeinde, переходя затѣмъ къ округу, Kreis, по нашему къ уѣзду, и кончая провинціей, губерніей и рѣшительно отрицая и отвергая такъ называемую въ прусск. законахъ и законопроэктахъ чиновную общину, Amtsgemeinde, нѣчто аналогическое, или схожее съ нашею волостію. И нельзя не согласиться съ авторомъ, что введеніе волости въ число трехъ указанныхъ организмовъ самоуправленія произведетъ только путаницу. Но въ Пруссіи и въ Германіи, кромѣ того, существуютъ особыя затрудненія для устройства самихъ общинъ, по причинѣ громаднаго различія между тамошними деревнями, Dörfer и городами равно какъ между поселеніями крестьянъ, чаще всего живущихъ въ разсыпную, in Höfen и усадьбами крупныхъ землевладѣльцевъ, съ ихъ Rittergüter &. Такъ, что вообще въ Германіи установленіе субъэктовъ, или факторовъ самоуправленія весьма трудно, въ наше время. Разрушая столько вѣковъ свои общины, во имя централизаціи, Германія теперь имѣетъ новую задачу возсоздать и создать ихъ, для самоуправленія.

На этомъ основаніи мы, съ своей стороны, признаемъ вопросами мѣстными, не имѣющими общаго ученаго интереса, всѣ положенія графа де-Гре объ общинѣ, объ округѣ и провинціи, и переходимъ къ послѣдней части сочиненія, говорящей о приведеніи въ дѣйствіе началъ реорганизаціи, изложенныхъ авторомъ. При этомъ опять встрѣчаемъ ту мѣстную, Германіи, или западу свойственную особенность, по которой тамъ самоуправленію сообщается значеніе государственнаго, только выполняемаго на мѣстѣ самымъ населеніемъ. «Государство и община не составляютъ противоположности», вотъ сущность и основа воззрѣнія. Мы очень хорошо знаемъ, что нѣтъ и быть не можетъ противорѣчія между государственной администраціей и земскимъ самоуправленіемъ, подобно тому, какъ между государственнымъ управленіемъ и частными правами гражданъ. Но въ тоже время мы увѣрены, что нельзя никому не видѣть различія между тѣмъ другимъ и третьимъ, и что это различіе состоитъ не въ одномъ географическомъ объемѣ дѣйствія, но существенно лежитъ въ самой природѣ вѣдомства, или объекта. Такимъ образомъ, не сомнѣнно, война и миръ, законодательство и судъ, равно какъ общее управленіе страною принадлежитъ исключительно къ функціямъ государства, подобно тому, какъ несомнѣнно власть

и распоряженія по имуществамъ въ домѣ и въ полѣ исключительно принадлежатъ хозяину этихъ имуществъ, домовъ и полей. Остается вопросъ, есть ли у общинъ, у селъ и городовъ, или у земствъ уѣздныхъ и губернскихъ такіе предметы исключительнаго распоряженія, которые не входятъ въ область частнаго права, но такъ же не должны быть втискиваемы въ кругъ общей государственной администраціи? На этотъ вопросъ мы русскіе отвѣчаемъ, согласно закону 1864, янв. 1, утвердительно; но такъ же утвердительно отвѣчаютъ на него и западные писатели въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорятъ о вѣдомствѣ или объемѣ своего «самоуправленія», только по историческимъ причинамъ, то разширяя сверхъ мѣры это вѣдомство, то съуживая безъ основанія объемъ своего самоуправленія. Такъ напр. графъ де-Гре сюда причисляетъ и корпусъ жандармовъ, и исполнительную полицію, и надзоръ за сходбищами, тайными обществами, книгопечатаніемъ и т. д. и т. д., хотя очевидно, тутъ должно дѣйствовать правительство, равно какъ въ дѣлѣ сбора податей, отправленія воинской повинности, устройства и отправленія правосудія. Когда нѣмецкіе ученые обратятъ свое вниманіе на вѣдомство, принадлежащее исключительно ихъ общинамъ и округамъ, тогда они уяснятъ себѣ какъ органы самоуправленія, такъ и самый смыслъ этого принципа. До тѣхъ поръ ихъ сочиненія о самоуправленіи важны для насъ только тою общею стороною, по которой они излагаютъ важность и великое значеніе и вліяніе принципа самоуправленія.

7. Въ этомъ отношеніи профессоръ Телькампфъ высказалъ, въ приведенномъ своемъ сочиненіи, весьма много важныхъ истинъ. «Трудная проблема—согласить и примирить свободу съ порядкомъ въ государствѣ разрѣшается только при помощи самоуправленія. Французская бюрократія, ставя каждаго въ изолированное положеніе, толкаетъ его къ эгоизму и къ матеріальному наслажденію. Самоуправленіе развиваетъ характеръ общественныхъ дѣятелей и пріучаетъ народъ къ законному пользованію свободой». «Но самоуправленіе должно соотвѣтствовать свойствамъ и развитію народа. Первоначально, здоровое, разумное самоуправленіе составляло достояніе всей германской расы и уничтоженное въ нѣмецкихъ селахъ, сохранялось въ нѣмецкихъ городахъ даже въ средніе вѣка; но особенно развилось въ Англіи, равно какъ въ сѣверной Америкѣ, среди англійскихъ выходцевъ». На этомъ историческомъ основаніи, Телькампфъ

раздѣляетъ свою книгу на три отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ изложенію нѣмецкаго самоуправленія, второй англійскаго, а третій американскаго selfgovernment.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ, намъ бы хотѣлось остановить вниманіе читателей на положеніи автора относительно того, будто бы самоуправленіе есть учрежденіе исключительно германской расы. Такое положеніе, конечно, не вызоветъ протеста нѣмецкой науки, разсматривающей всѣ свои вопросы только въ ихъ примѣненіи къ народамъ нѣмецкой, германской расы и къ націямъ романскаго происхожденія и забывающей про весь славянскій міръ; но мы не можемъ, не должны молчаніемъ пройдти такую непростительную забывчивость нѣмецкой науки и обязаны напомнить при этомъ про нашу древнѣйшую вервь Русск. Правды,—про наши вѣча въ удѣльный періодъ,—про нашу земщину, во всю ширину древней русской исторіи,—про наши села и сельскіе сходы, на всемъ пространствѣ русской земли и т. п., для доказательства, что славяне, русскій народъ искони имѣлъ расположеніе къ самоуправленію и во многихъ случаяхъ, развилъ его до учрежденій, имѣющихъ всю аналогію съ учрежденіями западнаго германскаго самоуправленія.

Самъ авторъ долженъ признать справедливость нашего положенія, потому что говоря объ условіяхъ для самоуправленія, онъ не видитъ ихъ только въ романской національности, совершенно отличной отъ русской. «Романскіе народы, говоритъ онъ разумѣется по началу Римлянъ, стремятся съ безусловному единству, къ военной дисциплинѣ, къ церковной іерархіи, къ бюрократической централизаціи, потому что они страстны, честолюбивы, склонны къ наслажденіямъ, и потому менѣе нѣмецкихъ народовъ способны къ самообладанію или къ самоуправленію и къ гармоническому сліянію свободы съ порядкомъ». Мысль совершенно вѣрная; только она выражена не точно, по причинѣ того піэтета, который нѣмецкіе ученые питаютъ къ римскимъ началамъ личности. Должно было бы прибавить, что у народовъ романскихъ господствуетъ стремленіе къ безусловному *личному* единству, къ дисциплинѣ и къ іерархіи, воплощаемыхъ единичными личностями, и къ бюрократіи, во главѣ которой стоятъ отдѣльные приказные, выражаясь по русски, въ отличіе отъ людей земскихъ. Равномѣрно должно было бы прибавить, что романскіе народы жадны до наслажденій премму-

щественно *чувственныхъ*, *матеріальныхъ*, о чемъ заявилъ авторъ на первой страницѣ сочиненія.

«Существо самоуправленія, продолжаетъ Телькампфъ, состоитъ въ самостоятельномъ распоряженіи дѣлами общинъ и уѣздовъ или округовъ и областей, со стороны и на счетъ ихъ мѣстныхъ жителей, посредствомъ выборныхъ мѣстныхъ властей. Въ самоуправленіи общинъ заключена сила свободныхъ народовъ. Хорошее самоуправленіе общинъ служитъ условіемъ для осуществленія самоуправленія въ округахъ, областяхъ и провинціяхъ».

«Выборъ мѣстныхъ властей есть выраженіе довѣрія согражданъ» и т. д. «Для совершенія выборовъ по закону Пруссіи, образуются въ каждой мѣстности, три съѣзда, или схода избирателей, а именно: съѣздъ большихъ землевладѣльцевъ,—съѣздъ представителей отъ сельскихъ общинъ, и съѣздъ представителей отъ города». (Почти буквальное указаніе на рус. законъ 1864, янв. 1) Авторъ говоритъ, что въ Пруссіи готовится новый законо-проэктъ о дѣлѣ, а потому онъ «ограничивается замѣчаніемъ, по которому раздѣленіе избирателей на три коллегіи неминуемо поведетъ къ сословной неравномѣрности въ правахъ» чего конечно, авторъ не можетъ одобрить. Другими словами, Телькампфъ стоитъ за сліяніе сословій, при самоуправленіи, такъ же точно, какъ это должно быть и у насъ въ земствѣ.

Далѣе авторъ излагаетъ самостоятельное управленіе въ общинахъ, въ округахъ и въ провинціяхъ, и отношенія, возникающія между самоуправленіемъ и государственнымъ управленіемъ въ Пруссіи; послѣ чего слѣдуетъ у него Selfgovernment въ Англіи и въ Америкѣ. Нельзя при этомъ не отмѣтить различіи во взглядахъ графа де-Гре, отрицающаго Amtsgemeinde и профессора Телькампфа, защищающаго эту составную общину; равномѣрно нельзя не упомянуть о различіи воззрѣній Телькампфа и кн. Васильчикова на вѣдомство самоуправленія. Тогда какъ нашъ соотечественникъ считаетъ дѣломъ самоуправленія и государственныя дѣла, подати, повинности, судъ и т. п., профессоръ Телькампфъ отличаетъ вѣдомство самоуправленія отъ дѣлъ государств. управленія и требуетъ формальнаго законнаго разграниченія этого вѣдомства, съ чѣмъ невозможно не согласиться разумѣя подъ самоуправленіемъ не одну децентрализацію, а самостоятельное управленіе мѣстныхъ жителей ихъ собственными общими дѣлами.

8. Послѣдній, третій томъ сочиненія кн. Васильчикова, о

самоуправленіи, посвященъ вопросу о земскихъ сборахъ, смѣтахъ и раскладкахъ, начиная съ мѣстныхъ сборовъ Англіи,— добавочныхъ сантимахъ Франціи и сборовъ въ Пруссіи, и заключая земскими смѣтами раскладками въ Россіи, какъ до реформы 1864 г., такъ и по законамъ 1864 и 1866 годовъ, и притомъ съ указаніемъ на разныя системы раскладокъ, господствующія въ Англіи, во Франціи и въ Пруссіи. Невозможно усумниться въ томъ, что русскіе образованные люди, такъ или иначе призываемые закономъ къ принятію участія въ дѣлахъ русскаго самостоятельнаго земскаго управленія, найдутъ въ этомъ третьемъ томѣ сочиненія нашего достойнаго изслѣдователя кн. Васильчикова весьма обильный источникъ и запасъ положеній и фактовъ для размышленія, для изученія и для приложенія къ земскому дѣлу. Мало въ этомъ III томѣ историческихъ замѣтокъ относительно древнихъ русскихъ законовъ и обычаевъ, и только въ I, встрѣчаемъ подходящую къ вопросу о раскладкахъ страницу: «въ противность англійскому порядку русскій законъ, или лучше обычай подвергалъ казенному обложенію не имущество вольное, а напротивъ такое, которое кромѣ фискальнаго тягла, исправляло повинность, оброкъ, или барщину» и т. д. «Такъ какъ тяглыя земли были во владѣніи простаго народа, то и повинности на него были возлагаемы и земскія права его не миновали. Отъ людей изъ простаго народа до XVII стол. выбирались земскіе старосты и цѣловальники, при участіи въ выборахъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ; раскладка дѣлалась міромъ при посредствѣ выборныхъ окладчиковъ; всѣ податные верстались сами промежъ себя, по животамъ, по промысламъ и по угодьямъ», и т. д. За то лишь тамъ находится единственная обличительная ошибка въ переводѣ древняго выраженія: по животамъ, на новый языкъ словомъ: по скоту.

Самое интересное для всѣхъ не спеціалистовъ въ финансовыхъ операціяхъ, это заключеніе III тома и всего сочиненія,— заключеніе, котораго послѣднія строки мы привели въ нашемъ разборѣ сочиненія кн. Васильчикова.

В. Лешковъ.

31 января 1872 года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1) Criminalistische und nationalökonomische Gesichtspunkte mit Rücksicht auf das deutsche Reichsstrafrecht. Von W. C. Wahlberg. Wien 1872.

Книжка эта, посвященная Гольцендорфу, разсматриваетъ систему уголовнаго права съ точки зрѣнія экономической. Авторъ, по его словамъ, старается ввести въ эту область науки *реализмъ* и подводитъ преступленіе и наказаніе подъ мѣрку хозяйственныхъ интересовъ. Онъ дѣлитъ свое сочиненіе на три части: первая трактуетъ о «лицахъ и вещахъ въ уголовномъ правѣ», вторая—объ «экономическомъ принципѣ уголовнаго права» и третья—о «наказаніи». Излагая преимущественно тѣ свойства лицъ и вещей, которыя имѣютъ значеніе въ уголовномъ правѣ, авторъ касается жизнеспособности, пола, возраста, здоровья, родства, званія, занятій лицъ, глухонѣмоты, безумія, отношеній лицъ въ пространствѣ и количествѣ движимости, недвижимости, употребляемости и принадлежности вещей, цѣнности и оборота. Тутъ говорится о вещахъ главныхъ и принадлежностныхъ, чужихъ вещахъ, о предметахъ собирательныхъ, о сходствѣ вещей, о запираніи вещей и средствахъ къ этому. Въ этомъ отдѣлѣ интересны взгляды автора на вопросъ о томъ, какую роль играютъ *животныя* въ уголовномъ правѣ. Животныя неспособны къ совершенію преступленій, точно также нѣтъ преступленій противъ животныхъ. Жестокое обращеніе съ ними наказуется не какъ нарушеніе правъ животнаго, но какъ оскорбленіе нравственнаго чувства человѣка, которое находится подъ защитой уголовнаго закона.

Отношенія лицъ къ вещамъ, авторъ характеризуетъ понятіемъ о взаимной зависимости. «Лице владѣетъ имуществомъ, но и имущество владѣетъ лицемъ: оно требуетъ отъ него затраты капитала, труда и времени».

Слѣдующая за тѣмъ статья о вмѣняемости, которая съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на то, что никакая *провинность* общества не можетъ освободить отъ отвѣтственности отдѣльное лице, начинается съ положенія: «какимъ человѣкъ рождается, такимъ онъ болѣе или менѣе остается на всю жизнь». Это положеніе нельзя назвать особенно удачнымъ; рядомъ съ *прирожденнымъ* немаловажную роль играетъ и *нажитое* и два ребенка родившихся при одинаковыхъ обстоятельствахъ и съ почти одинаковыми данными могутъ развиться въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Человѣкъ также не можетъ родиться преступникомъ, какъ и святымъ.

Въ главѣ о вещахъ Вальбергъ дѣлаетъ весьма остроумныя параллели между различными вещами по ихъ положенію, цѣнности и т. д. «Есть вещи, говоритъ онъ, которыя обыкновенно находятся взаперти или подъ личной охраной, между тѣмъ какъ другіе (напр. земледѣльческія орудія, строительные матеріалы, срубленный лѣсъ) этого не требуютъ. То что для первыхъ представляетъ положеніе нормальное, то для вторыхъ ненормально. Кредитныя бумаги или карманные часы, хранятся въ домѣ и не оставляются въ полѣ или на мѣстѣ работъ. Кто найдетъ въ полѣ вещь первой категоріи знаетъ что она находится тамъ по желанію хозяина, относительно вещи второй категоріи этого подумать нельзя. Тамъ очевидны отношенія чужой воли къ вещи, тутъ они не замѣчаются. Эта то очевидность важна нетолько для безопасности вещи, но и для оцѣнки умысла и наказуемости». Вещи, находящіяся внѣ оборота, не представляющія никакой денежной цѣнности, могутъ быть объектомъ правонарушенія. Локонъ волосъ, засохшій цвѣтокъ, старые театральные билеты могутъ быть предметомъ кражи.

Въ отдѣлѣ «объ экономическомъ принципѣ въ уголовномъ правѣ указывается на то, что не всякое преступленіе составляетъ экономическое зло. Далѣе съуживая смыслъ слова «экономія» Вальбергъ замѣчаетъ, что и въ наказаніи должна быть соблюдаема строгая экономія, иначе ничто не обойдется государству такъ дорого, какъ преступленіе. Къ уголовной политикѣ примѣнимъ въ полномъ объемѣ тотъ хозяйственный принципъ,

что нужно всегда стараться достигнуть возможно большаго результата (уголовнаго) при возможно меньшей затратѣ труда и капитала. Это воззрѣніе вопреки заявленію Вальберга, вовсе не ,ново: оно высказано еще Бентамомъ.

Въ «системѣ наказаній» Вальбергъ отвергаетъ смертную казнь на общепринятыхъ основаніяхъ прибавляя только то, что она лишаетъ общество всей суммы способностей даннаго лица. Точно также онъ не признаетъ и пожизненнаго заключенія. Онъ возстаетъ далѣе противъ общеобязательныхъ работъ въ мѣстахъ заключенія, потому что при этомъ заключенному приходится исполнять такія работы, которыя не только не могутъ имѣть на него воспитательнаго исправительнаго вліянія, но могутъ вредить его чувству личнаго достоинства, здоровью и способностямъ. Особенно сильно полемизируетъ онъ противъ корыстнаго и жестокаго способа вознагражденія работы заключенныхъ. Исправительныя рабочія мѣста заключенія должны говорить своимъ паціентамъ: «пріучитесь правильно цѣнить свои отношенія, къ закону и труду. Трудитесь и вы будете вознаграждены, хотя трудъ отниметъ у васъ не больше силъ и времени, чѣмъ преступленіе. Лѣнь все болѣе и болѣе будетъ погружать тебя въ бездну несчастія и виновности. Ты долженъ вознаградить своей жизненной силой то, что ты отнялъ у общества. Если ты затратишь ее съ пользой и честью, то вновь будешь допущенъ въ кругъ тѣхъ, кто свободно пользуется трудомъ и капиталомъ, производствомъ и потребленіемъ». По мнѣнію Вальберга, довольно оптимистическому, «надежда на соціальное и экономическое возрожденіе, возбуждаемая и питаемая въ преступникѣ *религіею труда* и поддерживаемая *религіею любви* подкрѣпляетъ и оживляетъ тысячи несчастныхъ въ мучительномъ однообразіи тюремнаго гнета и приноситъ лучшіе плоды чѣмъ орудія пытки». Вслѣдствіе этого онъ требуетъ, чтобы законъ ограничилъ власть тюремнаго начальства, отмѣны волчьихъ паспортовъ и т. д.

Относительно лишенія чести (по нашему всѣхъ или особенныхъ правъ состоянія) Вальбергъ совершенно справедливо порицаетъ цѣльность, огульность этого наказанія. Смотря по преступленію, лице можетъ быть лишаемо тѣхъ или другихъ правъ; полное лишеніе правъ иногда весьма вредно отзывается на интересахъ третьихъ лицъ ни въ чемъ неповинныхъ. Сюда примыкаетъ полицейскій надзоръ, который Вальбергъ признаетъ

недостигающимъ цѣли и вреднымъ въ экономическомъ отношеніи для лица, уже претерпѣвшаго наказаніе.

Сочиненіе кончается разсмотрѣніемъ денежныхъ наказаній. Изъ этого краткаго изложенія нельзя не замѣтить, что хотя книжка Вальберга весьма содержательна, хотя въ ней много новаго, интереснаго, но направленіе ея не выдержано, логическіе скачки довольно странны по временамъ. А Вальбергъ чуть не лучшій криминалистъ Австріи. Не указываетъ ли это на недостатокъ самаго метода, способа обработки принятаго теперешней наукой уголовнаго права? По классификаціи Конта можно бы сказать, что уголовное право находится въ теологическомъ періодѣ и каждый вопросъ въ немъ, при малѣйшемъ прикосновеніи, разрастается въ цѣлый лѣсъ противорѣчій, въ которомъ ученые путаются и никакъ не выберутся. На что кажется разработанъ вопросъ о смертной казни, а между тѣмъ нѣтъ конца новымъ сочиненіямъ, нѣтъ конца старымъ взглядамъ. Законодательные корпуса, палаты депутатовъ каждую сессію спорятъ, ученые ежедневно печатаютъ кипы цитатъ—а толку все нѣтъ: людей разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, казнятъ во имя права.

Италіянскій ученый *Antonio Bucellati* обнародовалъ недавно свои лекціи въ Reale Instituto Lombardo di Milano, распадающіяся на три части: въ первой разсматривается Италіянскій военный кодексъ, во второй военныя наказанія, въ третьей военныя тюрьмы. Бучеллати дѣлаетъ историческій обзоръ военныхъ наказаній начиная съ римлянъ и до настоящаго времени, отъ сверженія со скалы до девятихвостой кошки. Онъ указываетъ на чрезмѣрное примѣненіе смертной казни и требуетъ ея отмѣны, не только съ точки зрѣнія цѣлесообразности, но и съ точки зрѣнія этики, разума и исторіи.

Другой италіянецъ *Achille Caprioli* написалъ книгу: *L'abolizione della pena di morte.* Обиліе италіянскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ объясняется ожидаемымъ пересмотромъ законодательства. Но замѣчательно, что италіянскіе противники смертной казни взаимно ослабляютъ другъ друга: одни доказываютъ что вопросъ о цѣлесообразности долженъ быть оставленъ въ сторонѣ, другіе—что этическая сторона не заслуживаетъ вниманія. Этими прекаціями удачно пользуются защитники этой казни доказывая съ одними, что смертная казнь цѣлесообразна съ другими, что она нравственна!

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Московскаго Окружнаго Суда.

1871 года сентября 7 дня, по указу Его Императорскаг Величества, московскій окружный судъ, по IV отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. И. Драницына, въ составѣ членовъ: Н. Н. Коптева, А. А. Зилова и М. П. Фролова, слушалъ дѣло, по прошенію повѣреннаго дмитровскаго купца Ивана Андреевича Винтеръ, присяжнаго стряпчаго Козловскаго, объ обязаніи московскаго купца Александра Матвѣевича Алферова къ возврату его довѣрителю 90 кожъ, или о взысканіи съ него ихъ стоимости. Обстоятельства дѣла: присяжный стряпчій Козловскій, по довѣренности дмитровскаго купца Ивана Андреевича Винтеръ, прошеніемъ поданнымъ суду 24 іюля 1871 года, объяснилъ, что Московскимъ купцомъ *Потоловскимъ взяты были* у московскаго купца Александра Матвѣевича *Алферова девяносто бычьихъ кожъ, для выдѣлки, которыя при запискѣ, отъ 5 января 1869 года, Потоловскимъ были присланы на заводъ его довѣрителя.* По окончаніи выдѣлки, кожи эти, по приказанію Потоловскаго, были доставлены его довѣрителемъ прямо купцу Алферову, въ чемъ отъ Алферова взята росписка. Между тѣмъ Потоловскій предъявилъ въ московскомъ окружномъ судѣ къ Винтеру искъ о невозвратѣ имъ взятыхъ для выдѣлки 90 кожъ; искъ этотъ доходилъ до разрѣшенія московской судебной палаты, которая, принявъ во вниманіе, что Винтеръ, сознавъ полученіе имъ кожъ, не доказалъ того, чтобы Потоловскій отказался

отъ своего права на полученіе оныхъ въ пользу Алферова, и неотрицая самаго факта возврата этихъ кожъ Алферову, признала Винтера обязаннымъ доставить Потоловскому 90 кожъ. А потому, представляя росписку, выданную Алферовымъ 16-го февраля 1870 года, его довѣрителю въ полученіи означенныхъ кожъ, просилъ окружный судъ обязать купца Алферова возвратить его довѣрителю полученныя имъ 90 выдѣланныхъ кожъ, въ случаѣ же отказа, предоставить ему право доказывать стоимость ихъ, въ порядкѣ исполнительнаго производства. Въ судебномъ засѣданіи, бывшемъ по настоящему дѣлу 7-го сентября повѣренный купца Винтера Козловскій просилъ судъ удовлетворить его исковыя требованія въ виду того, что судебная палата, разрѣшая искъ Потоловскаго къ его довѣрителю о возвратѣ Потоловскому отданныхъ Винтеру для выдѣлки 90 кожъ, принадлежащихъ Алферову, признала Винтера обязаннымъ возвратить Потоловскому означенныя кожи, такъ какъ онъ недоказалъ, чтобы Потоловскій отказался отъ права получить оныя, несмотря на то, что кожи были уже переданы Алферову. Въ подтвержденіе сказаннаго, Козловскій представилъ копію съ рѣшенія московской судебной палаты по дѣлу Потоловскаго съ Винтеромъ и записку Потоловскаго отъ 5-го января 1869 года о посылкѣ имъ Винтеру для выдѣлки 90 бычьихъ кожъ. Повѣренный отвѣтчика коллежскій ассессоръ Бѣгичевъ противъ этого возразилъ, что такъ какъ кожи уже находятся у его довѣрителя, то не представляется надобности отчуждать оныя изъ законнаго владѣнія собственника ихъ въ пользу Винтера, который получилъ тѣ кожи отъ Потоловскаго *лишь для выдѣлки*, а потому и не считая Винтера имѣющимъ прямыя отношенія къ его довѣрителю, просилъ въ искѣ его отказать. Обращаясь къ разрѣшенію настоящаго дѣла окружный судъ находитъ, что изъ представленной повѣреннымъ истца копіи съ рѣшенія московской судебной палаты по дѣлу Потоловскаго съ истцемъ по настоящему дѣлу купцомъ Винтеромъ, о возвратѣ взятыхъ Винтеромъ у Потоловскаго для выдѣлки 90 бычьихъ кожъ, окружный судъ по разсмотрѣніи этого дѣла, принявъ во вниманіе, что кожи отъ Винтера переданы уже купцу Алферову, *отъ котораго они были взяты Потоловскимъ для выдѣлки на заводъ Винтера*, въ искѣ сего послѣдняго къ Винтеру отказалъ; но судебная палата, имѣя въ виду условіе 27 марта 1869 года, по которому *кожи эти должны быть возвращены Винтеромъ*

Потоловскому, рѣшеніе окружнаго суда отмѣнила, *признавъ Винтера обязаннымъ возвратить Потоловскому означенныя кожи.* Вслѣдствіе такого рѣшенія судебной палаты, Винтеръ, какъ объяснилъ его повѣренный, въ свою очередь предъявилъ уже къ Алферову настоящій искъ, у котораго тѣ кожи находятся, какъ то удостовѣряетъ представленная повѣреннымъ истца росписка Алферова въ полученіи имъ означенныхъ кожъ и какъ это подтвердилъ на судѣ повѣренный Алферова. Принимая во вниманіе, что купецъ Винтеръ признанъ рѣшеніемъ судебной палаты обязаннымъ возвратить Потоловскому взятыя имъ у него для выдѣлки 90 бычьихъ кожъ, что кожи эти въ настоящее время находятся у купца Алферова, окружный судъ, признавая вслѣдствіе упомянутаго рѣшенія палаты Алферова неимѣющимъ права владѣть означенными кожами, на основаніи 609 ст. I ч. X т. 366, 896 и 868 ст. уст. гр. суд., опредѣляетъ: признать купца Александра Матвѣевича Алферова обязаннымъ возвратить купцу Ивану Андреевичу Винтеру 90 бычьихъ кожъ, а при невозвращеніи ихъ, взыскать съ Алферова въ пользу Винтера стоимость этихъ кожъ, которую предоставить купцу Винтеру доказывать въ исполнительномъ порядкѣ. Судебныя по дѣлу издержки возложить на Алферова. Рѣшеніе это предварительному исполненію неподлежитъ.

II.

Московской судебной палаты.

1872 г. декабря 15 Московская судебная палата, по уголовному департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента П. Г. Извольскаго слушала: доложенное членомъ палаты Д. П. Тихомировымъ дѣло по апелляціонному протесту товарища прокурора Московскаго окружнаго суда Вульферта на приговоръ суда о мѣщанинѣ Лейбѣ Мандельштамъ, обвиняемомъ въ нарушеніи торговаго устава. По выслушаніи доклада и заключенія и. д. прокурора палаты В. И. Петрова, судебная палата находитъ, что еврей Лейба Мандельштамъ, на основаніи дозволенія Московской ремесленной управы на производство мастерства, получилъ на 1870 годъ купеческое свидѣтельство 2-й гильдіи, по которому торговалъ въ Москвѣ галантерейнымъ товаромъ, не только своимъ, но и чужихъ фабрикъ. Въ этомъ дѣяніи, подтверждающимся сознаніемъ подсудимаго и составленнымъ торговою депутаціею актомъ, Московскій окружный судъ не усматриваетъ ничего противнаго законамъ, прокурорскій же надзоръ видитъ въ ономъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 1171 ст. улож. о нак. Исходною точкою при разрѣшеніи сего несогласія, должно служить Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 28 іюня 1865 г. помѣщенное въ первомъ отдѣлѣ XI ст. пол. собр. зак. подъ № 42,264. По силѣ этого узаконенія дозволено проживать въ городахъ внутреннихъ губерній евреямъ ремесленникамъ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено брать гильдейскія сви-

дѣтельства но только по занятію своимъ ремесломъ.—Къ такому именно толкованію слѣдуетъ придти и по обращеніи тщательнаго вниманія на содержаніе записки министра внутреннихъ дѣлъ, послужившей основаніемъ приведеннаго мнѣнія государственнаго совѣта (тамъ же стр. 693).—Поэтому хотя въ 109 ст. уст. ремесл. (по продолженію 1868 г.) и сказано между прочимъ, что цеховые, неисключая и евреевъ, вступивъ въ гильдію, пользуются правами обоихъ состояній, но какъ при существующемъ въ законѣ воспрещеніи евреямъ вообще производить торговлю внѣ мѣста постоянной ихъ осѣдлости и разрѣшеніи поселяться внѣ этихъ мѣстъ лишь евреямъ ремесленникамъ (128 ст. уст. торг.), означенное право распространяется на сихъ послѣднихъ только въ отношеніи ихъ спеціальнаго занятія. Это значитъ, что евреи могутъ по взятымъ гильдейскимъ свидѣтельствамъ содержать число рабочихъ и лавки для производства собственныхъ издѣлій въ размѣрахъ большихъ противъ тѣхъ, которыя представлены положеніемъ о пошлинахъ по промысловымъ свидѣтельствамъ. По этому ст. 109 уст. ремесл. и можетъ быть разумѣема только въ томъ смыслѣ, что составляя изъятіе въ пользу ремесленниковъ евреевъ, дозволяетъ имъ торговлю собственными издѣліями. Если же принять оное толкованіе, то становится необъяснимымъ почему законъ дѣлаетъ льготу именно ремесленникамъ евреямъ, тогда какъ торговля издѣліями чужихъ фабрикъ не имѣетъ никакой связи съ званіемъ ремесленника. Все изложенное такимъ образомъ приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что еврей Мандельштамъ, неимѣя по закону права въ содержимой имъ лавкѣ торговать издѣліями чужихъ фабрикъ, долженъ подлежать за сіе указанной въ 1171 ст. улож. о нак. отвѣтственности, а именно: конфискаціи товаровъ и немедленной высылкѣ изъ Москвы. Что же касается до заявленія защитника подсудимаго Мандельштама о необходимости предварительнаго разсмотрѣнія правъ евреевъ ремесленниковъ на торговлю по гильдейскимъ свидѣтельствамъ вообще, то палата не усматриваетъ въ данномъ случаѣ никакой зависимости уголовнаго преслѣдованія Мандельштама отъ обсужденія его правъ на торговлю, потому что права эти не зависятъ отъ принадлежности его къ тому или другому состоянію, а обусловливаются единственно его происхожденіемъ изъ евреевъ. По этому преступность судимаго дѣянія можетъ быть опредѣлена и безъ раз-

рѣшенія гражданскаго вопроса (27 ст. уст. гр, суд.). Соглашаясь за симъ въ существѣ съ заключеніемъ и. д. прокурора палаты, судебная палата опредѣлятъ: еврея Лейбу Ицкова Мандельштама, признавъ виновнымъ въ предусмотрѣнномъ 1171 ст. улож. о нак. преступленіи, подвергнуть его конфискаціи товаровъ и немедленной высылкѣ изъ Москвы.

III.

Московская судебная палата.

1872 года декабря 4 дня. По указу Его Императорскаго Величества, московская судебная палата, по I-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ Н. А. Слѣпцова, въ составѣ членовъ: И. П. Аристова и М. П. Березникова, при секретарѣ Н. А. Агаповѣ разсматривала дѣло по частной жалобѣ содержащагося въ тюремномъ замкѣ Александра Энгельгардта на опредѣленіе смоленскаго окружнаго суда по жалобѣ его на опредѣленіе судебнаго пристава Вакара по исполнительному листу о взысканіи съ Барона Антона и жены его Октавіи фонъ-Фелькерзамъ 2083 руб. Обстоятельства дѣла получивъ изъ смоленскаго окружнаго суда исполнительный листъ за № 2241 о взысканіи въ пользу Энгельгардта 2083 руб. 33 коп. съ судебными издержками и за веденіе дѣла съ барона Антона и жены его Октавіи фонъ-Фелькерзамъ, повѣренный Энгельгардта, дворянинъ Корсакъ, представилъ этотъ листъ при заявленіи приставу Вакару и просилъ его обратить взысканіе на право Фелькерзамъ арендnаго содержанія имѣнія довѣрителя его въ имѣніи Буловицы, подвергнувъ продажѣ арендный контрактъ, заключенный 22 апрѣля 1871 года. Судебный приставъ Вакаръ, не имѣя въ виду закона, по которому право по договору возможно было бы продавать, отказалъ въ удовлетвореніи этого требованія. Вслѣдствіе сего Корсакъ подалъ въ окружный судъ частную жалобу, въ которой объяснилъ, что если взысканіе можетъ быть обращено на право собственности, то нѣтъ

причины дѣлать исключеніе для права пользованія, которое въ случаѣ, подобномъ настоящему, является правомъ отдѣльнымъ—самостоятельнымъ. Право есть тоже имущество, а потому обращеніе взысканія на право аренды является сообразнымъ съ требованіями 933 ст. уст. гр. суд. почему Корсакъ и просилъ предписать судебному приставу продать съ публичныхъ торговъ означенный арендный договоръ на имѣніе Буловицы. Окружный судъ, разсмотрѣвъ это ходатайство, нашелъ, что ст. 933 уст. гр. суд. перечисляя способы исполненія рѣшенія, говоритъ объ обращеніи взысканія только на имущество. Имущества являются предметомъ права, которое посему уже, очевидно, не можетъ быть признаваемо за имущество и подведено подъ дѣйствіе 933 ст. уст. гр. суд. Затѣмъ требованіе Корсакъ даже не исполнимо въ виду невозможности опредѣлить какую-либо цѣнность арендному праву. Въ договорѣ аренды, какъ и во всякомъ договорѣ, права уравновѣшиваются обязанностями. Выгода, могущая произойти отъ арендnаго пользованія, обусловливается личностью, это право проявляющую, и потому само по себѣ право не имѣетъ цѣнности и не можетъ быть предметомъ взысканія. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что при обращеніи взысканія на право пользованія, уступленное по договору, могутъ быть нарушены права другой договорившейся стороны. При отчужденіи арендnаго права оно можетъ быть пріобрѣтено такимъ лицемъ, арендное пользованіе котораго было бы несообразно съ интересами самаго владѣльца имѣнія, что противорѣчило бы требованіямъ ст. 1537 X. т. ч. I св. зак. граж. На основаніи сихъ соображеній, судъ постановилъ: жалобу Корсакъ оставить безъ уваженія. Разсматривая это опредѣленіе окружнаго суда, вслѣдствіе принесенной на оное Энгельгардтомъ частной жалобы, и соображая ходатайство Энгельгардта съ законами о порядкѣ удовлетворенія присужденнаго денежнаго взысканія, судебная палата находитъ, что по смыслу 933 и послѣдующихъ статей уст. гр. суд. взысканія сего рода могутъ быть обращаемы только на вещное имущество должника, *посему продажа съ публичнаго торга можетъ быть подвергнуто лишь принадлежащее должнику въ собственность движимое или недвижимое имѣніе, но никакъ не право должника, вытекающее изъ какаго либо обязательства или изъ договора объ арендѣ имущества, составляющаго собственность другаго лица.* Вслѣдствіе сего ходатайство Энгельгардта о продажѣ съ публичныхъ тор-

говъ на удовлетвореніе присужденнаго въ пользу его съ барона Фелькерзамъ взысканія, заключеннаго послѣднимъ арендnаго договора на имѣніе Буловицы, принадлежащее взыскателю, какъ лишенное законнаго основанія, не можетъ подлежать удовлетворенію. Посему, признавая опредѣленіе смоленскаго окружнаго суда объ отказѣ Энгельгардту въ ходатайствѣ правильнымъ, московская судебная палата опредѣляетъ: жалобу Александра Энгельгардта оставить безъ послѣдствій.

ДѢЛА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ПО РЕКЕТМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРѢ

(кн. 1—1273, стр. 31—64).

1718 года 27 октября, человѣкъ князя Василья Долгорукаго, Антонъ Островскій и человѣкъ Никиты Борноволокова Василій Симакинъ, имѣя тяжбу въ надворномъ судѣ, передъ судьями передрались. Островскій жаловался на побои и безчестье и дѣло по инстанціямъ поступило въ сенатъ, гдѣ, въ присутствіи самаго Петра Великаго, рѣшено въ пользу Островскаго. Симакинъ приговоренъ къ вознагражденію за побои, къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, пошлинъ и канцелярскихъ расходовъ и кромѣ того за безчестье суда, за драку въ немъ къ битью батогами.

Кажется тѣмъ бы и дѣлу конецъ, такъ какъ указомъ 1718 года 22 декабря, жаловаться на рѣшеніе сената запрещено подъ страхомъ смертной казни, но великіе юристы прошлаго столѣтія—подъячіе съумѣли обойти строгій указъ и дать возможность Борноволокову начать искъ, направленный косвенно противъ сенатскаго рѣшенія. Борноволоковъ подаетъ въ Юстицъ-Коллегію исковую челобитную на побои, нанесенные въ 1718 году 27 октября въ надворномъ судѣ, Островскимъ человѣку его Симакину. Островскій отвѣчалъ, что дѣло это уже разсматривалось въ сенатѣ и рѣшено въ его пользу, а Борноволоковъ, не взирая на то поднимаетъ его въ другой разъ и тѣмъ становится презрителемъ государева указа, за что долженъ подлежать наказанію. Возраженіе Борноволокова на этотъ отвѣтъ, какъ образчикъ ловкой подъяческой казуистики приведемъ въ

подлинникѣ: «о дѣлѣ, которое было въ надворномъ судѣ, по челобитью князь Васильева человѣка Долгорукова Антона Островскаго на человѣка его Никитина на Василья Симакина въ бою и безчестьѣ, въ прошломъ 718 году было и выписка изъ того дѣла была взята въ Юстицъ-Коллегію, а изъ той коллегіи взнесена была въ сенатъ, а въ сенатѣ потому дѣлу было балотированье и по балотированью имяннымъ Его царскаго Величества указомъ прошлаго 719 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, то дѣло вершено: человѣкъ его Борноволокова обвиненъ, а онъ Островскій оправленъ и по присланному указу изъ Юстицъ-Коллегіи въ надворный судъ въ прошломъ 719 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ о томъ иску его Островскаго и о вершеніи того дѣла онъ Борноволоковъ, свѣдомъ и потому указу безспорно и безъ челобитья искъ его Островскаго, заплатилъ сполна, въ чемъ онъ, Островскій, взялъ и росписался и тому человѣку его, Борноволокова, Симакину учинено наказанье—битъ батоги, и съ того иску пошлины и канцелярскія деньги заплачены жъ сполна и о томъ значитъ подъячаго Аѳонасья Ярцева подъ дѣломъ пріемъ; и о томъ дѣлѣ на балотированье и на вершенье онъ, Борноволоковъ, не бивалъ челомъ и нынѣ не бьетъ челомъ. А что де онъ, Островскій, бьетъ челомъ въ Юстицъ-Коллегіи будто онъ, Борноволоковъ, ищетъ иску человѣка своего, онаго Симакина, безчестья и увѣчья въ другой рядъ на немъ, Островскомъ и то де онъ пишетъ въ челобитьѣ своемъ напрасно, потому что челобитья его, Борноволокова, у того прежняго дѣла исковой челобитной нѣтъ и не бывало и допросу ему, Островскому, небывало жъ; а челобитье де его Борноволокова, въ иску бою человѣка его, Симакина, прошлаго 719 года ноября 4-го числа подано въ Юстицъ-Коллегіи на онаго Островскаго первое, чтобъ въ томъ бою человѣка его, какъ онъ его, Симакина, билъ въ надворномъ судѣ допросить и оный Островскій, вѣдая свою вину, ибо къ человѣку его, Борноволокова, въ допросъ не идетъ, а подалъ въ Юстицъ-Коллегію челобитную и въ той челобитной написалъ оный Островскій, ругая де его, Борноволокова, напрасно и приличаетъ презирателемъ Его Великаго государя указу и будто онъ, Борноволоковъ, бьетъ челомъ на вершенье Его царскаго Величества вышеупомянутаго дѣла, какого челобитья небывало и нынѣ нѣтъ; и будто билъ челомъ онъ, Борноволоковъ, ябедническимъ вымысломъ и составомъ и будто прежній бой отъ человѣка его, Борноволокова, учинился ему Остров-

скому по повелѣнью его, Борноволокова, и по прежнему дѣлу и по сему его, Островскаго, челобитью показалъ онъ неправду свою явно, письменно, потому что тотъ человѣкъ его, Борноволокова, билъ его, Островскаго, отъ себя боронясь собою, а не по его, Борноволокова, велѣнью, а въ прежней своей исковой челобитной о томъ повелѣньи бою онъ, Островскій не писалъ и потому стало быть по уложенью росписка. А что онъ, Островскій, нынѣшнимъ челобитьемъ приличаетъ его, Борноволокова, къ наказанью по уложенью и то явно напрасно чему онъ, Островскій, самъ достоинъ за лживое его челобитье и за поклепъ будто на вершеніе и презираніе указу; а ежели-бы де отъ него, Борноволокова, по прежнему дѣлу была исковая на него челобитная и ему-бъ, Островскому, допросъ и потому бы дѣлу также бы указъ учиненъ былъ Его царскаго Величества въ иску его, Борноволокова; а безъ исковыхъ челобитенъ николи никакихъ указовъ о вершеніи дѣлъ не бываетъ, на что и уложеніе не повелѣваетъ и нынѣшнее его, Борноволокова, челобитье въ иску его на него, Островскаго, первое, а не вторичное и къ тому дѣлу и вершенью ничѣмъ противности не показано и о всемъ учинено по Его Великаго Государя указу, о чемъ выше сего объявлено; взявъ свой искъ онъ, Островскій, бьетъ челомъ отбывательствомъ, непохотя противъ его, Борноволокова, челобитья отвѣтствовать, а нынѣшнее челобитье его, Борноволокова, и на его Островскаго, въ бою человѣка его не вторичное; а что де у него, Борноволокова, въ прежнемъ дѣлѣ противъ челобитья его, Островскаго, показано въ допросѣ, въ отвѣтѣ, въ словахъ говорено объ обидѣ его и о бою его первенства Островскаго къ человѣку его, Борноволокова, Симакину и то де стало быть не искъ: показано словами обида отъ него, Островскаго, а не искъ и пишетъ де онъ, Островскій искомъ вторичнымъ напрасно, на что и указъ Великаго Государя и уложенье: безъ челобитья отвѣтъ въ искъ ставить не повелѣваетъ и потому стало быть то его, Борноволокова, нынѣшнее челобитье къ тому дѣлу неприлично, потому что то балотированье было учинено по его, Островскаго, челобитью, а не по его Борноволокова, и Великій Государь пожаловалъ бы его, Борноволокова: велѣлъ противъ прежняго его челобитной о допросѣ онаго Островскаго, свой Великаго Государя указъ учинить».

Юстицъ-Коллегія, справившись узнала, что свидѣтели теперь

выставляемые Борноволоковымъ, были имъ выставлены и прежде и что новаго въ дѣлѣ нѣтъ ничего, въ искѣ ему отказала. Борноволоковъ жаловался въ сенатъ, но и сенатъ призналъ, что дѣло это тоже самое, которое разъ уже имъ было рѣшено и что онъ собственно долженъ бы за теперешній искъ подлежать всей строгости указа 1718 года декабря 22-го, но такъ какъ онъ билъ челомъ не на рѣшеніе сената и приговоръ сенатскій исполнилъ, то хотя въ искѣ ему отказать, но не наказывать. И такъ, если уловка обойти законъ, Борноволокову и не удалась, то во всякомъ случаѣ, благодаря ловкости его адвоката-подъячаго, и не повела къ тяжкимъ послѣдствіямъ.

И. Б.....ъ

ИЗЪ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.

338 и 542 ст. улож.

Въ окружный судъ представлены были жалобы содержателей земскихъ ямскихъ станцій на неправильное пользованіе мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ подводною повинностью. Жалобы девяти крестьянъ, содержателей уѣздныхъ земскихъ станцій заключались въ томъ, что слѣдователь при поѣздкахъ по дѣламъ службы бралъ по 3, по 4 и по 5 лошадей подъ свой экипажъ, но денегъ за это не платилъ, по большей части, подъ тѣмъ предлогомъ, что запряжка лошадей производится медленно, а ѣзда неудовлетворительна. Слѣдователь, по поводу этихъ жалобъ, объяснилъ, что отъ земской управы ему выдаются ежемѣсячно 28 руб., съ тѣмъ, чтобы при разъѣздахъ своихъ онъ платилъ ямщикамъ прогонныя деньги, что имъ и исполняется, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ находитъ нужнымъ, вслѣдствіе неисправности ямщиковъ, слѣдующія за лошадей деньги препровождать въ земскую управу, для должнаго взысканія съ неисправныхъ ямщиковъ. При этомъ слѣдователемъ представлена копія съ отношенія его въ земскую управу, изъ которой видно, что слѣдователь, сообщая управѣ о неисправностяхъ на земскихъ станціяхъ, просилъ управу увѣдомить его кому изъ содержателей названныхъ имъ станцій управа признаетъ возможнымъ выдать удержанныя имъ прогонныя деньги.

По обсужденіи этихъ жалобъ образовались три различные взгляда на поступокъ слѣдователя. По первому, въ настоящемъ случаѣ обязанность уплаты слѣдователемъ прогонныхъ денегъ вытекала не изъ правъ и обязанностей, присвоенныхъ должности слѣдователя, а изъ распоряженій управы, выдававшей слѣ-

дователю деньги и открытые листы. При такомъ распоряженіи управы ямщики, неполучая слѣдовавшихъ имъ денегъ, вправѣ были отказать въ поставкѣ лошадей, если же они давали ихъ слѣдователю безъ предварительной уплаты денегъ и считаютъ слѣдователя своимъ должникомъ, то имъ принадлежитъ право взысканія въ общемъ, гражданскомъ порядкѣ.

Противное этому мнѣніе было мотивировано слѣдующимъ образомъ: жалобы ямщиковъ заключаются въ томъ, что слѣдователь, имѣя право пользоваться лошадьми земскихъ станцій не иначе, какъ съ платежемъ прогоновъ, бралъ лошадей безпрогонно. Слѣдователь не отрицаетъ фактъ неуплаты прогоновъ, объясненіе же его объ отсылкѣ въ управу слѣдовавшихъ съ него ямщикамъ денегъ, опровергается содержаніемъ отношенія въ управу, на которое онъ ссылается и изъ котораго видно, что деньги отсылаемы въ управу не были; притомъ же и отношеніе то послѣдовало уже послѣ подачи жалобъ ямщиками. По приложенію къ 238 ст. учр. суд. уст. судебнымъ слѣдователямъ назначаются на разъѣзды лошади на томъ же основаніи какъ становымъ приставамъ и чинамъ полиціи вообще, а по силѣ 200—233 ст. т. V уст. о зем. пов., поставка лошадей чинамъ полиціи отнесена къ натуральной земской повинности. Отсюда слѣдуетъ, что требованіе слѣдователя о поставкѣ лошадей для разъѣздовъ по должности, истекаетъ изъ правъ присвоенныхъ должности слѣдователя и всѣ дѣйствія предпринимаемыя къ осуществленію такого требованія, должны причисляться къ дѣяніямъ по службѣ. То обстоятельство, что въ данной мѣстности исполненіе подводной повинности производится не натурой, а денежнымъ сборомъ, съ устройствомъ земскихъ станцій, непзмѣнлетъ существа дѣла. Подводная повинность, какъ всякая натуральная, по смыслу 10 и 189 ст. т. IV уст. о зем. пов. и на основ. § 25 врем. прав. для зем. учр. по усмотрѣнію земства, можетъ быть отправляема или натурой, или денежнымъ сборомъ; но при этомъ въ законѣ нигдѣ не содержится указанія на то, чтобы съ замѣною натуральной повинности денежною измѣнялись бы свойство, цѣль и пользованіе ею. При переложеніи натуральной подводной повинности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ данной, часть денежнаго сбора обращена на содержаніе земскихъ станцій, а другая часть на выдачу лицамъ, пользующимся правомъ разъѣздовъ съ тѣмъ, чтобы эти лица пользовались лошадьми земскихъ станцій съ платежемъ

прогоновъ. Съ устройствомъ земскихъ станцій, обязанность поставки лошадей переносится лишь съ лица обывателей на содержателя земскихъ станцій. Отсюда должностное лицо, обращаясь къ содержателю земской станціи съ требованіемъ поставки лошадей, для разъѣздовъ по службѣ, дѣйствуетъ въ силу власти присвоенной закономъ его должности, а содержатель станціи, какъ представитель лицъ обложенныхъ повинностью обязанъ въ замѣнъ ихъ, исполнять такое требованіе, поэтому неправильныя дѣйствія слѣдователя при такихъ требованіяхъ должны считаться проступками по службѣ. Правильность такого мнѣнія подтверждается рѣшеніемъ угол. кас. деп. 1871 года № 1164, въ которомъ признано, что требованіе слѣдователя къ содержателю земскихъ лошадей о высылкѣ лошадей для разъѣздовъ по службѣ, есть требованіе власти установленной правительствомъ и неисполненіе этого требованія со стороны содержателя земскихъ лошадей составляетъ проступокъ по 29 ст. уст. о нак. Признавъ неправильныя дѣйствія слѣдователя при взиманіи земскихъ лошадей дѣйствіями по службѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на объясненіе слѣдователя о томъ, что причиною неплатежа имъ прогоновъ было его желаніе побудить тѣмъ ямщиковъ къ устраненію безпорядковъ на станціяхъ т.-е. что неуплатою прогоновъ онъ подвергалъ взысканію неисправныхъ ямщиковъ и между тѣмъ, на основ. 22 ст. врем. прав. для зем. учр. и Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 11-го марта 1868 г., завѣдываніе и надзоръ за исполненіемъ подводной повинности возложенъ на земскія учрежденія и потому означенныя дѣйствія слѣдователя, во всякомъ случаѣ, выходили изъ круга правъ и обязанностей его должности. Такимъ образомъ должно признать, что въ настоящемъ случаѣ слѣдователь, выступивъ изъ предѣловъ своей власти, дозволилъ себѣ дѣйствіе или распоряженіе, на которое не имѣлъ права, т.-е. совершилъ проступокъ, предусмотрѣнный 338, 341 и 343 ст. улож.

Нераздѣлявшіе ни того, ни другаго изъ этихъ мнѣній, находили, что слѣдователь неуплатилъ ямщикамъ прогонныхъ денегъ за взятыя земскія подводы и что изъ объясненія его оказывается, что на взятіе земскихъ подводъ безпрогонно онъ неимѣлъ установленнаго (215 ст. т. IV кн. 11) печатнаго билета, а обязанъ былъ, получая деньги на разъѣзды, пользоваться земскими подводами (согласно 228 ст. того же тома) за прогоны.

Кто же безъ установленнаго печатнаго билета и не въ тѣхъ обстоятельствахъ, кои въ законахъ означены, потребуетъ себѣ земскую очередную или наемную подводу и не заплатитъ за нее прогоновъ, тотъ, хотя бы онъ проѣзжалъ и по казенной надобности, подвергается взысканію по улож. о наказ. (ст. 232 т. IV). По 542 ст. улож. за взятіе безъ печатнаго билета очередной или наемной обывательской подводы безъ прогоновъ, виновные подвергаются..... Въ данномъ случаѣ слѣдователь требовалъ и бралъ земскія подводы: а) безъ установленнаго билета на взятіе подводъ безпрогонно; б) хотя проѣзжалъ по казенной надобности, но не находился въ особыхъ обстоятельствахъ, которыя по закону давали бы ему право на требованіе подводъ безпрогонно и в) незаплатилъ за взятыя подводы слѣдовавшихъ прогонныхъ денегъ. Отсюда поступокъ слѣдователя слѣдуетъ признать неправильнымъ пользованіемъ подводною повинностью, означеннымъ въ 232 ст. т. IV и 542 ст. улож. По уложенію проступокъ этотъ отнесенъ не къ проступкамъ по службѣ, а къ нарушеніямъ постановленій о земскихъ повинностяхъ и по прим. къ 33 ст. уст. уг. суд., подлежитъ вѣдомству мировыхъ установленій. Такому заключенію не противорѣчитъ и приведенное выше рѣшеніе кас. деп., такъ какъ въ этомъ рѣшеніи указана лишь отвѣтственность виновныхъ въ неисполненіи законнаго требованія о поставкѣ земскихъ подводъ, вопросъ же объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неправильномъ пользованіи подводною повинностью, не разрѣшался.

Въ настоящемъ случаѣ большинствомъ было признано, что слѣдователь за поступокъ свой подлежитъ отвѣтственности по 338, 341 и 343 ст. улож., вслѣдствіе чего дѣло представлено (ст. 1080 уст. уг. суд.) въ кас. деп. сената. *)

6 и 7 ст. уст. угол. суд.

Должно ли признавать иски объ обезпеченіи по 994 ст. улож. заявленные судебнымъ слѣдователемъ, исками предъявленными не надлежащей власти? Вопросъ этотъ возникъ въ судѣ при разсмотрѣніи предложеннаго прокуроромъ, по 523 ст. уст. угол. суд. заключенія о прекращеніи дѣла о незаконномъ сожитіи

*) Рѣшеніе кас. сената поэтому поводу будетъ сообщено въ Юрид. Вѣст.

крестьянина М. съ дѣвицей А., послѣдствіемъ котораго было рожденіе ребенка. Съ просьбой объ обезпеченіи А. обратилась къ мѣстному судебному слѣдователю. Слѣдователь принялъ дѣло къ своему производству и произведенное слѣдствіе, по 478 ст. уст. угол. суд., препроводилъ къ прокурорскому надзору. Послѣдній, основываясь на рѣшеніяхъ кас. деп. 1868 г. № 457 и 494, призналъ дѣло подлежащимъ прекращенію, какъ возбужденное просьбой поданной не надлежащей власти.

Незаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею, по силѣ 994 ст. улож., составляетъ проступокъ, въ которомъ виновные подвергаются церковному покаянію, когда же послѣдствіемъ такого сожитія было рожденіе младенца, то на отца возлагается и обязанность обезпечить содержаніе младенца и матери. Въ послѣднемъ случаѣ, если на виновнаго, сверхъ церковнаго покаянія, должна быть возложена обязанность обезпеченія матери и ребенка, дѣла о незаконномъ сожитіи, на основ. 1003 ст. уст. угол. суд. подлежатъ суду уголовному. Наложеніе на отца обязанности обезпеченія ребенка и матери составляетъ гражданскую мѣру, связанную съ наказаніемъ, опредѣленнымъ въ 994 ст. улож. за незаконное сожитіе. Право требованія означеннаго обезпеченія принадлежитъ матери ребенка (рѣш. угол. кас. сен. 1868 г. № 657 и 694) и какъ требованіе о гражданской мѣрѣ, связанной съ наказаніемъ уголовнымъ, соотвѣтствуетъ гражданскому иску, присоединяемому къ уголовнымъ дѣламъ (ст. 6 уст. угол. суд.). По силѣ же 7 ст. уст. уг. суд., гражданскіе по уголовнымъ дѣламъ истцы пользуются правомъ предъявленія иска въ уголовномъ порядкѣ, какъ при возбужденіи дѣла, такъ и во все время до открытія засѣданія по уголовному дѣлу, слѣдовательно и во время производства предварительнаго слѣдствія и во время нахожденія дѣлъ у лицъ прокурорскаго надзора и въ судебныхъ мѣстахъ, лишь до открытія уголовнаго по дѣлу засѣданія и законъ не обязываетъ гражданскихъ по уголовнымъ дѣламъ истцовъ заявлять свои иски исключительно и непосредственно суду. Такіе иски по силѣ 301, 302, 303, 304 п. 3, 305 и 311 ст. уст. угол. суд., могутъ быть заявлены судебному слѣдователю и лицамъ прокурорскаго надзора, такъ какъ прокурорамъ предоставлено право возбуждать преслѣдованіе по всѣмъ вообще, какимъ бы то не было путемъ, доходящимъ до нихъ свѣдѣніямъ и законъ только требуетъ отъ нихъ не начинать преслѣдованія безъ достаточныхъ основаній. При отсутствіи

спеціальнаго узаконенія объ особомъ порядкѣ предъявленія гражданскихъ исковъ по проступкамъ, предусм. 994 ст. улож., и по свойству, опредѣляемой этою статьею обязанности отца незаконно прижитаго ребенка, не представляется основаній, такое требованіе объ обезпеченіи, заявленное не въ окружный судъ, а судебному слѣдователю или лицу прокурорскаго надзора признавать предъявленнымъ не въ установленномъ порядкѣ и потому ничтожнымъ. Высказанному не противорѣчатъ и приводимыя въ заключеніи товарища прокурора по дѣлу А., рѣшенія угол. кас. деп. 1868 г. за № 657, 694. Объясненіи сената о томъ, что послѣ возбужденія дѣла подачею въ надлежащій окружный судъ просьбы объ обезпеченіи младенца и матери, обличеніе обнаруженнаго этимъ прошеніемъ преступленія должно принадлежать прокурору и что дѣла подобныя настоящему (по 994 ст. ул.) могутъ быть вчиняемы не иначе, какъ по просьбамъ объ обезпеченіи поданнымъ въ окружный судъ и должны производиться въ порядкѣ, опредѣленномъ въ послѣдней части 5 ст. уст. угол. суд., не содержатъ въ себѣ указанія на то, чтобы кассац. сенатъ признавалъ просьбы объ обезпеченіи, заявленныя подлежащимъ судебному слѣдователю и прокурору, неимѣющими значенія, какъ поданныя не въ надлежащемъ порядкѣ. Приведенныя мѣста рѣшенія относятся къ разъясненію общаго вопроса — въ порядкѣ ли частнаго обвиненія или по обвиненію лицами прокурорскаго надзора должны производиться дѣла о преступленіяхъ по 2 п. 994 ст, улож. и выраженіе—такого рода дѣла могутъ быть вчинаемы не иначе какъ по просьбамъ объ обезпеченіи поданнымъ въ окружный судъ, по связи съ предшествовавшею рѣчью,—имѣетъ тотъ смыслъ, что такого рода дѣла могутъ начинаться и подлежать разсмотрѣнію окружнаго суда только при возбужденіи дѣла по просьбѣ матери ребенка объ обезпеченіи, а не по требованію прокурора. Вопросъ о томъ, должна-ли просьба быть подана непосредственно въ судъ или она можетъ быть подана слѣдователю, или прокурору и вмѣстѣ съ производствомъ по дѣлу внесена въ окружный судъ общимъ порядкомъ, не только не былъ разрѣшенъ въ смыслѣ исключительнаго предъявленія окружному суду, но и вовсе не былъ предметомъ приведеннаго рѣшенія. Напротивъ того въ рѣш. кас. деп. 1868 г. № 694 содержится указаніе на то, что требованіе обезпеченія подчиняется общимъ правиламъ гражданскихъ исковъ, присоединяемыхъ къ уголовнымъ дѣламъ:

«предоставленіе прокурору права требовать обезпеченія даже и въ томъ случаѣ еслибы мать ребенка сего не желала» *было бы не согласно съ тѣмъ общимъ правиломъ, что гражданскіе иски, присоединяемые къ уголовнымъ дѣламъ, возбуждаются и поддерживаются на судѣ частными лицами*». По этому судомъ признано, что дѣла по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 994 ст. улож., возникшія подобно дѣлу А., по просьбѣ объ обезпеченіи, заявленной судебному слѣдователю или лицамъ прокурорскаго надзора, не могутъ быть прекращаемы, какъ возбужденныя не въ установленномъ порядкѣ, но должны получать надлежащее направленіе, какъ и тѣ изъ такого рода дѣлъ, кои возбуждены подачею просьбы объ обезпеченіи непосредственно въ подлежащій окружный судъ.

И. С.

О

НЕОБХОДИМОСТИ ИЗДАНІЯ

УКАЗАТЕЛЯ,

существующимъ юридическимъ лицамъ и товариществамъ.

Въ 698 ст. т. X. ч. I исчислены 8 группъ лицъ, могущихъ пріобрѣтать права на имущества. Болѣе подробное перечисленіе юридическихъ лицъ и правъ ихъ излагаются въ уставахъ ихъ и учрежденіяхъ, а для казны въ уст. каз. упр. и Государ. благоустр. Между тѣмъ почти ежедневно возникаютъ у насъ новыя юридическія лица и разнаго рода товарищества (компаніи, общества, банки, земскія и другія учрежденія и разныя подраздѣленія существующихъ вѣдомствъ) съ предоставленіемъ имъ самостоятельнаго юридическаго бытія и существованія и права непосредственной судебной защиты. Всѣ эти юридическія лица и товарищества могутъ быть привлекаемы къ суду и являться въ немъ въ качествѣ истца или отвѣтчика. На основаніи же 27 и 1285 ст. уст. гр. суд., юридическія лица ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ не иначе, какъ въ лицѣ особаго повѣреннаго. Далѣе, по уст. гр. суд., въ числѣ прочихъ формъ и обрядовъ процесса, строгое соблюденіе коихъ возложено на судъ, разсматривающій дѣло, безъ котораго онъ не можетъ дать дальнѣйшее направленіе дѣлу, роль повѣреннаго настолько важна въ процессуальномъ отношеніи, что суду вмѣняется въ обязанность, безо всякаго указанія со стороны тяжущихся, не принимать къ своему разсмотрѣнію дѣло, если повѣренный не уполномоченъ на его веденіе (ст. 584 п. 4 уст. граж. суд.). Нѣтъ сомнѣнія, что не-

достаточность уполномочія можетъ быть двоякая: или содержаніе уполномочія недостаточно и не соотвѣтствуетъ установленной закономъ полнотѣ и формальности, напримѣръ отсутствіе уполномочія на дѣйствія, исчисленныя въ 250 ст. уст. гр. суд., или же по дѣламъ, касающимся юридическихъ лицъ, то мѣсто, учрежденіе или лице, которое снабдило повѣреннаго актомъ уполномочія, не считается, въ данномъ дѣлѣ юридическимъ лицемъ—истцомъ или отвѣтчикомъ. Такимъ образомъ, разсматривая дѣло, въ которомъ участвуетъ юридическое лице, долженствующее имѣть своего представителя (въ дѣлахъ, производящихся между частными лицами, это вовсе не трудно). Суду необходимо знать дѣйствительно ли участвующее въ дѣлѣ лице, мѣсто и учрежденіе, можетъ считаться по закону въ этомъ дѣлѣ настоящимъ истцомъ или отвѣтчикомъ, и явившійся повѣренный уполномоченъ ли законнымъ образомъ отъ настоящаго юридическаго лица—истца или отвѣтчика. По множеству же существующихъ и возникающихъ въ обширной Россіи юридическихъ лицъ было бы весьма полезно и даже необходимо имѣть официальный инвентарь, въ который вносились бы всѣ существующія и вновь возникающія юридическія лица, могущія явиться предъ судомъ въ качествѣ истца или отвѣтчика. Подобный официальный указатель избавилъ бы судебныя установленія отъ лишней траты времени на предварительное разсмотрѣніе относящихся узаконеній, уставовъ и положеній, которое является неизбѣжнымъ въ виду необходимости для суда опредѣлить въ каждомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли оно ведется отъ имени настоящаго юридическаго лица. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что подробное исчисленіе юридическихъ лицъ, существующихъ на томъ пространствѣ Имперіи, которое управляется по общимъ узаконеніямъ, достигнетъ солидной цифры. Но для полноты дѣла и въ виду ожидаемаго обрусѣнія и подчиненія нашихъ окраинъ общему порядку и скораго введенія въ нихъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, желательно, чтобы этотъ Юридически-Статистическій Указатель содержалъ въ себѣ свѣденія обо всѣхъ юридическихъ лицахъ, существующихъ на всемъ пространствѣ Россіи, не исключая западныхъ и восточныхъ окраинъ, Привислянскаго и Балтійскаго краевъ, особыхъ областей и земель и обнималъ бы всѣ вѣдомства. Такъ какъ свѣденія эти болѣе всего необходимы судебнымъ установленіямъ, то изданіе подобнаго Указателя и его продолженій, въ

виду новыхъ лицъ, подлежащихъ ко внесенію въ этотъ Указатель, слѣдуетъ сосредоточить въ Министерствѣ Юстиціи, которое издаетъ и справки о судимости по уголовнымъ дѣламъ, а для своевременнаго пополненія этого Указателя, необходимо установить, чтобы всѣ вѣдомства, въ средѣ коихъ возникаютъ новыя юридическія лица доводили о томъ немедленно до свѣденія статистическаго отдѣленія Министерства Юстиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что расходъ на изданіе этого статистическаго сборника выручится посредствомъ продажи полностью, даже съ избыткомъ. Доказательствомъ тому можетъ служить быстрая распродажа сборниковъ кассаціонныхъ рѣшеній, вызвавшая второе изданіе. Изданіе же Юридическо-Статистическаго Указателя не можетъ достигнуть такой высокой цѣны, какъ сборникъ кассаціонныхъ рѣшеній!

М. Градъ.

примечание

VI. — РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ МАТЕРІАЛЬНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО ВЪ СВЯЗИ СЪ КАССАЦІОННОЙ ПРАКТИКОЙ СЕНАТА. — С. — 37
VII. — ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.—В. Н. Лешкова. . 48
VIII. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. 65

VII — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) Дѣло Дмитровскаго купца Винтеръ объ обязаніи Московскаго купца Алферова къ возврату 90 кожъ или о взысканіи съ него ихъ стоимости. 69
2) Дѣло по апелляціонному протесту товарища прокурора Вульферта на приговоръ Суда о мѣщанинѣ Лейбѣ Мандельштамъ, обвиняемомъ въ нарушеніи торговаго устава. 72
3) Дѣло по частной жалобѣ А. Энгельгардта на опредѣленіе Смоленскаго Окружнаго Суда. 75
4) Дѣло Антона Островскаго и Василія Симакина (Прав. Сен. по рекетмейстерской конторѣ).—И. Б. . . . а. . 78
X. — Изъ Судебной практики (338 и 542 ст. Улож. о нак., 6 и 7 ст. Уст. угол. судопр.) — И. С. 82
XI. — О необходимости изданія указателя, существующимъ юридическимъ лицамъ и товариществамъ. — М. Града. . . 89

ОБЪЯВЛЕНІЕ:—Объ изданіи Юридическаго Вѣстника въ 1873.

примечание

Юридическій Вѣстникъ

выходитъ въ 1873 году ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ и болѣе.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083589
ЮФ СПбГУ